

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

№ 3 (3) 2025

- Теоретические и методологические проблемы ономастики
- Региональные ономастические исследования
- Имя в пространстве художественного текста
- Прагматический аспект имятворчества
- Онимная периферия
- События, обзоры, рецензии

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

№ 3 (3) 2025

- Theoretical and methodological problems of onomastics
- Regional onomastic studies
- Name in the literary text space
- Pragmatic aspect of name creation
- Onym periphery
- Events and reviews

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

М.Р. Багомедов – доктор филологических наук – Махачкала, Россия; **М.Ю. Беляева** – доктор филологических наук – Славянск-на-Кубани, Россия; **В.Л. Васильев** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **Н.В. Васильева** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Борисоглебск, Россия; **В.В. Вязовская** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Дамбуев** – кандидат филологических наук – Улан-Удэ, Россия; **З.М. Дударева** – доктор филологических наук – Стерлитамак, Россия; **Г.А. Заварзина** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.М. Калинин** – доктор филологических наук – Донецк, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Меркулова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **С.А. Мызников** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **Ф. Пашаева** – доктор филологических наук – Карс, Турция; **С.А. Попов** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.А. Попова** – доктор филологических наук – Липецк, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Р.В. Разумов** – кандидат филологических наук – Ярославль, Россия; **И.Э. Ратникова** – доктор филологических наук – Минск, Республика Беларусь; **О.А. Селеменова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В.И. Супрун** – доктор филологических наук – Волгоград, Россия; **А.С. Щербак** – доктор филологических наук – Тамбов, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

M.R. Bagomedov – Doctor of Philology – Makhachkala, Russia; **M.Yu. Belyaeva** – doctor of philology – Slavyansk on the Kuban, Russia; **V.L. Vasiliev** – Doctor of Philology – Veliky Novgorod, Russia; **N.V. Vasilyeva** – doctor of philology – Moscow, Russia; **L.N. Verkhovnykh** – doctor of philology – Borisoglebsk, Russia; **V.V. Vyazovskaya** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Dambuev** – PhD in philology – Ulan-Ude, Russia; **Z.M. Dudareva** – doctor of philology – Sterlitamak, Russia; **G.A. Zavarzina** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.M. Kalinkin** – doctor of philology – Donetsk, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Merkulova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **S.A. Myznikov** – Doctor of Philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **F. Pashayeva** – Doctor of Philology – Kars, Turkey; **S.A. Popov** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **E.A. Popova** – doctor of philology – Lipetsk, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **R.V. Razumov** – PhD in philology – Yaroslavl, Russia; **I.E. Ratnikova** – Doctor of Philology – Minsk, Republic of Belarus; **O.A. Selemeneva** – doctor of philology – Yelets, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V.I. Suprun** – doctor of philology – Volgograd, Russia; **A.S. Shcherbak** – Doctor of Philology, Tambov, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Теоретические и методологические проблемы ономастики	
<i>Ковалев Г.Ф.</i> О древности слова «Воронеж» и происхождении гидронима <i>Воронеж</i>	7
<i>Бугакова Н.Б.</i> Имя в лингвокультуре.....	19
<i>Жаркова Т.И.</i> Роль и значение знаний фразеологизмов с именами личными для успешной реализации диалога культур в современной геополитической обстановке.....	24
<i>Попов С.А.</i> Социальные и культурные функции топонимов в региональном пространстве Российской Федерации.....	28
<i>Юдина Т.М.</i> Ономическая региональная терминология в практико-ориентированном обучении инофонов (на примере работы с видеосюжетом «Северные моря России на карте»).....	33
Региональные ономастические исследования	
<i>Корнейко Е.А.</i> Топонимические единицы Белгородчины как объект изучения в научно-исследовательских работах школьников.....	39
<i>Петешова О.В.</i> Отоконимные урбанонимы Калининградской области.....	43
<i>Плохих Т.А.</i> Официальные и неофициальные микротопонимы Верхнемамонского и Россошанского районов Воронежской области.....	47
<i>Повольнова А.А.</i> О проблеме поиска значений фамилий на примере уральского казачьего ономастикона.....	53
Имя в пространстве художественного текста	
<i>Скуридина С.А.</i> «Душечка» А.П. Чехова: ономастический подход.....	57
<i>Барсукова-Сергеева О.М.</i> Структурно-семантическая функция имени персонажей в рассказе В. Токаревой «Стечение обстоятельств».....	63
<i>Биткова А.С.</i> Ономастическое пространство рассказа М. Горького «Старуха Изергиль»: образы Ларры и Данко.....	67
<i>Долгова В.В.</i> Имена собственные в цикле Д.А. Емца «Мефодий Буслаев».....	74
<i>Бугакова Н.Б., Устинова Н.Н.</i> Структурно-семантическое своеобразие библионимов писателя-натуралиста Г.А. Скребицкого.....	80
<i>Чарина О.И.</i> Образ героя в былинке о Мишеньке Даниловиче на северо-востоке Якутии.....	86
<i>Черноусова И.П., Фролов В.М.</i> Топонимический фрагмент сказочной картины мира (на материале русской народной сказки).....	90
Прагматический аспект имятворчества	
<i>Дмитриева К.Д., Новикова М.В.</i> Специфика наименований косметических средств (на примере названий туши для ресниц белорусских производителей).....	95
<i>Вохминцева А.В., Сабина Д.А.</i> Использование терминов родства в сценических именах музыкальных исполнителей.....	99
Онимная периферия	
<i>Кузьминых Е.О., Михнова Л.А.</i> Прецедентное имя <i>Мальвина</i> в современном газетном дискурсе: социальные и культурные аспекты.....	103
<i>Попова Е.А., Лабан М.Л.Ю.</i> Африканские антропонимы в русской лингвокультуре.....	111
Правила оформления статей	117

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
<i>Theoretical and methodological problems of onomastics</i>	
<i>Kovalev G.F.</i> About the anquity of the word “Voronezh” and the origin of the hydronym <i>Voronezh</i>	7
<i>Bugakova N.B.</i> A name in linguoculture.....	19
<i>Zharkova T.I.</i> The role and significance of knowledge of phraseological units with personal names for the successful implementation of the dialog of cultures in the modern geopolitical situation.....	24
<i>Popov S.A.</i> Social and cultural functions of place names in the regional space of the Russian Federation.....	28
<i>Yudina T.M.</i> Onymic regional terminology in practice-oriented teaching of foreign speakers (using the example of work with the video «The Northern seas of Russia on the map»).....	33
<i>Regional onomastic studies</i>	
<i>Korneyko E.A.</i> Toponymic units of Belgorod region as an object of study in scientific research works of schoolchildren.....	39
<i>Peteshova O.V.</i> Otoikonymous urbanonyms of the Kaliningrad region.....	43
<i>Plokhikh T.A.</i> Official and unofficial microtoponyms of Verkhnemamonsky and Rossoshansky districts of Voronezh region.....	47
<i>Povolnova A.A.</i> On the problem of finding the meanings of surnames using the example of the Ural cossack onomasticon.....	53
<i>Name in the literary text space</i>	
<i>Skuridina S.A.</i> Anton Chekhov's "Darling": an onomastic approach.....	57
<i>Barsukova-Sergeeva O.M.</i> The structural and semantic function of the character's names in V. Tokareva's short story “The confluence of circumstances”.....	63
<i>Bitkova A.S.</i> The onomastic space of M. Gorky's short story “The old woman Izergil”: images of Larra and Danko.....	67
<i>Dolgova V.V.</i> Proper names in D.A. Yemts's cycle “Methodius Buslaev”.....	74
<i>Bugakova N.B., Ustinova N.N.</i> Structural and semantic peculiarities of biblionyms of the naturalist writer G.A. Skrebitsky.....	80
<i>Charina O.I.</i> The image of the hero in the epic about Mishenka Danilovich in the Northeast of Yakutia.....	86
<i>Chernousova I.P., Frolov V.M.</i> A toponymic fragment of a fabulous worldview (based on the material of a Russian folk tale).....	90
<i>Pragmatic aspect of name creation</i>	
<i>Dmitrieva K.D., Novikova M.V.</i> The specifics of the names of cosmetics (using the example of the names of mascara from Belarusian manufacturers).....	95
<i>Vokhmintseva A.V., Sabinina D.A.</i> The use of kinship terms in the stage names of musical performers.....	99
<i>Onym periphery</i>	
<i>Kuzminykh E.O., Mikhnova L.A.</i> The precedent name of <i>Malvina</i> in modern newspaper discourse: social and cultural aspects.....	103
<i>Popova E.A., Laban M.L.Jr.</i> African antroponyms in Russian linguoculture.....	111
<i>Layout of the articles</i>	117

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей третий выпуск научного журнала «Ономастический вестник» Воронежского государственного технического университета, который включает работы, посвященные актуальным проблемам ономастики, прозвучавшие на I Всероссийской ономастической конференции с международным участием «Воронежские ономастические чтения» 18 февраля 2025 года.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Теоретические и методологические проблемы ономастики», II – «Региональные ономастические исследования», III – «Прагматический аспект имятворчества», IV – «Имя в пространстве текста», V – «Онимная периферия».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 20 научных работ.

Раздел «Теоретические и методологические проблемы ономастики» включает статьи, обращающиеся к проблемам ономастической интерпретации лексемы *Воронеж* (Г.Ф. Ковалев), рассматривающие имя в лингвокультуре (Н.Б. Бугакова), роль и значение знаний фразеологизмов с именами личными для успешной реализации диалога культур в современной геополитической обстановке (Т.И. Жаркова), выявляющие социальные и культурные функции топонимов в региональном пространстве Российской Федерации (С.А. Попов), описывающие онимическую региональную терминологию в практико-ориентированном обучении инофонов (на примере работы с видеосюжетом «Северные моря России на карте») (Т.М. Юдина).

Раздел «Региональные ономастические исследования» содержит статьи, выявляющие особенности топонимических единиц Белгородчины (Е.А. Корнейко), рассматривающие отойконимные урбанонимы Калининградской области (О.В. Петешова), представляющие официальные и неофициальные микро-топонимы Верхнеаманского и Россошанского районов Воронежской области (Т.А. Плохих), исследующие уральский казачий ономастикон (А.А. Повольнова).

В разделе «Имя в пространстве текста» представлены работы, описывающие поэтику имени в рассказе «Душечка» А.П. Чехова (С.А. Скуридина), выявляющие структурно-семантическую функцию имени персонажей в рассказе В. Токаревой «Стечение обстоятельств» (О.М. Барсукова-Сергеева), рассматривающие ономастическое пространство рассказа М. Горького «Старуха Изергиль» (А.С. Биткова), имена собственные в цикле Д.А. Емца «Мефодий Буслаев» (В.В. Долгова), определяющие структурно-семантическое своеобразие библионимов писателя-натуралиста Г.А. Скребицкого (Н.Б. Бугакова, Н.Н. Устинова), обращающиеся к образу героя в былине о Мишеньке Даниловиче на северо-востоке Якутии (О.И. Чарина), представляющие топонимический фрагмент сказочной картины мира (И.П. Черноусова, В.М. Фролов).

Раздел «Прагматический аспект имятворчества» содержит работы, выявляющие специфику наименований косметических средств (на примере названий туши для ресниц белорусских производителей) (К.Д. Дмитриева, М.В. Новикова) и описывающие использование терминов родства в сценических именах музыкальных исполнителей (А.В. Вохминцева, Д.А. Сабина).

В разделе «Онимная периферия» представлено прецедентное имя *Мальвина* в современном газетном дискурсе (Е.О. Кузьминых, Л.А. Михнова) и африканские антропонимы в русской лингвокультуре (Е.А. Попова, М.Л.Ю. Лабан).

Содержащиеся в выпуске 3 (3) научные работы затрагивают проблемы современной ономастики, рассматриваемые на основе анализа разнопланового материала, что обусловлено особым положением имен собственных в языке. Данное издание может быть интересно специалистам-ономатологам, историкам, географам, преподавателям русского языка, литературы и краеведения, учителям школ, гимназий и лицеев, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем, кого интересует имя как знаменательный элемент лингвокультуры.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
PROBLEMS OF ONOMASTICS**

УДК 81

Г.Ф. Ковалев

*Независимый исследователь
(Воронеж, Российская Федерация)
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

**О ДРЕВНОСТИ СЛОВА «ВОРОНЕЖ»
И ПРОИСХОЖДЕНИИ ГИДРОНИМА ВОРОНЕЖ**

Город Воронеж – один из городов со старой историей. Письменные источники впервые упоминают его в 1177 г. Однако эти данные можно идентифицировать с другим городом Воронежем в современной Сумской области, а также с рекой Воронеж. В статье даются факты, говорящие о финноугорском происхождении гидронима *Воронеж* и о первичности современного миллионного города, названного по реке, что было характерно для XII-XIII веков на территории древней Руси.

Ключевые слова: Воронеж, поселение, город, гидроним, финноугорское название, Мещерский язык.

G.F. Kovalev

*Independent researcher
(Voronezh, Russian Federation)
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru*

**ABOUT THE ANTIQUITY OF THE WORD "VORONEZH"
AND THE ORIGIN OF THE HYDRONYM VORONEZH**

The city of Voronezh is one of the cities with an old history. Written sources first mentioned it in 1177. However, these data can be identified with another city of Voronezh in the modern Sumy region, as well as with the Voronezh River. The article provides facts that speak of the Finno-Ugric origin of the hydronym Voronezh and the primacy of the modern million-strong city, named after the river, which was typical for the 12th-13th centuries on the territory of ancient Rus'.

Key words: Voronezh, settlement, city, hydronym, Finno-Ugric name, Meshchera language.

«Эти имена речек, урочищ и городов, как созвучный
звон. Сколько народов принесли свои лучшие созву-
чия и мечты. Шаг племен. Ушли и приходят».

(Н.К. Перих)

Первое упоминание о *Воронеже* относится к 1177 году в связи с битвой владимирских и рязанских князей и побегом Ярополка Рязанского в «*Воронож*». Вот что об этом сообщают данные Лаврентьевской летописи:

«А по Ярополка посла, глаголя Рязанцем: вы имете нашего ворога, али иду к вам. Рязанци же здумаша, рекуше, князь наш и братья наши погыбли в чужем князи, ехавше в *Воронож*, яша его сами и приведоша его в Володимерь».

Никоновская летопись даёт некоторые дополнения:

«отбежа бо князь Ярополк Ростиславич в Воронож, и тамо прехожаше от града во град... И тако шедше в Воронож, изымаша его, и ведоша в Володимерь».

Некоторые историки предполагают, основываясь на отрывках этих летописей, что Воронеж (*Воронож*) существовал как поселение ещё в XII веке. А.Д. Пряхин и М.В. Цыбин предположительно идентифицировали его с Семилукским городищем на Дону, выше устья реки Воронеж, где было поселение городского типа XII-XIII веков – крайний пограничный «град» на южных рубежах Древней Руси. Другие краеведы полагали, что в летописи имеется в виду только река Воронеж. Однако более поздние археологические раскопки выявили крупные селища в среднем течении реки, которые летописцы справедливо могли причислить к «градам». В нижнем течении на Животинном городище, вблизи села Староживотинного Рамонского района, А.З. Винниковым и другими археологами четко выделены материалы XII-XIII веков среди наслоений нескольких эпох.

Здесь важно посмотреть, когда употребляется предлог «в», а когда «на». Очевидно, что шедше в Воронож – означает поселение. Когда же употреблено «на», – то это указывает на реку или широкую округу – типа *Приворонежье* (то есть – Среднее Подонье).

Второе, очень значимое, упоминание Воронежа в летописях относится к 1237 году, когда началось завоевание Руси ханом *Батыем*. Русские князья решили дать первый бой врагам «и выидоша противу их в Воронож», но потерпели поражение. Существуют различные мнения ученых о месте и обстоятельствах сражения. Некоторые исследователи считают, что под словом «Воронеж» понимается река *Воронеж*.

Об этом же эпизоде говорил и Е. Болховитинов в своей блестящей и прозорливой книге «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (Воронеж, 1800). Цитирую по первоисточнику:

«Но пока еще *Половцы* жили и бѣгали по нашимъ странамъ, то въ концѣ двенадцатаго столѣтїя упоминается уже существующимъ городъ *Воронежь*; и имянно по случаю тому, что бѣжалъ въ него отъ брата своего, Всеволода Владимірскаго, въ 1177 году Князь Ярополкъ Владимірскаго же; и когда Всеволодъ требовалъ у Рязанцевъ, что бы они выдали ему ушедшаго къ нимъ Ярополка, то, говорить продолжателъ Несторовой Лѣтописи, *Рязанцы же гхавше въ Воронежь, сами приведоша его въ Володиміръ*.

Изъ сего видно, что Воронежъ тогда уже существовалъ и состоялъ подъ владѣніемъ Россійскихъ Рязанскихъ Князей, какими бы жителями впрочемъ онъ ни былъ сперва населенъ, о чемъ яснѣе будещъ разыскано въ особенной статьѣ о городѣ Воронежѣ.

Когда появились нашествіемъ своимъ на Россію Татары то Воронежъ былъ первымъ мѣстомъ, гдѣ Рязанскіе Князья имѣли нещастнѣйшее сражеше съ Татарскимъ Ханомъ Башыемъ въ 1237 году. Татары побѣдивъ нашихъ Князей, пошли чрезъ Воронежъ къ Рязани и оттуда далѣе по Окѣ. Съ тѣхъ поръ кажется страна Воронежская паки опустѣла и сделалась подверженною передовымъ и частымъ набѣгамъ и почти кочевьямъ Татаръ, хотя по Лѣтописямъ исчислялась во владѣнш Елецкаго Князя, удѣльнаго отъ Рязанскихъ. И дѣйствительно подъ годомъ 1380мъ въ Лѣтописяхъ упоминается, что Великі Ханъ Мамай стоялъ на Воронежѣ, кочуя во мнозѣ силѣ» [2; с.8-9].

В русских народных говорах *Млечный путь* имеет более двух десятков названий. Показательно, что именно в воронежских говорах он чаще всего называется *Батева Дорога* (*Бáтева* и *Батéва*, *Батáва*, *Батéева*, *Бáтьева*, *Бадéева*, *Бáдева*, *Бадéва* и *Бакéева*). В селе Затон Бутурлиновского р-на о Млечном пути говорят так: «*Бáтева дарóга – яркяя, хуч звѣздушки шиытáй*». В селе Русская Гвоздѣвка Семилукского р-на Млечный путь описывают почти также: «*Батéва дарóга на нѣбу – звѣзды в рядушык пратинóлись, чáстии звѣзды на éтай дарóшки*» [9; с.303-304]. В словаре В.И. Даля это название приведено как *Батыева дорога*, то есть дорога, по которой проходили воины Батыя [5; т. 1, с.137]. Имя предводителя орд потихоньку стиралось из памяти народной. Эта легенда имеет под собой вполне реальную историческую почву. *Батый* действительно начал поход на Рязань именно с воронеж-

ских мест (Кожемякин 1990, с.94-97). Интересно, что редко, но встречается на местах именно такое понимание названия Млечного Пути. Так, в с.Садовое Аннинского р-на зафиксирована **Батыева дорога**: «*А перид рассветам как Батыеву дарогу видна! Хан Батый наступал на этим звездачкам*». Однако уже с давних пор вместо *Батыя* в названии Млечного Пути появляется созвучное и более понятное русское слово – *батя*. И носители говоров уже нередко осмыслиют Млечный Путь как дорогу, по которой уходят от нас души наших отцов [9; с.304].

В 1283-1284 годах при описании о расправе татар с населением Курского княжества и о трагических событиях в Липецком княжестве в летописях в третий раз появляется слово «Воронеж» – в виде записи о Вороножских (Воронежских) лесах. Скорее всего, имелись в виду реально существовавшие леса в среднем и верхнем течении реки Воронеж, на территории современных Липецкой и Тамбовской областей.

В литовском «Списке городов Свидригайло» от 1432 года Воронеж тоже упоминается на 63-м месте рядом с соседними городами Липецк, Оскол, Елец, Курск.

Подробнее об упоминаниях *Воронежа* в письменных источниках писал Г.Н. Мокшин, указывая в частности первоисточники: «Сохранились десятки письменных источников, в которых под «Воронежем», может пониматься город. Правда, при условии, что этот факт сознательно вырывается из контекста, в том числе общеисторического. Это: – русские летописи, сообщающие о Воронеже под 1177 и 1237 гг.; – послания ногайского князя Юсуфа Ивану Грозному под 1521, 1549, 1551 гг.; – документы по организации сторожевой службы на южной границе русского государства под 1571 и 1577 гг.» [15; с. 201]. К сожалению, Г.Н. Мокшин пришел к негативному выводу: «Никаких доказательств существования древнерусского города под названием Воронеж ни в XII–XIII вв., ни тем более в XIV–XVI вв. (до 1585 г.) не существует. Однако большинство исследователей, пишущих по этому вопросу, по разным причинам по-прежнему не исключают такую возможность» [15; с. 202].

Таким образом, можно придти к выводу, что история названия *Воронеж* – реки, града и территориальная единица того и другого, выявляют со всей очевидностью непрерывность существования этого названия, начиная с 1177 года!

Историк из Твери С.В. Богданов привёл значительный список названий русских городов домонгольского периода (среди них: *Витебск, Вязьма, Гомель, Друцк, Дубна, Курск, Корсунь, Корчеськ, Кострома, Минск, Москва, Мценск, Орша, Пинск, Полоцк, Пронск, Путивль, Речица, Рыльск* и многие другие), анализ которых дал ему возможность сделать весьма определённый вывод: «В приведённых названиях древнерусских городов отчётливо проявляется топонимическая закономерность именовании городов по большому или малому гидрониму, на берегах которого они были расположены» [1; с. 70].

Я еще в 1996 г. поручил своему аспиранту М.А. Ююкину сопоставить топонимию вокруг двух городов Воронеж. Этот результат был опубликован [24; с. 57-63]. И вот, что интересно: как я и предполагал одоименной топонимии довольно много (естественно названия поселений меня мало интересовали), особенно поражает одоимённость гидронимов, конечно же, чаще притоков небольших рек. Картина была такова:

Воронеж Сумский (Вороніж)	Воронеж областной (Воронѣжь)
<i>Ведьга</i> – пр. приток Десны	<i>Ведуга</i> – пр. приток Дона
<i>Воргол</i> – пр. приток Клевени	<i>Воргол</i> – пр. приток Сосны
<i>Ворона</i> – л. приток Десны	<i>Ворона</i> – лев. приток Хопра
<i>Дивиця</i> – лев. приток Лоши	<i>Девица</i> – пр. приток Дона
<i>Мамона</i> – пр. приток Сновы	<i>Мамоновка</i> – лев. приток Дона

<i>Снов</i> – пр. приток Десны	<i>Снова</i> – пр. приток Дона
<i>Хавенька</i> – лев. приток Десны	<i>Хава</i> – лев. приток Усмани (Усманки)
<i>Есмань</i> – лев. приток Десны	<i>Усмань</i> – лев. приток Воронежа

Поэтому и название города *Воронеж* идёт от реки *Воронеж*, а не наоборот. Отсюда вывод: городок *Воронеж* на территории теперешней Сумской области (Черниговское княжество), расположенный по обоим берегам речушки *Осотá* (пр. приток Есмани), якобы зафиксированный в древних документах, все-таки вторичен от нашего «речного» *Воронежа*. То есть, наш город древнее своего младшего собрата из Черниговского княжества, поскольку, хотя вокруг него повторяются гидронимические названия Большого Воронежа, но все же он не стоит на реке Воронеж. Практически аналогичный топонимический повтор случился с названием Усмань: старая Усмань на реке Усмань теперь называется Новая Усмань, а новая, без реки Усмань – город Усмань Липецкой обл., то есть уже вторичное название.

Теперь вернемся к Воронежу, как географическому названию. Еще в XIX в. блестящий российский лингвист И.И. Срезневский считал, что слово «Ворóнеж» произошло от слова «вóрон», то есть птицы совершенно черного окраса. Российский языковед немецкого происхождения Макс Фасмер, автор знаменитого «Этимологического словаря русского языка», тоже сделал предположение, что название «Ворóнеж» имеет связь с прилагательным «воронóй» (чёрный), которое происходит от названия птицы.

Я уж не говорю о чисто поэтическом восприятии этого названия у замечательного русского поэта О.Э. Мандельштама, для которого наш город стал местом ссылки и поэтому вызывал специфические ассоциации:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
 Уронишь ты меня иль проворонишь,
 Ты выронишь меня или вернешь, –
 Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож. (Воронеж, апрель 1935)

Да, в пользу таких черных «вороновых» ассоциаций у наших замечательных лингвистов говорят и такие факты: это и повторяемость гидронимов типа *Ворóна*, это и близость Чёрного моря, и черноземье, и даже близость *Чернигова*... (Правда, рядом в Липецкой области есть ещё и *Воргол*, и *Усерт*, и *Чичора!*..). Кроме того, в близком соседстве находится самый южный Новгород *Северский* – известный по «Слову о полку Игореве» родной город князя Игоря, лежавший в черноземных степях, но получивший название от восточнославянского племени *Северь* (В источнике «Географ Баварский» – славянский этноним *Zerivane*, в греческом источнике Константина VII Барягородного отражена его первичная безформантная форма – Σεβέριοι, а в «еврейско-хазарской переписке», датируемой 960-ми гг., – С-в-р). В дальнейшем в ПСРЛ I: 24; 149; ПСРЛ. II: 136) [18], да и по другим греческим источникам известны еще как Северяне / Северене [25; с.112-114]. В.В. Иванов и В.Н. Топоров указали, что этот этноним связан с индо-иранским *saуа-*, имеющим различные пространственные значения, предположив, что оно было переведено на славянский язык с помощью слова **sěveгь*, поскольку северяне были северными соседями ираноязычных народов [Иванов, Топоров 2000: 428-429]. На связь племени Северь с иранцами указывал и Д.А. Стащенко [2006, с. 20-30]. Кстати, а что же в нём «север-ск-ого»? Северь, как летописное древнерусское племя, и по названию и внешнему виду (да, видимо, и по языку) отличались от «коренных» племен Древней Руси. Более того, полагаю, что это ославяненные потомки древних скифов или аланов. Казалось бы, этноним никак не соотносится с географическим *севером* («полночью»).

Археологи соотносят по культуре это племя с именьковцами. Оно было наряду с другими иранскими этнонимами усвоено славянами в период славяно-иранского этнокультурного симбиоза в рамках черняховской археологической культуры. Конкретнее, *Северь* связано с иранским *sew-* – ‘чёрный’, то есть тоже ‘северный’. От них сохранились так называемые *севрюки* с Белгородщины, Курского и Черниговского княжеств, а также и юга Беларуси.

Однако для настоящей, глубокой этимологии и это всё-таки не убедительно. Многие языковые факты говорят, что слово Воронеж связано ни с русским, ни с другими славянскими языками.

Справедливо, хотя и несколько категорично мнение выдающегося финно-угролога и ономаста И.И. Муллонен, которым она характеризует историчность топонимии: «Топонимы по происхождению мотивированы и выражают в большинстве случаев определенное реальное свойство объектов. Однако в процессе функционирования имени внутренняя форма слова, лежащего в основе названия, отступает на задний план. Существенным при функционировании имени оказывается не то, на основе какого признака оно возникло, а то, что с помощью названия можно отличить данный географический объект от других, т. е. его адресность. В результате топоним закрепляется в языке как некий звуковой комплекс, служащий для называния конкретного географического объекта. Поэтому со сменой языка топоним имеет большие шансы быть воспринятым или сохраниться – в зависимости от того, произошла ли смена населения или смена языка местного населения – в новой языковой среде. Иначе говоря, географические названия не связаны с выражением понятия, и этим определяется долгая жизнь многих из них» [16; с. 11].

В действительности это положение прекрасно работает с топонимами точечными, не протяженными (названиями населенных пунктов и т.п.). Но в гидронимии может уйти или изменить смысл гидронимического номинанта, особенно рек, но форма номинанта долго сохраняет свою звуковую оболочку, несмотря на некоторое переозвучивание названия носителями языка иной структуры. То есть, благодаря своей протяженности, реки все же в какой-то степени сохраняют историчность первичной номинации. Конечно, это бывает не без исключений, которые всегда помогают при глубоком изучении, прочесть исконное название (иногда с помощью убедительной аналогии). Именно поэтому я особенно соглашаюсь с И.И. Муллонен: «Этимология отдельного топонима должна опираться на анализ обширного материала, который позволяет выявить набор универсальных признаков, увеличивающих этноисторическую достоверность топонимических штудий» [16; с. 12]. Хочу подчеркнуть, что особой специфичной историчностью обладают форманты, образующие окончательную номинацию гидронимов. Их варианты следует тщательно проверять на идентичность со стороны как морфологии, так и семантики.

В 1947 г. ленинградский исследователь А.И. Попов высказал мысль о связи географического названия «Воронеж» с мордовским словом «вир» – лес. Его гипотеза не была одобрена специалистами. Однако этимологи О.Н. Трубочёв и В.Н. Топоров её поддержали. Это была очень профессиональная поддержка, но...

В 1971 и 1977 годах профессор В.П. Загоровский в книге «О древнем Воронеже и слове „Воронеж“» развил ономастическую гипотезу Л.В. Успенского о том, что название «Воронеж» – это притяжательное прилагательное от пока не выявленного древнерусского имени «Воронэг». По его версии, ойконим «Воронеж» появился на Черниговской земле (ныне поселок Воронеж) и был перенесен в Подонье в конце XI или начале XII века, где это слово закрепилось в названии реки. Правда, сам же В.П. Загоровский справедливо замечал, что его предположения «пока не могут выйти за рамки научной гипотезы» [6].

Автор многочисленных, но не всегда надежных словарей, Е.М. Пospelов и тут «поспел» – он объединил летописные сведения с наложенными на них псевдонаучными построениями: «Воронеж. Основан в 1586 г. как крепость на р. *Воронеж*, по которой и назван. Река получила название по городу *Воронеж*, упоминаемому в летописи под 1147 г., но разрушенному во время монголо-татарского нашествия. Ойконим *Воронеж* в Подонье был пе-

ренесен из Черниговского княжества, где он возник в IX в. как притяжательное прилагательное от личного имени *Воронег* (из *Воро/но/нег*) – «город Воронег» [17].

Это, конечно же, определенное продвижение к истине, однако, к сожалению, и эта гипотеза не может быть принята за основную. В условиях совпадения номинации гидронима и «сухого» топонима первичным в номинации у славян всегда будет название реки, поскольку различное название её отдельных частей сводило бы на нет смысл общего названия реки. А вот на суше названия называть и менять, да и просто ориентироваться гораздо проще. Тем более, что называние рек с помощью антропонимов – совсем не характерное явление для славянской номинации речных объектов.

Кстати, когда я говорю о непрерывности номинации словом Воронеж определенного поселения, то это совсем не значит, что и место названия всегда одно и то же. Дело в том, что, начав расселение по Дону еще в VIII-IX веках, славяне встретились с нападениями различных этнических кочевников (в основном этносов тюркского или иранского происхождения). Поселения по Дону и Воронежу регулярно сжигались, а женщин и детей уводили с собой. Поэтому, меняя место жительства, славяне сохраняли название Воронеж, вплоть до переселения какой-то их части в Черниговщину, куда явно селяне перенесли названия некоторых воронежских микрогидронимов.

Нельзя согласиться и с этимологией гидронима Воронеж, представленную украинским исследователем В.В. Лучиком. Он сопоставил название *Воронез* с гидронимами *Ворона*, *Ворон*, *Вороник* и даже *Ворончок*. Причем семантику В.В. Лучик производил по «цветовому» признаку: вороной «чёрный; тёмный как уголь» (о воде, дне, берегу также) с помощью продуктивного в др.-русс. топонимии суффикса *-ежь*, ср. р. *Трубежь*, нп *Теребежь* (см. Теребля, Теребовля), см. также апелятивы типа *рубезь*, *вертежь* [13; с. 140].

В 2003 году археологи А.З. Винников и А.Т. Синюк вполне справедливо склонились к тому, что название реки *Воронез* появилось не в XI-XII веках, а в конце VIII или начале IX века, его оставили пришедшим сюда славянам, основателям многих поселений в низовьях реки, покинувшие предыдущие народы [4]. Вот это – ключевое и весьма аргументированное мнение. Вопрос теперь только о том, кто же был тем этносом, оставившим плодородные земли Черноземья?

Это, прежде всего, были финно-угорские группы, относящиеся к древнему племени *Мещера*. Могли быть группы Мордвы, но те её представители, которые проживают и до сих пор вблизи, в Тамбовской области, прибыли на эти места поселения гораздо позднее Мещеры. Об этом свидетельствуют данные археологии, которые отрицают наличие древних мордовских следов на Воронежской земле. Подробнее о географии древней Мещеры [см.:12].

А что осталось от исчезнувшего финно-угорского этноса Мещеры? Практически ничего материального... Орда Батыя практически уничтожила Мещеру как этнос. Последним известным представителем мещерского народа был знаменитый Евпатий Коловрат – самый известный мещерин, прославленный как былинный богатырь, сражавшийся с ордой Батыя. В популярной литературе он представлен как русский богатырь. На самом деле это был природный мещерин, который действительно нанёс отрядам Батыя существенный урон, за что после гибели был Батыем признан грозным воином.

Но вот язык, мещерский язык, умерший вместе с этносом, оставил яркие следы. Наиболее характерен сохранившийся до нашего времени элемент в нашей региональной топонимике – *-оват/-еват-*. На первый взгляд, это вполне русский формант, корректирующий размер или качество, указывая на недостаточность, сравните: *мелковато*, *большеват*, *простоватый*, *красноватый*, *беловатый* и т.п.

Однако, когда мы обратимся к микротопонимии, то оказывается, что такой смысл в названиях полностью теряет своё сугубо русское значение, сравните, например: *Ольховатка*, *Песковатка*, даже *Сосноватка* и т.д. Получается, что корневого значения (*ольха*, *песок*, *со-*

сна) не хватает, то есть этих деревьев по берегам мало. Стоило ли по ним тогда называть речку?

Откуда же взялись названия с элементом, означающим якобы неопределенность качества или характера предмета? Скорее всего, из языка народности Мещера, которая частично была уничтожена ордой хана Батыея, отчасти была ассимилирована русскими и мордвой. К сожалению, от этой народности, поскольку она развивалась в дописьменную эпоху, не осталось ни фольклора, ни словаря.

Простой пример:

Ольганка (Альгáнка) – болото у с.Чесменка Бобровского р-на Воронежской обл. Название никак не связано с именем *Ольга*, поскольку тогда по-русски оно было бы *Ольгино* (от *Ольга*) или *Ольгово* (от *Ольгъ*). Оказывается, что происходит это название от топографического термина *ольга*, что значит ‘топкое болото’ [5; т. 2], сравните также: «карельское *olgi* – род. пад. *oljen* ‘трава, осока’» [23; с. 71]. Это название уже помогает разгадать тайну другого названия – *Ольховатка*. Название парадоксальное с точки зрения русского языка: если названо по *ольхе*, растущей по берегам, то причём здесь этот суффикс *-оват-*, означающий *недостаточность*. Если ольхи мало, то ею и не назвали бы речку. Здесь и корень и суффикс псевдославянские, поскольку первое – это финно-угорское *olex* – ‘болото’, а второе *-оват* – ‘берег’ [10; т. 2, с. 510]. Кстати, впервые я получил сведения о значении слов *ольх-* – ‘болото’ и *оват-* ‘берег’ в личном разговоре с известным лингвистом и исследователем этнографии мордвы – профессором Н.Ф. Мокшиным.

И сравните, казалось бы, такой же гидроним *Ольховец* – ручей в Липецкой области, берега которого поросли кустами *ольхи*. От этого ручья и пошло название села Ольховец.

Вот еще примеры из нашего трехтомного словаря микротопонимии:

Карасеватое (Карасивáтъе и Карсívатъе) – озеро в с. Бабка Павловского р-на. Возможно, в озере водились караси, но суффикс *-оват-* говорит не о том, что карасей маловато, а о чем-то другом, связанном с неславянским происхождением названия.

Ольховатка (Ольховáтка) – речка у сл.Юрасовка Ольховатского р-на. Приток Чёрной Калитвы, названа, якобы, по зарослям *ольхи* на её берегах. Стала известна русским в XVI в. в связи со сторожевой службой в степи.

Ольховатое (Ольховáте) – озеро близ хут.Прияр Лискинского р-на.

Ольховатое (Альхавáтое) – озеро. “Названо так по ольховым кустам на его берегах”, по озеру названа дер.Ольховатка Рамонского р-на.

Пеньковатка (Пинькавáткъ) – луг в с.Старая Чигла Аннинского р-на. На месте луга раньше был лес, а после рубки остались только *пеньки*.

Пеньковатое (Пинькавáтъйь) – место близ с.Новая Сотня Острогожского р-на, где после порубки леса оставались *пеньки*. Сравните чисто русское образование номинанта с тем корнем: Пеньковая гора (Пинькóва Горá) – меловая возвышенность в г.Калач. Названа так, возможно, по остаткам деревьев – *пенькам*.

Песковатка (Пискавáткъ) – озеро близ с.Гремячье Хохольского р-на. Название указывает на особенность почвы берегов и дна – она песчаная.

Песковатка (Пискавáтка) – часть с.Орлово Новоусманского р-на. Это восточная окраина села, протянувшаяся вдоль берега р.Усманки, названная так якобы по песчаному составу почвы.

Песковатка (Пискавáтка) – ул. и часть с.Петровское Борисоглебского р-на. Это была окраина села, улица проходила вдоль песчаного берега р.Хопёр. Намывы песка сохранились до сих пор.

Песковатка (Писковáтка) – ул. и часть с.Сагуны Подгоренского р-на.

Песковатка (Пискавáтка) – ул. и часть с.Солдатское Острогожского р-на.

Песковатое (Пискавáтое) – озеро к востоку от с.Новая Калитва Россошанского р-на.

Песковатская (Пискавáцкая) – ул. в с.Верхний Ольшан Острогожского р-на.

Песковатское (Пискóвацкое) – озеро у с.Гороховка Верхнемаммонского р-на.

Плясоватский Куст (Плисова́цкий Куст, Плисова́цкие Кусты) – роща в поле между с. Архангельское и с.Плясоватка Верхнехавского р-на.

Ползоватовка (Пълзава́тъфка) – лес у с.Верхнее Турово Нижнедевицкого р-на. Назван, видимо, за извилистую форму.

Резаковатая (Ризькава́тая) – поляна в Хопёрском заповеднике. Название дано по озеру Резаковатому, вблизи которого находится поляна. ВРВ. Н.-Хоп.

Росоховатое (Росóхуватэ) – озеро у с.Старотолучеево Богучарского р-на.

Чистоватое (Чиставáтъе) – урочище у с.Оськино Хохольского р-на.

Шаповатый (Шаповáтый, Шаповáтэ) – лес у с.Кривая Берёза. Ольховатского р-на. Другой вариант названия украинский – Шыповáтэ.

Шаповатый (Шаповáтый, Шаповáтэ) – пруд (ставок) близ с.Ольховатки (в сторону Белгорода). Другой вариант названия – Шыповáтэ.

Шиповатое (Шыповáтойэ) – лес близ сл.Копаная Ольховатского р-на. Это лиственный лес, в котором подлеском растут колючий тёрн, а также ежевика и малина.

Ясиноватая (Ясиновáта) – балка в Кантемировском р-не. В балке был устроен одноименный пруд.

Видимо, поэтому и живут у нас странные, только на первый взгляд, такие названия: *Альсяи* – балка в с.Васильевка Грибановского р-на, а также *Ольсян* – местность у с.Кирсановка Грибановского р-на. Туда же нужно отнести и якобы прозрачный гидроним *Кисляй*.

Языковым наследием волжско-финского населения Поочья (в т.ч. и мещеры) считается явление цоканья в русских местных говорах. Ср. *цуканы* Воронежской губернии.

Мещера в древности была народностью, занимавшей громадную территорию от теперешней Москвы до Воронежа и южнее, а также бо́льшую часть Левобережья Днепра, включая теперешние юг Беларуси, Донбасс, Курск и Белгород. Правда, мещерское население было очень рассеянное и со сравнительно малой плотностью населения. Остались только немногие топонимы, сохранившие своеобразную память о древней Мещере:

Мещерка – село бывшего Усманского уезда Тамбовской губернии.

Мещерский Липяжок – село бывшего Усманского уезда Тамбовской губернии Мещеряки – село бывшего Липецкого уезда Тамбовской губернии.

А также в Черноземье остались и другие названия: Мещерино, Мещерское, Мещеряковка, Мещеряковский ... Конечно же, не все эти топонимы отражают древний этноним, возможна и следующая ступень – антропонимическая, где фамилия образуется уже от этнонимного топонима.

Скорее всего, и название *Воронеж* является памятью об участии Мещеры в процессе формирования древней гидронимии нашего региона. Название реки образовалось от двух компонентов мещерского происхождения: основой было финно-угорское слово *Воря* (возможно, из *вир* – ‘лес’) и формант *-ога/-ег* (такой же, как в *Лад-ога* или *Он-ега*).

Это подтверждается и исследованием воронежского ономаста В.А. Семушкина: «К безусловно финским по происхождению можно отнести гидронимы *Ведуга* (1. пр. Гнилуши; 2. пр. Дона) и *Нега* (пр. Дона). Первый из них фиксируется в Книге Большому Чертежу в форме Ведога: "А с Крымской стороны <...> пала в Дон речка Ведога, от Воронежа верст 10» [19; с. 82]. Эти формы на *-ога / -уга* могут свидетельствовать о том, что вторая их часть, *-ога / -уга*, есть не что иное, как переосмысленный финский гидрографический термин *joki, jogi, dogi* ‘река’» [19; с. 57-58].

А.К. Матвеев писал о таких элементах в марийских названиях рек: «... реконструируемые формы топоформанта **-jeg(a), *-jog(a), *-jug(a)* и т.п. могут сопоставляться с обозначением реки в различных финно-угро-самодийских языках. Кроме того, исходную форму восстановить сложно еще и потому, что на русской почве в безударном положении корневой гласный топоформанта мог подвергаться интенсивной адаптации» [14; с.87]. Характерные

названия, которые А.К. Матвеев выделил как реки с мерянским формантом V-ега /-ога: *Ва-рега, Вóдога (Вондега), Вóзega, Вóжega, Воймега, Волнога, Вохтага, Лóхтога, Молога, Мур-мога, Сентега, Танога* и др. [14; с. 268].

Правда, между Лесным Воронежем и Полным Воронежем есть еще третья река без имени, образующая даже озеро. Кроме того, видно, что исток Лесного Воронежа обнаруживается севернее этого района. Очевидно, в Липецкой области.

Нужно учесть различие значения карельского корня слова являющегося определителем семантики сочетания с о словом река. Так, А.Л. Шилов утверждает: «... названия, содержащие в основе саамское *vahta* «путь», *vahte* «лес, лесистая гора», финское, карельское *vaaga, voaga* «гора», ... у русских превращались в названия с одинаковым начальным *Вара-*» [23; с. 69]. То же констатирует и Д.В.Цыганкин: «Гидроним *Варма*, по всей вероятности, финно-угорского происхождения и состоит из двух компонентов: апеллятива *вар* ~ *вара* и топоформанта *-ма*. Апеллятиву *вара* имеются соответствия: фин. *vaaga* «гора, сопка», удм. *выр* «возвышенность, бугорок, холм», саам. *vahta* «лес» [22; с. 63].

Парадоксально, однако как у карело-финнов, так и у древних славян понятия 'лес' и 'гора' совпадали, точнее: *гора* у древних славян назывался *лесом*. Это понимание сохранилось в современном болгарском языке и в диалектах сербского.

Рис. 1. Карта истоков Лесного Воронежа и Полного Воронежа

Кроме того, весьма показательно, что именно гидроним *Лесной Воронеж* легко восстанавливает своё финно-угорское происхождение: *Воронеж* – (из *warre* – ‘лес’ + *onegi* – ‘река’) = нечто непонятное для славянина + понятное *Лесной*. То же можно сказать и о *Воронеже Полном*: На мошанском диалекте *Вор* – это ‘поле’, сравните: **Вор гужонь пакся** (м.) – поле у лесной поляны [Цыганкин 2004, с.79]. Это очень похоже на структуру славянского *Даждь-бог*, в котором *Бог* не совсем понятен, ибо происходит из древне-индоиранского *Бхага* (*Bhaga*) – ‘дающий’, ‘наделяющий’, а вот со словом *даждь* – вполне понятно.

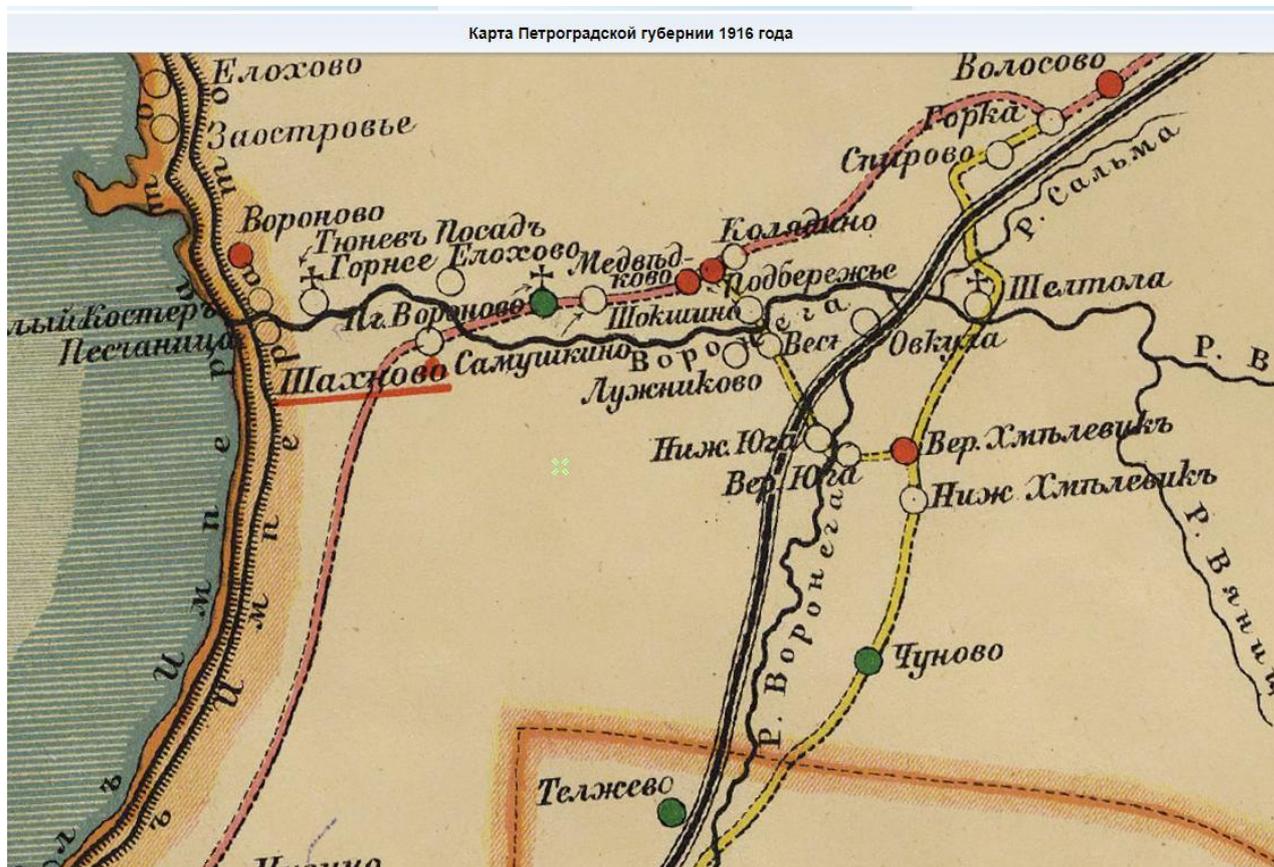

Рис. 2. Карта Петроградской губернии 1916 года

Это подтверждается и исторически: в 1164 году на берегу **реки Воронеги** (теперь **Воронежки**), недалеко от места её впадения в Ладожское озеро произошла битва, в которой новгородцы, ладожане и княжеская дружина наголову разгромили численно превосходившее их шведское войско. **Воронежка** – **река** до сих пор протекает в Волховском районе Ленинградской области. Впадает в Ладожское озеро.

Теперь к важнейшему вопросу о старшем появлении Воронежа, нежели Москвы: наши доказательства идут не столько от фактов, сколько в логике исторического процесса.

Василий Татищев в своих трудах писал, что до Юрия Долгорукого московскими землями владел боярин Кучка. Долгорукий не ладил с Кучкой и, в конце концов, приказал его убить, а земли забрал себе, считает историк. В Ипатьевской летописи сказано: «в день пяток, на Похвалу святей Богородицы» была назначена встреча на «обед силен», где встречались Юрий Долгорукий и князь Святослав Ольгович. Произошло это 4 апреля 1147 года. Этот год считается годом основания Москвы. Города еще не было, но боярин Кучка уже был убит. Поэтому даже позднее, в 1176 г. в исторических документах ещё встречается упоминание

города Кучкова (по имени прежнего хозяина здешних земель), хотя Юрий Долгорукий к тому времени уже назвал город Москвой по Москве-реке.

Библиографический список

1. Богданов С.В. Минск – Лопасна – Тверь: о топонимической закономерности в названиях древнерусских городов // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «История». 2019. № 4, с.67-85.
2. Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии». Воронеж, 1800, 229 с.
3. Винников А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в VIII – нач. XIII вв.: Животинное городище на р. Воронеж. Воронеж, 2014. 396 с.
4. Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий: Археологи о древней истории Воронежского края. Изд. 2-е. Воронеж, 2003.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1903-1909, ТТ. 1-4.
6. Загоровский В.П. О древнем Воронеже и слове Воронеж. Изд. 2-е. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. 104 с.
7. Зачиняев А. Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губерний // Изв. Отд. русск. яз. и словесности АН, 1906, кн.1.
8. Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000, с.413-440.
9. Ковалёв Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж, «Научная книга», 2014, 440 с.
10. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области : в 3-х т. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2023. Т.1 : А – Й. 2023. 526 с.; Т.2 : К – О. 2023. 535 с.; Т.3 : П – Я. 2023. 582 с.
11. Кожемякин А.В. Батый в Подонье // Воронежское краеведение: опыт и перспективы развития. Воронеж, 1990.
12. Кузнецов С.К. Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом институте в 1907-1908 гг. Вып. 1: Меря, мещера, мурома, весь. М., 1910.
13. Лучик В.В. Етимологічний словник топонімів України. Київ, ВЦ «Академія», 2014, 362 с.
14. Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. IV. Топонимия мерянского типа; сост., науч. ред. О.В. Смирнов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 313 с.
15. Мокшин Г.Н. Существовал ли город Воронеж в XII веке? // VII Семеновские чтения: наследие П.П. Семенова-Тян-Шанского и современная наука. Материалы Международной научной конференции. К 195-летию со дня рождения П.П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, 2022, с.200-202.
16. Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002, 354 с.
17. Пospelов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М., Профиздат, 2000. С.74-75.
18. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1962-1989. Т. 1-38.
19. Сёмушкин В.А. Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты. Канд. дисс. Воронеж, 2000. 136 с.
20. Соболевский А.И. Названия рек и озёр Русского Севера // ИОРЯС АН СССР. М., 1927.
21. Сташенков Д.А. Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // Славяноведение. 2006. № 2, с.20-30.

22. Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове. Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск, 2004, 432 с.
23. Шилов А.Л. Топонимический заповедник // Русская речь, 1996, №3, с.66-74.
24. Ююкин М.А. Топонимические параллели Черниговского княжества и Среднего Подонья // Край Воронежский: история и традиции. Вып.1.Воронеж, 1996, с.57-63.
25. Яйленко В.П. Этимологическое различие этнонимов балканских и приднепровских славян-северов // Балканы в контексте Средиземноморья. М., 1986, с.112-114.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ковалев Геннадий Филиппович,
доктор филологических наук, профессор;
SPIN-код: 2855-2430;
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Kovalev Gennady Filippovich,
Doctor of Philology, Professor;
SPIN-code: 2855-2430;
e-mail: kovalev@phil.vsu.ru

УДК 81'282.2, 81'42

Н.Б. Бугакова
Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
E-mail: ya_witch@mail.ru

ИМЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья посвящена исследованию имени в рамках лингвокультурного подхода. Сообщается, что имя несет в себе культурные и исторические значения, может отражать социальные нормы, религиозные убеждения, этнические особенности и пр. Отмечается, что в разных культурах существуют свои традиции именования, основанные на религиозных, мифологических и социальных факторах; кроме того, происхождение имен также связано с историческими событиями и изменениями в обществе. Таким образом, имена несут в себе глубокий символический смысл, который может влиять на восприятие человека окружающими и даже на его судьбу, поэтому выбор имени часто сопровождается тщательным обдумыванием. Приводятся примеры из истории и современной практики выбора имен, демонстрирующие влияние культурных и социальных факторов на этот процесс. Делается вывод о том, что исследование роли имени в лингвокультуре позволяет лучше понять механизмы формирования идентичности, а также выявить взаимосвязи между языком, культурой и обществом, поскольку семантика имени охватывает широкий спектр характеристик: происхождение, символику, культурные и социальные коннотации, индивидуально-психологическую ценность и многое другое.

Ключевые слова: имя, лингвокультура, ономастика, идентичность, индивидуальные ассоциации, национальные особенности именования.

N.B. Bugakova
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
E-mail: ya_witch@mail.ru

A NAME IN LINGUOCULTURE

The article is devoted to the study of the name within the framework of the linguistic and cultural approach. It is reported that the name carries cultural and historical meanings, may reflect social norms, religious beliefs, ethnic characteristics, etc. It is noted that different cultures have their own naming traditions based on religious, mythological and social factors; in addition, the origin of names is also associated with historical events and changes in society. Thus, names carry a deep symbolic meaning that can influence a person's perception of others and even their fate, so choosing a name is often accompanied by careful consideration. Examples from the history and modern practice of choosing names are given, demonstrating the influence of cultural and social factors on this process. It is concluded that the study of the role of the name in linguoculture makes it possible to better understand the mechanisms of identity formation, as well as to identify the relationship between language, culture and society.

Keywords: name, linguoculture, onomastics, identity, individual associations, national naming features.

Имя, отражая индивидуальность человека, определяет его принадлежность к определенному обществу и культуре, является одним из ключевых элементов человеческой культуры; кроме того, имя играет важную роль в формировании идентичности личности.

Предлагаемое исследование посвящено анализу роли имени в лингвокультуре. Под этим термином будем понимать совокупность языковых и культурных явлений, которые взаимосвязаны и взаимозависимы. Очевидно, что имя, будучи частью этой системы, несет в себе культурные и исторические значения, может отражать социальные нормы, религиозные убеждения, этнические особенности и пр. Отметим, что в разных культурах существуют свои традиции именования, основанные на религиозных, мифологических и социальных факторах. Кроме того, происхождение имен связано с историческими событиями и изменениями в обществе. Таким образом, имена несут в себе глубокий символический смысл, который мо-

жет влиять на восприятие человека окружающими и даже на его судьбу, поэтому выбор имени часто сопровождается тщательным обдумыванием.

Примечательно, что «вместе со способностью к передаче значимой для получателя информации они могут эту же информацию «засекречивать» для инокультурных, «непосвященных» реципиентов, так как имя собственное всегда является отражением специфических реалий, относящихся к фоновой лексике» [4, с. 104]. По мнению исследователей, это обусловлено зависимостью ономастической подсистемы языка от социокультурных факторов [4, с. 104]. В частности, «искусственная ономастика, ... эргонимы и маркировки, оказывает влияние на процесс познания социокультурных изменений в современном российском обществе, отражает динамические изменения в материальной культуре, бытовом укладе, социальных отношениях» [4, с. 105].

В.И. Супрун, рассматривая обращение как отражение русской коммуникативной культуры, отмечает, что «каждый народ в ходе своего социального и языкового развития вырабатывает собственные способы привлечения внимания и особые вокативные единицы и модели. В них отражаются традиции этнокультуры, сложившиеся на протяжении веков и тысячелетий» [11, с. 90]. Отмечая, что «для русского языкового сознания наиболее вежливой является формула обращения по имени и отчеству» [там же], ученый прослеживает «определённые параллели с восточными традициями именованья лиц по имени отца» [там же]. Полагаем, такие параллели позволяют думать о сходстве этнокультур несмотря на то, что у каждого этноса существуют свои традиции именованья; очевидно, что в именах «могут сливаться, взаимодействовать национальное и интернациональное, национальное и иноязычное» [5, с. 97].

Обращаясь к рассмотрению этимологии восточнославянской антропонимии, А.А. Белецкий сообщает, что «современная восточнославянская антропонимия по происхождению не является собственно славянской и говорит не столько о языке, сколько о культуре ее носителей» [2]. Исследователь отмечает, что историческим источником восточнославянской антропонимии является греческая система имен византийской эпохи, восходящих к славянскому и скандинавскому антропонимиконам. Следовательно, «расхождение между антропонимией и нарицательной лексикой оказывается по большей части результатом взаимодействия культур и может быть признано показателем сложной культурной эволюции» [там же]. Таким образом, очевидно, что исследование имени в лингвокультуре представляет собой многогранную область науки, включающую исторические, социальные и психологические аспекты. Кроме того, изучение имен способствует лучшему пониманию культурного наследия народов, их традиций и ценностей, а исследования в этой области позволяют углубить знания о механизмах формирования идентичности и влияния имени на социальную жизнь.

С точки зрения выявления взаимосвязей имени и культуры примечательно рассмотрение семантики имени, которая, как правило, охватывает разнообразные уровни значений и смыслов. К ключевым направлениям анализа семантики имени отнесем, в частности, этимологический аспект, так как происхождение и первоначальное значение имени представляют важный элемент его семантики. Многие личные имена связаны с древними корнями, заимствованиями из других языков, традициями предков и народным творчеством, культурой, историей и обычаями определенного народа. Имена могут отражать национальные мифологические представления, традиции семьи и религиозных верований. Например, некоторые православные имена происходят из Библии или были закреплены церковью во времена крещения Руси. Каждое имя несет в себе определенное количество ассоциаций и символов, которые влияют на восприятие человека окружающими людьми, поэтому часто выбор имени обусловлен желаниями родителей передать своему ребенку важные характеристики характера или судьбу. Кроме того, важную роль играет социальный аспект: каждый временной период развития общества характеризуется популярностью определенных имен. Их распро-

странение зависит от социально-экономических условий, моды, политической ситуации и даже общественных настроений. Так, например, революция 1917 года сыграла ключевую роль в истории России, что не могло не отразиться и на ономастиконе того времени. Известно, что до 1917 года имя присваивалось церковью, т.е. имянаречение осуществлялось в соответствии со святцами – поименным перечнем святых православной церкви, составленным по порядку месяцев и дней их чествования. После Революции происходит процесс отторжения церковных имен, а на смену традиционным именам приходят в том числе вновь создаваемые, которые теряют прочные ассоциации с христианством. А.А. Селезнева верно замечает, что «в 1920-е годы имя в СССР рассматривалось как своеобразный пропуск для новых людей в новую жизнь, которая должна наступить», в связи с чем «в рабочих коммунах, на фабриках и заводах, ребенку просто невозможно было дать традиционное церковное имя» [8].

В то же время, например, распространенной становится тенденция смены имени, поскольку имя – это не только отличительный знак человека, но и символ принадлежности к определенному социальному слою. Как указывает А.М. Селищев, в послереволюционный период происходит отказ от имен, характерных для низших классов, например, Анисим, Антип, Гавриил, Ефим, Ефрем, Захар, Кузьма, Лука, Макар, Малафей, Никита, Фома; Агафья, Анисья, Аграфена, Дарья, Матрена, Меланья, Прасковья, Степанида, Фекла [9, с. 434]. Отметим, что подобное явление не уникально, практика смены имени происходит в случаях, когда человек существует в иноэтничном или иноконфессиональном окружении. Конечно, чаще смена имени происходит неофициально – дома или для знакомых.

Происходящее в ономастиконе народа, очевидно, находит отражение в художественных текстах. В частности, на примере модели ономастического творчества известного воронежского писателя А. Платонова можем проследить отмечаемые нами тенденции, реализующиеся в произведениях, создаваемых писателем в это время. Так, например, рассказ «Жажда нищего (Видения истории)» может быть рассмотрен как историографический источник, так как содержит указание на особенности имянаречения: «Маленькие девочки ... носили имена Электрификации, Искры, Волны, Энергии, Динамомашин, Атмосферы, Тайны. А мальчики назывались Болтами, Электронами, Цилиндрами, Шкивами, Разрядами, Амперами, Токами, Градусами, Микронами» [6, т. 1, с. 115]. Однако, вопреки устоявшемуся на тот момент мнению, что новым людям нужны новые имена для сотворения новой жизни, такой подбор детских имен, представляющих собой технические термины, как считает А. Платонов, свидетельствует о том, что рождаются новые люди, пришедшие в мир, чтобы «окончить белый свет» [6, т. 1, с. 221].

Говоря о смене имени как об одной из тенденций, вспомним еще одно произведение писателя, герой которого, Демьян Фомич, «сапожничал – старинное занятие» [6, т. 1, с. 11]. Видим, что персонаж именуется в соответствии с русской традицией по имени-отчеству – оним *Демьян* образован от лат. *Damianus* «посвящённый богине плодородия Дамии» [10, с. 166]. Имя *Демьян* носил святой, о котором А. Платонов упоминает в первых же строках рассказа: «В день Косьмы и Дамиана (теперь Индустриала и Карла) он был именинник, потому что был Демьян» [6, т. 1, с. 11]. Напомним, что день Косьмы и Дамиана был установлен церковью в память о святых Косьме и Дамиане, которые лечили людей и не брали за это деньги; поэтому их называли бессребренниками. Таким образом, автор обращает внимание на то, что имена давались по святцам, как принято было в дореволюционной России. Эмблематично, что А. Платонов иронично сообщает о смене имен святых – теперь они Индустриал и Карл. Онимные единицы в данном случае сформированы в соответствии с советской традицией имянаречения и отражают символы эпохи. Индустриал – это тот, кто трудится в сфере индустрии, промышленник. Из нарицательного существительного с таким значением А. Платонов образует имя, призванное обозначать святого. Употребление онима *Карл* вызывает безусловную ассоциацию с идеологом, философом Карлом Марксом, который прославился созданием «Манифеста коммунистической партии» и «Капитала». Видим, что в творчестве А. Платонова предпринимается попытка канонизации идеалов Советской власти, что способ-

ствуует воссозданию исторического хронотопа, поскольку известно, что период становления Советской власти ознаменован отказом от религии, названной опиумом для народа; на смену православной религии пришел коммунизм и обожествление его строителей.

Произведения, созданные А. Платоновым на основе впечатлений от поездок в Среднюю Азию, отражают влияние азиатской культуры на писателя, проявляющееся, в частности, в отборе онимных единиц, используемых автором. Так, в художественном пространстве повести «Джан» существенное место отводится второстепенным, казалось бы, персонажам – старому Суфьяну (пер. с арабского «ветер»), который притворяется мертвым, потому что «душа занемела от жизни» [6, т. 4, с. 76], и Нур-Мухаммеду, прямому антагонисту Назара Чагатаева. Антропоним *Суфьян* «вызывает историко-культурные ассоциации, значимые для раскрытия художественной концепции произведения» [1, с. 7]. Подобные ассоциации обусловлены тем, что «Абу Суфьян – правитель Мекки, вошедший в мусульманскую мифологию как человек, враждовавший с пророком, а затем признавший его поборником дарованных Всевышним истин, считается упорным сторонником доисламских верований, прозревшим не сразу» [1, с. 8]. Именно Суфьян рассказывает древнюю легенду об Ормузде и Аримане, а потом возглавляет совет бедняков. Таким образом осуществляется его глубоко символический переход от старой веры.

Нур-Мухаммед – персонаж, сюжетная функция которого «актуализирует вопрос о несоответствии “внутренней формы” имени истинным мотивам его поступков, идеалам, ценностным ориентирам» [1, с. 8]. Первая часть онима – Нур – имеет значения «луч», «свет». Вторая часть данного антропонима – Мухаммед – в переводе с арабского означает «достойный хвалы». Кроме того, с этим онимом связаны мощные историко-культурные ассоциации с исламской доктриной, поскольку для мусульман Мухаммед – это центральная фигура, основатель ислама, пророк, известный своей проповеднической деятельностью. Однако вместо того, чтобы вести народ джан к истине и свету, Нур-Мухаммед (который, кстати, занимает должность уполномоченного райисполкома) готовит гибель и забвение народу, таким образом становясь служителем смерти. Душа его мертва, об этом свидетельствует эпизод, когда Нур-Мухаммед, поняв, что уничтожить весь народ ему не удастся, уводит с собой девочку Айдым и насилует ее. Н.Г. Полтавцева пишет, что Нур-Мухаммед – «самый тривиальный шайтан» [7, с. 225], им владеет похоть, а такое чувство «равно болезни, равно безумию, равно смерти» [7, с. 225]. Таким образом, ложность пути, по которому намерен увести народ Нур-Мухаммед, иносказательно выявляется тем, что священным именем могут именовать человека простого звания. Напомним, что среди отживающих людей Чагатаев замечает перса по прозвищу Аллах (использование этого прозвища невозможно в мусульманском мире). Но эта подробность подсказывает, что и «символическое имя Нур-Мухаммеда нельзя понимать буквально» [3, с. 171].

Обратим внимание также на то, что онимные единицы, вводимые авторами в тексты художественных произведений, участвуют в формировании культурно-ономастического фона. Для этого используются любые имена (антропонимы, топонимы, урбанонимы, гемеронимы, космонимы и пр.). Введение автором в текст рассматриваемого произведения подобных составляющих способствует, в частности, воссозданию исторического хронотопа, который, в свою очередь, является необходимым элементом индивидуально-авторской картины мира наряду с онимными единицами, функционирующими в художественном тексте, а также отражению культурных особенностей того или иного произведения.

Завершая исследование, отметим, что имя является неотъемлемой частью человеческой жизни и культуры. Оно несет в себе множество значений и символов, которые влияют на восприятие человека обществом и его собственное самосознание. Исследование роли имени в лингвокультуре позволяет лучше понять механизмы формирования идентичности, а также выявить взаимосвязи между языком, культурой и обществом. Дальнейшие исследования в этой области могут быть интересны с точки зрения изучения изменений в практике именова-

ния в условиях глобализации, а также анализа влияния современных медиа и технологий на восприятие и использование имен.

Библиографический список

1. Алейников О.Ю. Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 4-8.
2. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972, С. 78.
3. Волвенкин М.Н. Герой и имя в повести А. Платонова «Джан» // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции: сборник научных трудов. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2019. С. 167-172.
4. Куликова Э.Г., Григорьева Н.О. Лингвопрагматический потенциал онимов: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016 №10(64): в 3 ч. Ч. 1 С.104-106.
5. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. С. 96-102.
6. Платонов А. Собрание сочинений: [в 8 томах]. Москва: Время, 2009.
7. Полтавцева Н.Г. «Джан» Андрея Платонова как метафорический травелог: от эпоса к трагедии // Труды русской антропологической школы. 2013. №13. С. 215-239.
8. Селезнева А.А. Проблема функционирования и замены фамилий с социальным маркером // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1(10). С. 72.
9. Селищев А.М. Смена фамилий и личных имен // Труды по русскому языку. Том 1. Язык и общество. Москва: Издательский дом «ЯСК», 2003. 632 с. С. 423-435
10. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. Москва: АСТ, 1998. 528 с.
11. Супрун В.И. Обращение как отражение русской коммуникативной культуры // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2015. С. 90-93.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бугакова Надежда Борисовна,
Доктор филологических наук, доцент;
Профессор кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного
технического университета;
SPIN-код: [1080-8136](#);
e-mail: ya_witch@mail.ru

Bugakova Nadezhda Borisovna,
Doctor of Philology, Associate Professor;
Professor of the Department of Russian
Language and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University;
SPIN-code: 1080-8136;
e-mail: ya_witch@mail.ru

УДК 81'373(316.77)

Т.И. Жаркова

*Уральский государственный университет физкультуры
(Челябинск, Российская Федерация)
e-mail: taniafrance@mail.ru*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЗНАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ИМЕНАМИ ЛИЧНЫМИ ДЛЯ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКЕ

В статье определен социальный заказ отечественного образования; показаны роль и значение знаний фразеологизмов с именами личными для успешной реализации диалога культур в современной геополитической обстановке; дано определение понятия «фразеологизм»; акцентировано внимание на понятии «историческая память» и показано ее важное значение в настоящее время.

Ключевые слова: полиязычное образование, фразеологизмы с именами личными, диалог культур, историческая память.

T.I. Zharkova

*Ural State University of Physical Education
(Chelyabinsk, Russian Federation)
e-mail: taniafrance@mail.ru*

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF KNOWLEDGE OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH PERSONAL NAMES FOR THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF THE DIALOGUE OF CULTURES IN THE MODERN GEOPOLITICAL SITUATION

The article defines the social order of national education; shows the role and significance of knowledge of phraseological units with personal names for the successful implementation of the dialogue of cultures in the modern geopolitical situation; defines the concept of "phraseology"; focuses on the concept of "historical memory" and shows its importance at the present time.

Keywords: multilingual education, phraseological units with personal names, dialogue of cultures, historical memory.

«Социальный заказ, который должна выполнить система отечественного образования – это человеческий потенциал. Перед ней впервые за последние время ставится задача воспитания успешного гражданина, носителя общенациональных ценностей. Отличительной чертой профессионального образования на сегодня – это ориентация на развитие личности обучающегося, способной легко и быстро адаптироваться в современном, быстро меняющемся мире» [3, с. 216-217]. Именно поэтому ведущим направлением развития профессионального иноязычного образования можно считать поликультурное и полиязычное образование, отвечающие интересам как личности, так и государства.

Необходимо отметить, что, современный, постоянно меняющийся мир и современная геополитическая ситуация (проведение специальной военной операции на Украине) побуждают преподавателей иностранных языков разрабатывать новые подходы и методы для установления контактов межкультурного взаимодействия, а также реализации межкультурной коммуникации, причем успешной с положительными результатами, преодолевая при этом межкультурные барьеры [2, с. 107]. Одним из таких барьеров является не только прекрасное знание, но и умелое/своевременное, а главное – уместное владение/использование фразеоло-

гизмов с именами личными для успешного межкультурного взаимодействия, для реализации диалога культур, причем успешного.

Общеизвестно, что владение иностранным языком как инструментом межкультурной коммуникации невозможно без знаний фразеологизмов. Именно фразеологизмы делают речь более образной, эмоциональной и выразительной, помогают украсить речь представителя любого лингвосоциума. «Фразеологизмы, согласно общепризнанному мнению, отображают в своих образных основаниях окультуренное мировидение народа, в том числе – и более древние его пласты, передавая *память* (*Курсив наш – Т.Ж.*) о них из поколения в поколение» [13]. Историческая память – это своего рода «генетический код» нации, «код», который передается из поколения в поколение. Как никогда нам нужно сохранить эту память именно сейчас в наше нелегкое для страны время.

Фразеологизмы – это своего рода «накопитель» информации, и информации не только бытовой, но и культурной, информации о социуме и мире. Фразеологизмы – это также своего рода «микрофольклор», сохраняющий и отражающий национальную картину мира носителя языка, картину мира, т.е. некоторое связное представление о бытии, присущее членам данного этноса (В.Г. Зинченко)» [4, с. 141].

Мы живем в мире имен, и за каждым из них стоит конкретный человек, конкретное место, конкретное явление. Предельная конкретность, единичность – главные признаки имени, они выделяют из ряда, индивидуализируют именуемое (В.М. Мокиенко) [12]. Личное имя, считал П.А. Флоренский – слово особой духовной уплотненности. Имя – мистический центр личности [14].

Источником многих фразеологизмов явилась греко-римская мифология. Фразеологизм «Аве, Цезарь/ Славься, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!» римского происхождения. «Гай Юлий Цезарь (Gaius Julius Caesar) (102 или 100-44 до н.э.), римский диктатор в 49, 48-46, 45, 44 – пожизненно. Полководец» [11]. «*Ave César, ceux qui vont mourir te saluent*» фр., «*Heil dir, Caesar, die Todgeweihten begrüßen dich!*» нем., «*Hail Caesar, those who are about to die salute you*» англ., «*Ave, Cesar, quelli che stanno per morire ti salutano* («*Ave, Cesar, morituri te salutant*»)» ит., «*¡Ave César, los que van a morir te saludan!*» исп., «*Ave Caesar, morituri te salutant*» лат. [7].

Всем известен фразеологизм «Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе» (лат. «*Si mons Mahometum non petit, petit Mahometus montem*»), в котором употребляется имя собственное «Магомет». «Мохаммед, Мухаммед, в европейской литературе часто Магомет, Магомед (ок. 570-632), основатель *ислама*, почитается как пророк» [10]. Во французском фразеологизме использовано это же имя собственное «*Si la montagne ne va pas à Mahomet, Mahomet ira à la montagne*». В английском языке употребляется это же имя собственное «*If the mountain will not com to Mahomet, Mahomet must go to the mountain*». Эту же картину мы наблюдаем и в испанском, и итальянском языках : «*Si la montana no va a Mahoma, Mahoma va a la mobtana*», «*Si la motagna non va da Maometto, Maometto va alla montagna*». Но вот в немецком языке имя собственное «Магомет», обозначающее «*der die Lehre Gottes den Menschen erklärt und von dem man glaubt*» [16], заменено на понятие «*Prophet*». Фразеологизм звучит уже следующим образом: «*Wenn der Berg nicht zum Propheten kommt, dann muss der Prophet zum Berg kommen*» [7].

Наибольший интерес представляют фразеологизмы с именами личными, стиль функционирования их в речи, восприятие обучающимися и использование в межкультурной коммуникации. Личное имя *Филипп* широко распространено в европейских языках: *Филипп* (русс. яз.), *Philip* (англ. яз.), *Philipp* (нем. яз.), *Philip* (нидерландский яз.), *Philippe* (французский язык), *Filipp* (итал. яз.), *Filip* (польский яз.), *Filip* (словацкий яз.), *Filip* (чешский яз.), *Filip* (сербскохорватский яз.), *Philip* (шведский яз.) [6]. От данного имени было образовано в немецком языке слово «*eine Philippika*» («*филунники*» – речи Демосфена), которое вошло во фразеологизм «*Eine Philippika halten*» («*Eine Strafrede halten*») – произносить гневную, обличительную речь. Но в настоящее время вряд ли кто помнит историю его происхождения.

С.Н. Белявский в своей работе «Фразеологизмы говорят о многом» указывает на происхождение данного фразеологического выражения «*Der griechische Redner Demosthenes tadelte in seinen Reden den Koenig Philipp von Mazedonien*» [1]. Около 384-322 до н.э. афинский оратор, вождь демократической антимакедонской группировки Демосфен призывал греков к борьбе против захватнической политики македонского царя Филиппа II [9]. Греческое имя *Филипп*, обращенное русскими в *Филю*, вошло в ряд фразеологизмов: «*Филькина грамота*» – «пустая, ничего не стоящая бумажка; не имеющий никакой силы документ», «*У Фили пили да Филю и побили*» (посл.). Этим именем часто называли слуг со значением «глупый и ленивый человек». В чешской фразеологии имя *Филипп* вызывает совершенно противоположные ассоциации. Здесь (букв.: «иметь Филиппа», «*mít Filipa*» (чеш.) означает «быть умным и проныцательным» [8].

Мифологического происхождения является фразеологизм «*Den Pegasus satteln*» («*Dichten*») – «оседлать Пегаса» (писать, сочинять стихи) [1]. Такое же фразеологическое выражение есть во французском («*Monter sur la Pégase*» и итальянском («*montare sul cavallo*») языках. Согласно греческой мифологии, *Пегас* – крылатый конь, родившийся из туловища убитой Персеем горгоны Медузы. От удара копытом Пегаса на горе Геликон возник источник Гиппокрена (Ипокрена), из которого черпали вдохновение поэты. Образ Пегаса – символ поэтического вдохновения [19]. Фразеологизмы, подобные ниже приведенным, являются интернациональными: «*Lit de Procruste*» фр., «*Prokrustesbett*» нем., «*Procrustean bed*» англ., «*Il letto di Procuste*» ит. – «прокрустово ложе»; «*Boite de Pandore*» фр., «*Büchse der Pandora*» нем., «*Pandora's box*» англ., «*Il vaso di Pandora*» ит. – «ящик Пандоры»; «*Les écuries d'Augias*» фр., «*Augiasstall*» нем., «*Augean stables*» англ., «*Le stalle d'Augia*» ит. – «авгиевы конюшни»; «*Le rocher de Sisyphe*» фр., «*Sisyphusarbeit*» нем., «*Sisyphean*» англ., «*La fatica di Sisifo*» ит. – «сизифов труд».

Использование фразеологизмов с именами личными воссоздают верную картину прошлого, раскрывают характер народа, знакомят нас с его нравами, обычаями и национальными чертами. «Языковая память фразеологизмов не только хранит, но и традиционно воспроизводит от поколения к поколению инкорпорированные во фразеологизмы культурно значимые смыслы, соотносимые с архетипическими и мифологическими слоями культуры» [13].

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что именно сегодня, когда резко обострилась геополитическая ситуация на международной арене, как никогда необходимо обучать иностранному языку не только как инструменту/средству общения по изучаемой специальности, но и как средству межкультурной коммуникации между представителями различных лингвосоциумов. Итак, мы хотели бы подчеркнуть, что знание и владение фразеологизмами с именами личными способствует:

- повышению мотивации к изучению иностранного языка [15];
- развитию языковой поликультурной личности обучающегося;
- глубокому овладению студентами системой знаний фразеологического фонда с именами личными и обогащению их коммуникативно-речевого репертуара;
- снятию культурологического (национально-специфического) барьера;
- постижению ценностей и идеалов как иноязычной культуры, так и родной;
- облегчению вхождения в пространство иноязычной культуры для межкультурного взаимодействия и успешной реализации диалога культур с носителями языка, с представителями иноязычного лингвосоциума.

Библиографический список

1. Белявский С.Н. Фразеологизмы говорят о многом: Образная фразеология немецкого языка. Мн.: Выш. шк., 1997. 224 с.

2. Жаркова Т.И. Диалог культур – ключ к взаимопониманию в современной геополитической обстановке // Яковлевские чтения: сб. науч. ст. II Межведомственная научно-практическая конференция с международным участием: в 2 частях. Ч. 1 / Под общ. ред. В. В. Косухина. Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. С. 106-111.

3. Жаркова Т.И. О специфике современного иноязычного образования и роли преподавателя в образовательном процессе // Шатиловские чтения. Концептуальная образовательная парадигма в контексте глобализации: инноватика в иноязычном образовании: сб. науч. тр. СПб.: Политех-Пресс, 2019. С. 213-217.

4. Жаркова Т.И. Роль фразеологизмов в успешной реализации межкультурной коммуникации // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: Сборник статей по итогам V международной конференции (25-27 марта 2020 года). М.: Издательство «Спутник+», 2020. С. 140-144.

5. Жаркова Т.И. Тематический словарь методических терминов по иностранному языку / Т. И. Жаркова, Г. В. Сороковых. 3-е изд., стер. М.: Флинта : Наука, 2017. 320 с.

6. Лидин Р.А. Иностранные фамилии и личные имена. М.: Внешсигма, 1998. 319 с.

7. Многоязычный словарь современной фразеологии / под ред. Д. Пуччо. М.: Флинта, 2012. 432 с.

8. Мокиенко В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2007. 256 с.

9. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 6. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. 256 с.

10. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 12. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. 256 с.

11. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 19. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. 256 с.

12. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006. 440 с.

13. Телия В.Н. Глубинно-смысловые пласты культуры и ее симболярий // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: Ленанд, 2007. С. 433-441.

14. Флоренский П.А. Имена. СПб.: Авалонъ, Азбука-классика, 2007. 336 с.

15. Формирование мотивации к предметам гуманитарного цикла в экономическом вузе. Монография / Под науч. ред. Т.И. Жарковой. Челябинск: Уральская Академия, 2017. 142 с.

16. Langenscheid Grosswörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Berlin: Langenscheid KG, 2010. 1343 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Жаркова Татьяна Ивановна,
Кандидат педагогических наук,
Доцент кафедры «Иностранные языки»,
Уральский государственный университет
физкультуры,
SPIN-код: 2174-5443
e-mail: taniafrance@mail.ru

Zharkova Tatiana Ivanovna,
PhD in Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Ural State University of Physical Education
SPIN code: 2174-5443
e-mail: taniafrance@mail.ru

УДК 81.373.21

С.А. Попов

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: spo@bk.ru*

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ ТОПОНИМОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследована ценность топонимов как элемента социального и культурного пространства субъектов Российской Федерации. Сделан вывод, что значимость наименований географических объектов выходит далеко за рамки простого обозначения территориального объекта, поскольку каждое название имеет свою уникальную историю, связанную с разными аспектами жизни региона, его населением и природой. Рассмотрены функции топонимов, такие как сохранение исторической памяти, формирование региональной идентичности и поддержание межкультурных связей. Определено, что названия внутригородских районов, улиц, переулков, площадей, набережных, парков, скверов (урбанонимы) несут ценную информацию о людях, местах, важных событиях и явлениях, связанных с конкретным населенным пунктом (ул. Загоровского, ул. Платонова, ул. Тулебердиева). Показано особое значение героических топонимов. Подчеркнута роль топонимов в устном народном творчестве (топонимические тексты – легенды и предания, которые зачастую содержат значительную долю фантазии), приведены примеры местных легенд и фольклорных произведений, построенных вокруг конкретных географических названий (Илья Муромец, Муромская дорожка). Значение локальных топонимов выходит далеко за пределы простого обозначения места проживания, их использование формирует устойчивые образы и представления о регионе среди самих жителей и гостей. Акцентируется внимание на значимости исследования топонимии для понимания процессов социальной адаптации, самоидентификации и культурных взаимодействий в регионах России, в связи с чем изучение и сохранение топонимов должно стать важной задачей не только ученых-гуманитариев, но и государственных органов.

Ключевые слова: социолингвистика, ономастика, топонимика, топонимия, топонимы, ойконимы, гидронимы, урбанонимы, микротопонимы, лингвокраеведение, регионалистика, русский язык, идентичность.

S.A. Popov

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: spo@bk.ru*

SOCIAL AND CULTURAL FUNCTIONS OF PLACE NAMES IN THE REGIONAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the value of toponyms as an element of the social and cultural space of the subjects of the Russian Federation. It is concluded that the importance of geographical feature names goes far beyond the simple designation of a territorial feature, since each name has its own unique history associated with different aspects of the region's life, its population and nature. The functions of toponyms, such as preserving historical memory, forming regional identity and maintaining intercultural relations, are considered. It is determined that the names of inner-city districts, streets, alleys, squares, embankments, parks, squares (urbanonyms) carry valuable information about people, places, important events and phenomena associated with a particular locality (Zagorovsky St., Platonov St., Tuleberdieva St.). The special significance of heroic toponyms is shown. The role of place names in oral folk art is emphasized (toponymic texts are legends and traditions that often contain a significant amount of fantasy), examples of local legends and folklore works built around specific geographical names (Ilya Muromets, Muromskaya lane) are given. The meaning of local place names goes far beyond the simple designation of a place of residence, their use forms stable images and ideas about the region among residents and guests themselves. Attention is focused on the importance of toponymy research for understanding the processes of social adaptation, self-identification and cultural interactions in the regions of Russia, and therefore the study and preservation of toponyms should become an important task not only for humanities scholars, but also for government agencies.

Key words: sociolinguistics, onomastics, toponymy, toponymy, oikonoms, hydronyms, urbanonyms, microtoponyms, linguistics, regional studies, Russian language, identity.

Данная статья посвящена исследованию социальных и культурных функций топонимов в региональном пространстве Российской Федерации.

Топонимы представляют собой важный элемент социального и культурного пространства любого региона страны. Они выполняют различные функции, от сохранения исторической памяти до формирования региональной идентичности и поддержания межкультурных связей. Изучение роли топонимов позволяет глубже понять процессы социальной адаптации, самоидентификации и взаимодействия различных групп населения внутри одного региона. Топонимикон определенной территории может рассматриваться как важная составляющая национального и регионального культурного наследия, поскольку каждый топоним несёт в себе богатую информацию о прошлом местности, её природных особенностях, событиях и культурах, проживающих там ранее или ныне живущих народах.

Многие исторические русские города получили свои названия в честь древних славянских племен, природных особенностей или исторических деятелей (г. *Владимир* (основан князем Владимиром Мономахом), г. *Муром* (считается, что название города происходит от финно-угорского племени *мурома*, проживавшего здесь до прихода славян, т.е. Муром – «город муромы»), г. *Ростов Великий* (название города традиционно связывают со славянским личным именем Рост (ср. Ростислав), от которого с помощью суффикса *-ов* образовано притяжательное прилагательное; однако Г.П. Смолицкая считает иначе: «Ростов – это город, основанный в самом лучшем, удобном, благоприятном месте, или город, заложенный в самое лучшее, удобное, благоприятное для этого время, самый лучший для жизни город. Известна фамилия (прозвище) Раст, но оно фиксируется только в источниках XVI в.» [5; с. 290]), г. *Ярославль* (в основе названия – личное имя древнерусского (киевского) князя Ярослава, которому легенда приписывает основание города в 1010 г. или в 1024 г.) и др.

Зачастую топонимы становятся символом народной мудрости и традиций. Названия внутригородских районов, улиц, площадей, парков и скверов (урбанонимы) несут информацию о людях, местах, важных событиях и явлениях. Например, улица *Загоровского* в Воронеже названа в честь известного историка, краеведа, доктора исторических наук, профессора ВГУ, чемпиона мира по шахматам по переписке В.П. Загоровского (1925-1994), ул. *Платонова* – в честь выдающегося советского писателя, драматурга и публициста первой половины XX века, уроженца Воронежа А.П. Платонова (1988-1951). В г. Лиски Воронежской области есть ул. *Тулебердиева*, названная в честь Чолпонбая Тулебердиева (1922-1942), стрелка 636-го стрелкового полка 6-й армии Воронежского фронта, который в бою в районе лискинского с. Селявное закрыл собой амбразуру вражеского дзота; в 1943 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Особое место в региональном топонимиконе занимают *героические топонимы* – «совокупность топонимов, несущих в себе информацию о героическом военном прошлом страны. Это названия, данные географическим объектам в честь выдающихся военачальников, рядовых воинов и тружеников тыла, совершивших ратные и трудовые подвиги в период военного времени, в память о воинских соединениях, участвовавших в освобождении населённых пунктов от врага. Стоит отметить, что указанный термин относится ко всем периодам отечественной истории, когда наши предки сражались за свободу и независимость своей Родины (борьба с татаро-монгольским игмом, Смута, Отечественная война 1812 г., русско-турецкие войны, Первая мировая война, Великая Отечественная война и др.)» [3; с. 64].

Такие топонимические символы помогают формировать чувство сопричастности к культуре и героическому прошлому своей малой родины.

Кроме того, многие топонимы стали основой устного народного творчества. Местные легенды, былины, фольклорные тексты строятся вокруг конкретных названий поселков, лесов, озёр и гор. Так, многим из нас с детства памятен *Илья Муромец* – один из главных геро-

ев древнерусского эпоса, известный персонаж русского фольклора, воплощавший идеал силы, мужества и справедливости. Его имя широко известно в народе благодаря многочисленным былинам, рассказывающим о подвигах богатыря. Возможным историческим прототипом Ильи Муромца является св. прп. Илия Муромец Печерский, живший ок. 1188 г., мощи которого покоятся в Киево-Печерской лавре. Между Ильёй Муромцем и Ильёй Печерским много общего. Будущий святой родился в селе Карачарово близ Мурома, как и былинный богатырь. С этим же ойконимом связана популярная русская народная песня в жанре «жесточкий романс» – «На муромской дорожке» (или «По муромской дорожке»).

В связи с географическими названиями приведем еще один жанр устного народного творчества – *топонимические тексты*, к которым исследователи относят «фольклорные прозаические тексты свободной формы изложения, объясняющие происхождение названий различных географических объектов. В них отражается менталитет народа, накопленный им культурный опыт» [1; с. 270]. Самые распространенные «представители» жанра – топонимические легенды и предания, так называемая «народная этимология», которая зачастую не соответствует научному толкованию названия. В них отразилось стремление русского народа объяснить происхождение непонятных, в основном иноязычных, топонимов на свой лад. Например, в разнообразных воронежских топонимических преданиях исследователи Т.Н. Пухова и Е.А. Грибоедова выделяют пять основных циклов:

«I. Природный цикл, где происхождение названий объясняется особенностями местных условий обитания. Названия даются по особенностям природных и географических условий, растительного и животного мира.

II. Первопоселенческий цикл. Это самый большой цикл, насчитывающий около сотни текстов. Сюда мы включили предания, рассказывающие о том, кто первым дал имя новому поселению. Поселение могло быть названо по фамилии первопоселенца или владельца (помещика) Нередко имя давалось по роду занятий первопоселенцев, их прежнему месту жительства или их национальности.

III. Татаро-монгольский цикл. Эти предания связывают топонимы с проживанием в нашей местности татар. Большая часть их рассказывает о любви дочери татарского хана к простому воину, к русскому парню. Заканчивается всё для влюблённых, как правило, печально. Народ сохраняет память о прекрасной любви и называет в честь девушки реку или озеро, в котором она утонула.

IV. Церковный цикл. В преданиях этого цикла топонимы связываются со строительством церквей, а также с различными церковными праздниками.

V. Исторический цикл. В этих преданиях появление географических объектов и их названий обусловлены различными историческими событиями и деятельностью исторических лиц: Петра Великого, Екатерины II, графа Орлова-Чесменского и других. Часть названий связана с историческими событиями XX века: с Гражданской и Великой Отечественной войнами» [4; с. 249].

При анализе различий между народной и научной интерпретациями этимологии того или иного топонима выясняется, что зачастую народные версии содержат значительную долю фантазии. Однако, как отмечает Л.А. Климова, «(микро)топонимические предания, как и сами (микро)топонимы, выполняют мемориальную функцию, сохраняя в памяти народа страницы его истории, представляя собой своеобразный памятник тем, кто жил и трудился в крае, кто заселял его, памятником селам, поселкам, исчезнувшим в процессе социальных изменений, урбанизации» [2; с. 18].

Значение локальных топонимов выходит далеко за пределы простого обозначения места проживания. Их использование формирует устойчивые образы и представления о регионе среди самих жителей и гостей. Яркий пример – Кубань и Ростовская область, где названия станиц и хуторов создают образ степного казачьего юга, отличающегося своими особенно-

стями быта, языком и культурой (*Вёшенская, Мелиховская, Пухляковская, Раздорская, Старочеркасская, Пухляковский, Каныгин, Гуреев, Сергеев, Копылков* и другие).

Так же и жители города Калуги испытывают особую эмоциональную привязанность к своему городу, именуемому «*колыбелью космонавтики*». Именно здесь жил К.Э. Циолковский, чьи идеи вдохновили человечество отправиться в космос. Такое отношение поддерживается и укрепляется постоянством городских топонимов, отражающих достижения науки и техники.

Нижний Новгород неофициально именуется «*столицей закатов*» благодаря уникальному расположению города на слиянии двух крупных рек – Волги и Оки, а также наличию высоких берегов и панорамных видов, вечернее солнце создает потрясающий эффект, окрашивая небо и воду в яркие оттенки оранжевого, розового и золотистого цветов. Этот феномен привлекает тысячи фотографов, художников и обычных горожан, желающих насладиться красотой момента. Особым вниманием пользуются смотровые площадки Нижнего Новгорода, такие как *Чкаловская лестница, Кремль* и набережные. Отсюда открываются великолепные виды на закат солнца над Волгой и заречье.

Топонимы также служат ориентирами в повседневной жизни человека, помогая ориентироваться в физической среде. Пространственная организация окружающей среды отражается в картографии, навигационных системах и обыденном сознании жителей. Городские районы и улицы обозначаются согласно определённым принципам – административному делению, природным особенностям, функциональному назначению или имени известного деятеля.

Например, *Чернавский мост* в Воронеже соединяет правый и левый берега Воронежского водохранилища (неофициальное название – «Воронежское море») и имеет большое транспортное значение. В настоящее время он превратился в одну из визитных карточек города. Подобным образом функционируют и другие важные объекты городской инфраструктуры, закрепляя своё положение в коллективной памяти горожан.

Россия является многонациональной страной, что находит отражение в разнообразии топонимов. Некоторые регионы имеют смешанное население, и именно топонимы позволяют увидеть следы миграций, контактов между разными группами и процесс ассимиляции.

Например, в Саратовской области присутствуют названия селений с характерными этническими корнями, такие как п. *Казачка*, с. *Казачка*, с. *Мордово*, с. *Мордовский Карай*, с. *Черкасское*, с. *Татарская Пакаевка*, в Белгородской области – с. *Казацкое*, п. *Казачок*, с. *Казачок*, с. *Казачье*, с. *Казачье-Рудченское*, с. *Казачья Лисица*, с. *Новоказацкое*, с. *Русская Березовка*, с. *Русская Халань*, в Воронежской области – с. *Русская Буйловка*, с. *Русская Гвоздёвка*, с. *Украинская Гвоздёвка*, в Курской области – п. *Казацкая Степь*, д. *Казачья Каменка*, с. *Казачья Локня*, д. *Панское*, д. *Русская Конопелька*, с. *Русское Поречное*, д. *Татаренкова*, п. *Татарка*, х. *Татарский*, х. *Украинка*, х. *Черкасы*, с. *Черкасская Конопелька*, с. *Черкасское Поречное*. Эти ойконимы демонстрируют исторический факт присутствия разных народов и этнических групп на данной территории, что подтверждает взаимопроникновение и взаимодействие культур.

Использование общих топонимов способствует объединению представителей разных этносов. Понимание происхождения названий помогает людям осознавать общность корней и многогранность культурного наследия. Такой механизм укрепляет связи между различными этническими сообществами, создавая общую территорию понимания и уважения друг друга.

Ойконимы оказывают влияние на экономическое развитие региона. Использование популярных и привлекательных названий становится инструментом продвижения туристических услуг и брендинга продукции. Успешные кейсы включают использование традиционных названий для популяризации товаров и услуг, создаваемых местными предпринимателями: например, названия сортов российских сыров «Бобровский» (г. Бобров Воронежской обл.), «Костромской» (г. Кострома), «Пошехонский» (г. Пошехонье Ярославской обл.),

«Щучанский» (с. Щучье Лискинского р-на Воронежской обл.), сортов пива «Аннинское», «Боровское», «Жигулевское», «Елецкое», колбас «Сомовская», «Московская», «Дубки» и др.

Исследование топонимов показывает, что их значимость выходит далеко за рамки простого обозначения территориального объекта. Каждое географическое название имеет свою уникальную историю, связанную с жизнью региона, его населением и природой. Изучив подробно взаимосвязь топонимов и региональной культуры, мы можем лучше понять механизмы социализации, формирования идентичности и передачи культурного наследия.

Поэтому изучение и сохранение топонимов должно стать важной задачей не только ученых-гуманитариев, но и государственных органов, ответственных за региональное развитие и поддержание единства страны.

Библиографический список

1. Канакина Г. И. Топонимический текст как жанр устного народного творчества, представляющий фрагменты провинциальной культуры // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 270–274.
2. Климкова Л.А. Топонимические предания в региональной фольклорной картине мира: социальный и личностный аспекты // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 12-19.
3. Попов С.А. Топонимическое наследие Великой Победы // Царицынские рождественские чтения: сб. материалов конф. Вып. 4 / под ред. В.И. Супруна. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 63-75.
4. Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Воронежские топонимические предания. Предисловие // Попов С.А., Пухова Т.Ф., Грибоедова Е.А. Топонимия Воронежского края. Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2018. С. 248-334.
5. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-Пресс, 2002. 416 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попов Сергей Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры связей с общественностью,
рекламы и дизайна Воронежского государственного университета,
SPIN-код 8544-6919
e-mail: spo@bk.ru

Popov Sergey Alexandrovich,
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Public Relations, Advertising and Design,
Voronezh State University,
PIN code 8544-6919
e-mail: spo@bk.ru

УДК 811.161.1

Т.М. Юдина

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
e-mail: tatyana.y.tanya@mail.ru*

ОНИМИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОФОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С ВИДЕОСЮЖЕТОМ «СЕВЕРНЫЕ МОРЯ РОССИИ НА КАРТЕ»)

В статье отражена роль региональных онимических видеоматериалов в формировании знаний по русскому языку, лингвокультурологической компетенции, систематизации профессиональной лексики по естественно-научной специализации обучения инофонов. Представлены сложные для инофонов тексты с топонимами, дана методика составления и использования интеллект-карты с данной лексикой. В работе сформированы блоки заданий для инофонов на материале видео с севернорусской онимической терминологией.

Ключевые слова: видеоматериалы, онимы, топонимы, лексика, интеллект-карта, Арктика, Крайний Север, Северные моря России.

T.M. Yudina

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)
e-mail: tatyana.y.tanya@mail.ru*

ONYMIC REGIONAL TERMINOLOGY IN PRACTICE-ORIENTED TEACHING OF FOREIGN SPEAKERS (USING THE EXAMPLE OF WORK WITH THE VIDEO «THE NORTHERN SEAS OF RUSSIA ON THE MAP»)

The article reflects the role of regional onymic videos in the formation of knowledge of the Russian language, linguistic and cultural competence, and the systematization of professional vocabulary in the natural science specialization of teaching foreign speakers. Complex texts with toponyms for foreign speakers are presented, and a methodology for compiling and using an intelligence map with this vocabulary is given. In the work, blocks of tasks for foreign speakers are formed based on the video material with North Russian onym terminology.

Keywords: video materials, zoonyms, toponyms, vocabulary, intelligence map, Arctic, Far North, Northern Seas of Russia.

Тема актуальна, поскольку русский язык востребован в мировой среде, а обучение ему по-прежнему представляет много трудностей. Автор неоднократно обращался к теме обучения инофонов: в трудах представлена методика введения видеоматериалов на уроках русского языка как иностранного (РКИ); разработаны примеры уроков по введению видеоматериалов [2; 4]; отражена роль региональных онимических источников в формировании лингвокультурологической компетенции инофонов [2], разработаны сценарии введения тематических видеоматериалов для студентов, осуществляющих образовательную деятельность по естественно-научным дисциплинам в вузе [3].

Материалом для исследования послужили практико-ориентированные онимические видеоматериалы видеосюжета «Северные моря России на карте» https://www.youtube.com/watch?v=2SLY1qSu7go&ab_channel=%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%8C

Научная новизна: определена роль региональных онимических источников в формировании лингвокультурологической и профессиональной компетенций инофонов.

Практическая значимость заключается в создании блоков заданий для инофонов на ма-

териале видеоматериалов с региональным компонентом.

Методисты О.Д. Митрофанова и С.А. Хавроница отмечают, что РКИ нуждается «в создании этноориентированных онимических учебных материалов» для приобретения инофоном региональной лингвокультурной компетенции «через посредство языка» [1; с. 38].

Мы отражаем в данной статье нашу разработку заданий на примере видеосюжетов.

Север — это место, которое привлекает многих путешественников и исследователей своей уникальной природой, климатом и историей. В видеотекстах о Севере можно найти информацию о его географическом положении, климате и природе. Видеотексты об Арктике являются источником информации о прошлом региона. Они рассказывают об истории освоения Арктики, о жизни и деятельности исследователей.

Мы используем общепринятую методику введения видео для инофонов [2], поэтому не останавливаемся на последовательности работы. В данной статье мы разрабатываем лишь некоторую часть системы упражнений (некоторую — в связи с ограниченностью статьи по объему текста) по введению видеотекста «Северные моря России на карте» (11:50-19:14). Отмечаем особенности методики введения видео с онимами.

Предпросмотровые задания.

1. Запишите под диктовку преподавателя фоновую информацию, ключевые слова и сочетания из информационной программы. В данном сюжете — это онимы. Прочитайте вслух, запомните произношение.

Фоновая информация: Арктика, море Лаптевых, Северный Ледовитый океан, острова Северной Земли, Новосибирские острова, остров Комсомолец, Хатангский залив, мыс Святой Нос, Восточно-Сибирское море, Лена, Яна, Оленек, Хатанга, порт Тикси, Харитон Лаптев, Дмитрий Лаптев, остров Врангеля, Чукотское море, ЮНЕСКО, Колыма, Индигирка, Алазея, Сибирь, Магаданская область, Якутия, Северный морской путь, Певек, полуостров Чукотка, полуостров Аляска, Российская Федерация, США, пролив Лонга, мыс Барроу, море Бофорта, Берингов пролив, Берингово море, Тихий океан, Чукотка, Аляскинское течение, мыс Дежнева, Евразия.

Ключевые слова и сочетания: суровое море, мелководное море, ледовый режим, окраинное море, холодный климат, бедная флора, бедная фауна, низкая соленость, всемирное наследие, лежбище моржей, прибрежная акватория, тундра, тундростепи (мамонтные степи), слабая хозяйственная деятельность, рыбный промысел, основной порт, пограничное море, линия перемены дат, хрупкая экосистема Арктики, Воронка, Горло.

2. Просмотрите видеотекст с выключенным звуком первый раз и озвучьте версию содержания.

3. Выполните задания, в которых проверяется номинативная функция слов, усвоенных инофонами.

Объясните понятия (в скобках дан правильный ответ):

Мировой океан (все океаны и моря Земли, которые составляют большую часть ее поверхности);

Мелководное море (море с небольшой глубиной);

Ледовый режим (характеристика климата, которая описывает количество льда и снега, которые накапливаются в течение года);

Ландшафт (общий вид или облик территории, включая все элементы природы, такие как горы, реки, леса, поля и другие);

Полуостров (часть суши, окруженная водой с трех сторон).

Задания во время просмотра.

1. Просмотрите телесюжет с включенным звуком первый раз. Ответьте на вопросы.

А). Какая крайняя северная точка моря Лаптевых? (остров Комсомолец).

Б). Почему море Лаптевых можно назвать фабрикой по производству арктического морского льда? (здесь вырабатывается больше льда, чем во всех северных морях вместе взятых).

В). В каком году море Лаптевых впервые за всю историю наблюдений не покрылось льдом полностью, что обеспокоило всех экологов мира? (в 2020 году).

Г). Какой самый большой населенный пункт в округе моря Лаптевых? (порт Тикси).

Д). С какими двумя северными морями соединяется проливами Восточно-Сибирское море? (с Чукотским морем и морем Лаптевых).

Е). Какой остров является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО? (остров Врангеля).

Ж). Часть какого пути используется Восточно-Сибирское море в транспортном отношении? (Северного морского пути).

З). Какие два полуострова разделяет Чукотское море? (Чукотку и Аляску).

И). Какое теплое течение приводит к очищению южной части Чукотского моря ото льда на 2 месяца в теплый период года? (Аляскинское).

К). Как называется пролив, который является проходом из Чукотского в Берингово море, где соединяются 2 океана — Северный Ледовитый и Тихий? (Берингов).

Послепросмотровые задания.

1. Посмотрите видео со звуком третий раз. Назовите содержание.

2. Прочитайте транскрипт. Запомните произношение, значение и географическое положение на карте изучаемых онимов.

11:50. Море Лаптевых. К востоку от Карского моря простирается следующее, не менее суровое море Арктики — море Лаптевых. Его можно считать самым труднодоступным из арктических морей, относящихся к бассейну Северного Ледовитого океана. Море Лаптевых простирается от островов Северной Земли на западе до Новосибирских островов на востоке. Крайняя северная точка — остров Комсомолец. Южная граница моря проходит по материковому берегу от вершины Хатангского залива до мыса Святой Нос. Площадь моря Лаптевых составляет 672 000 км². Море характеризуется низкой температурой воды. Море Лаптевых можно назвать фабрикой по производству арктического морского льда. Здесь вырабатывается больше льда, чем во всех северных морях вместе взятых. В 2020 году к началу ноября море впервые за всю историю наблюдений не покрылось льдом полностью. Этот тревожный факт обеспокоил всех экологов мира. Лед Северного Ледовитого океана защищает от попадания в атмосферу из недр северных морей метана, который еще больше ускоряет процесс глобального потепления на Земле. Экологи зафиксировали, что объем выброса метана на шельфах северных морей России сопоставим с количеством метана, выделяемого водами всего остального мирового океана. Флора и фауна моря Лаптевых немногочисленна в связи с суровым климатом. Беднее только фауна Восточно-Сибирского моря. Основу промысла, как и в большинстве морей Северного Ледовитого океана, составляют сиговые рыбы: омуль, ряпушка, муксун. Самые большие реки, впадающие в море Лаптевых, — это Лена, Яна, Оленек, Хатанга. Лена — крупнейшая река, впадающая в море Лаптевых. Дельта Лены — одна из самых больших в мире. Ее площадь составляет 45 000 км². Устье ее настолько велико, что разветвляется на рукава в 150 км от моря. Берега моря Лаптевых почти не заселены людьми. В округе много поселков и деревень, но их численность не превышает пары сотен человек. Большим населенным пунктом здесь является порт Тикси, с населением чуть более 5000 человек. Море Лаптевых назвали в честь мореплавателей, двоюродных братьев, Харитона и Дмитрия Лаптевых, которые внесли большой вклад в освоение этих территорий. Движемся дальше на восток.

14:40. Восточно-Сибирское море. Это море одно из самых мелководных морей наряду с морем Лаптевых. Восточно-Сибирское море — самое ледовитое из морей российской Арктики. Приблизительно с октября по июнь оно полностью покрыто льдом. Это окраинное море Северного Ледовитого океана расположено между Новосибирскими островами и островом

Врангеля. Проливами море соединяется с Чукотским морем и морем Лаптевых. Площадь поверхности Восточно-Сибирского моря составляет 944 600 км², а средняя глубина его составляет 66 метров. Для этих мест характерен холодный климат с бедной флорой и фауной и низкой соленостью морской воды. Остров Врангеля является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО. На территории острова расположено в России лежбище моржей и располагаются родильные берлоги белых медведей. Более 44 видов птиц гнездятся на острове. В Восточно-Сибирское море впадают мало рек. Основные из них — это Колыма, Индигирка, Алазея. Колыма — крупнейшая река на северо-востоке Сибири, в Магаданской области и Якутии. Несколько десятков тысяч лет назад на побережье Восточно-Сибирского моря на месте тундры с ее скудной растительностью лежал другой ландшафт — тундростепи, или мамонтовые степи. Прибрежная зона характеризуется как район со слабой хозяйственной деятельностью. Рыбный промысел имеет местное значение: встречаются сиг, голец, морской окунь. Труднодоступное Восточно-Сибирское море используется в транспортном отношении как часть Северного морского пути, по которому проходят транзиты. Частью Северного морского пути и основным портом в Восточно-Сибирском море является Певек с населением 5 000 человек. Это самый северный город в России.

17:10. Чукотское море. Идем дальше на восток. И вот уже на другом краю света нас ожидает море, омывающее берега не только России. Также здесь соединяются два океана и, наконец, прослеживаются теплые течения. Чукотское море. Оно разделяет два полуострова, Чукотку и Аляску, и является пограничным морем между двумя государствами: Российской Федерацией и США. На западе проливом Лонга соединяется с Восточно-Сибирским морем, на востоке в районе мыса Барроу соединяется с морем Бофорта, на юге Берингов пролив соединяет его с Беринговым морем Тихого океана. Площадь Чукотского моря 595 000 км². Через акваторию моря проходит линия перемены дат. Почти год море покрыто льдами. Холодное течение из Восточно-Сибирского моря приносит много льда к побережью Чукотки. Теплое Аляскинское течение приводит к очищению южной части моря ото льда на 2 месяца в теплый период года. По оценкам экспертов, шельф Чукотского моря содержит до 30 млрд баррелей нефти. Но в ближайшее время ее добыча в России не планируется. У мыса Дежнева, крайней точки Евразии, сближающиеся берега материков образуют Воронку, переходящую в южной части в так называемое Горло. Это и есть Берингов пролив, проход из Чукотского в Берингово море. Здесь соединяются 2 океана — Северный Ледовитый и Тихий.

19:14. Заключение. Итак, мы посмотрели на карте видео моря, принадлежащие бассейну Северного Ледовитого океана, омывающие Россию. Отметим, что это лишь часть видеофильма.

3. Сравните свой вариант текста с транскриптом. Как вы думаете, насколько полно вам удалось передать содержание видеосюжета? Как произносятся онимы?

4. Подчеркните в тексте слова и словосочетания, которые, на ваш взгляд, описывают недостатки/суровость северных морей.

Для лучшего понимания смысла текста мы представляем инофонам работу с составленной нами к видеотексту интеллект-карту.

Метод интеллект-карт был предложен как метод графического выражения процессов восприятия, обработки и запоминания информации. Работа с интеллект-картой на занятиях РКИ способствует повышению мотивации обучающихся, что делает занятия более эффективными [3]. Мы предлагаем составленную нами готовую интеллект-карту (Рис. 1) по видеотексту. Затем обучающиеся просматривают сюжет, читают транскрипт, анализируют карту преподавателя и дополняют уже структуру данной карты самостоятельно.

Задание с интеллект-картой. Опираясь на интеллект-карту, дайте ответы на вопросы (видеосюжет «Северные моря России на карте» (00:00-11:50).

1). Какие основные реки впадают в Белое море? (Северная Двина, Онега, Мезень).

2). Перечислите 5 крупных неразработанных месторождений газа в Баренцевом море (Мурманское, Северо-Кильдинское, Ледовое, Лудловское, Штокмановское).

3). С помощью какого пролива сообщается Карское море с морем Лаптевых? (пролив Велькицкого).

4). Как раньше называлось Карское море на западе? (Тартарское море).

5). Какова роль Белого моря для России? (рыболовство; водо-транспортная сфера; крупнейший регион кораблестроения, в том числе и атомного подводного флота).

6). С помощью какого пролива сообщается Карское море с Баренцевым морем? (пролив Карские ворота).

7). Между какими островами располагается Карское море? (между островами Новая Земля, Земля Франца-Иосифа и Северная Земля).

8). Берега каких двух государств омывает Баренцево море (Россия и Норвегия).

9). Как раньше называлось Карское море в России? (Нярзомское море).

Мы представили некоторые примеры заданий для работы с сюжетом с национальной региональной онимической тематикой. Для преподавателей РКИ методматериалы будут способствовать методически грамотно организовывать учебный процесс по соответствующей дисциплине и сокращать процесс подготовки к занятию. Разработки сценариев работы с профвидео помогут оценивать компетенции инофонов по предметам и их уровень владения русским языком; адаптировать учебную информацию; осуществлять учебный процесс по соответствующей гуманитарной или естественно-научной дисциплине.

В современном образовательном процессе практико-ориентированный подход с использованием интеллект-карт является одним из ключевых, который позволяет обеспечить эффективность обучения для профессиональной деятельности иностранных студентов.

Рис.1. Интеллектуальная карта для запоминания онимов инофонами

Библиографический список

1. Митрофанова О.Д., Хавронина С.А. Этнометодика как одно из перспективных направлений преподавания РКИ // Уроки русской словесности. Сборник научных трудов / Тула – Москва: Изд-во ТулГУ, 2017. С. 72 – 73.

2. Юдина Т.М. Аутентичные региональные видеоматериалы в практике обучения русскому языку как иностранному // Проблемы современного педагогического образования. – Сборник научных трудов: Ялта: РИО ГПА, 2021. Вып. 72. Ч. 1. С. 316– 319.

3. Yudina T.M., Kharitonova A.A. The Method of Compiling an Intellect Map in Classes of Russian as a Foreign Language // Reports Scientific Society. 2022. No. 4(32). P. 36-39.

4. Yudina T.M., Samorokina E.A. Phenomena of historical persons as a means of knowledge of russian history at rfl lessons (on the example of the cartoon “how peter the first built a fleet in the north”) // Reports scientific society: scientific and practical journal. № 8 (40). Thailand, 2023. P. 93– 98.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Юдина Татьяна Михайловна,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и речевой
культуры Северного (Арктического) федераль-
ного университета имени М.В. Ломоносова
(Архангельск),
SPIN-код: 8640-5073,
e-mail: tatyana.y.tanya@mail.ru

Yudina Tatiana Mikhailovna,

PhD in Philology, Associate Professor of the
Department of Russian Language and
Speech Culture, Northern (Arctic) Federal
University named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk),
SPIN code: 8640-5073,
e-mail: tatyana.y.tanya@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ REGIONAL ONOMASTIC STUDIES

УДК 81'373.21

Е.А. Корнейко

МОУ «Майская гимназия»

(Белгородская область, Российская Федерация)

e-mail: helen.korneiko@yandex.ru

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ БЕЛГОРОДЧИНЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТАХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье анализируется опыт проведения научных исследований школьников, посвящённых топонимическим единицам. Показано, что этнохоронимы, годонимы, топоконцепты и пр. имеют региональное содержание. Сделан вывод о том, что изучение топонимов способствует осознанию родного языка как формы социальной памяти, культурного кода нации и отдельного региона.

Ключевые слова: топонимика, этнохоронимы, годонимы, топонимы, культуроведческий подход.

E.A. Korneyko

MOU "May Gymnasium"

(Belgorod region, Russian Federation)

e-mail: helen.korneiko@yandex.ru

TOPONYMIC UNITS OF BELGOROD REGION AS AN OBJECT OF STUDY IN SCIENTIFIC RESEARCH WORKS OF SCHOOLCHILDREN

The article analyzes the experience of conducting scientific research of schoolchildren on toponymic units. It is shown that ethnochoronyms, godonyms, topoconcepts, etc. have regional content. It is concluded that the study of toponyms contributes to the awareness of the native language as a form of social memory, the cultural code of a nation and a particular region.

Keywords: toponymy, ethnochoronyms, godonyms, toponyms, cultural approach.

Современные педагогические технологии направлены на активизацию и интенсификацию деятельности школьников. Участие в исследовательской деятельности – одно из условий превращения ученика в активного субъекта учебной работы. В процессе организованной поисковой деятельности обучение состоит не в усвоении способов решения частной задачи, а в овладении общими способами решения задач определённого класса. Школьники учатся исследовать условия поисковой задачи, самостоятельно собирать языковой материал для анализа, находить новые способы действия – открывать новые знания.

Популярными объектами исследований школьников являются ономастические единицы: ойконимы, годонимы, эргонимы и мн. др. Они позволяют реализовать принцип персонализации, т. е. максимального привлечения личности ученика, его биографического и речевого опыта.

Изучение географических названий представляет большой научный и практический интерес, помогает решать вопросы обучения и воспитания школьников средствами родного языка, а также позволяет сознательно относиться к языку как национально-культурной ценности.

Большое внимание у учеников Майской гимназии Белгородской области вызвало исследование, посвящённое анализу топонимов *Белогорье* и *Белгородчина*.

К сожалению, нам не удалось установить точной даты появления слова *Белгородчина* и его автора, хотя в русской топонимике достаточно часто используются подобные номинации территорий, заменяющие названия областей и краёв: например, *Брянщина*, *Орловщина*, *Тамбовщина*.

Однако, как представляется, слово *Белгородчина* имеет отличие: в его образовании участвует суффикс *-чин-*. Собирая произведения, в которых употребляются анализируемые номинации, мы отметили, что в стихотворении белгородского поэта Владимира Михалёва «Мой край» встречается лексема *Белгородщина*. Оно было написано в 60-е годы прошлого века.

Уточняя время появления слов *Белгородчина* и *Белгородщина*, мы обратились в областной архив. В его фондах была обнаружена книга «Борьба за Советскую власть на Белгородщине, март 1917 г. – март 1919 г. (Сборник документов и материалов)», изданная в Белгороде в 1967 году. Позже в Воронеже (в 1979 году) вышла книга «Белгородщина литературная» (составители В.П. Оводенко, В.М. Пальваль).

Основываясь на названных источниках, мы пришли к выводу, что более ранней номинацией Белгородской области было слово *Белгородщина*.

Проведённое исследование позволило заключить, что в лексеме *Белгородщина* суффикс *-щин-* несёт значение обиходного названия территории. Замену суффикса *-щин-* на *-чин-* можно объяснить с лингвистической точки зрения: *-чин-* является алломорфом суффикса *-щин-*, если корень оканчивается на букву *д* (ср. употребление суффиксов *-чик-* – *-щик-*).

Достаточно часто в поэзии, прозе и СМИ о Белгородской области используется другая номинация – *Белогорье*. Мы обратились к Толковому словарю В.И. Даля и обнаружили в нём несколько значений этого слова.

Интересным представляется следующее: *Белогорье*. – сиб. Горные кряжи. Откуда идут ручьи, реки [1; с.55]. Естественно, на территории Белгородской области нет горных кряжей, но есть меловые отложения, ставшие основой для перифрастического наименования *Белые горы*, а затем – *Белогорье*.

Таким образом, если слово используется для обозначения особенностей рельефа, то оно играет роль нарицательного имени существительного и должно писаться со строчной буквы. Если слово *Белогорье* именуется регион или территорию, то пишется с заглавной буквы (как имя собственное).

Добавим, что юные исследователи ещё выделили номинации, которые чаще всего используются писателями при назывании Белгородской области: *Белгородчина*, *Белогорье*, *Белогорие*, *Порубежье*, *Земля Белгородская*.

Знакомясь с литературой, школьники акцентировали внимание на работе, которая посвящена анализу и систематизации этнохоронимов Белгородского района. Как оказалось, вопросы, связанные с наименованием жителей определенного географического объекта, существуют достаточно давно.

В частности, авторы словаря «Русские названия жителей» И.Л. Городецкая и Е.А. Левашов считают, что «необходимость словарей этнохоронимов обусловлена разными причинами, главная из которых – их сложный словообразовательный механизм: на службе патронимического словообразовательного словопроизводства состоит более полусотни суффиксов: *-ец*, *-анец/-янец*, *-ынец*, *-овец/-евец*, *-овлянин/-евлянин*, *-чанин*, *-ич*, *-ит* и др.» [2; с. 4].

Известно, что название жителей города Белгорода образовано при помощи одного из самых продуктивных патронимических суффиксов – *-ец*. Однако в словаре «Русские названия жителей» приводится пример употребления с суффиксом *-чанин*: Что ж, остается только завидовать белгородчанам. Человек и закон. 1990, 3 [2; с.44].

Мы считаем данную форму случайной и не соответствующей правилу, поскольку большинство наименований жителей от названий населённых пунктов мужского рода с основой на твердый согласный, содержащий корень -город-, образуется с помощью -ец .

Очень часто в речи коренных белгородцев и гостей города, а также в СМИ можно услышать: бѣлгородцы, Бѣлгородская область (с ударением на первом слоге). Мотивируется это тем, что ударение в исходном слове падает на первый слог: Бѣлгород. Данный пример является иллюстрацией одного из свойств русского ударения – подвижности.

Следует отметить, что в рассматриваемом этнохорониме встречаются не только орфоэпические, но и орфографические ошибки. Например, на одном из высших учебных учреждений города мы встретили следующую надпись: *С праздником, дорогие Белгородцы!*

Проанализированные ошибки в очередной раз указывают на необходимость создания словаря этнохоронимов Белгородчины, который поможет избежать неточностей. Считаем, что такой словарь может оказать помощь жителям населённых пунктов нашего региона: школьникам, студентам, учителям, работникам средств массовой информации в выборе правильного варианта.

Далее об очень интересной группе в ономастиконе – годонимах (названиях улиц, проспектов, переулков, площадей и пр.).

Укажем, что ученики нашей гимназии провели анализ названий улиц родного посёлка Майского и их классифицировали. Оказалось, что среди годонимов самыми многочисленными группами стали следующие: по именам (фамилиям) выдающихся людей – 31 пример, по внешним особенностям улицы, площади – 16 примеров. В особую группу выделены названия, образованные от растений (деревьев, кустов, цветов) – 10 годонимов (многочисленность таких именовании объясняется сельскохозяйственной деятельностью поселка). Эта особенность поселения отразилась в названиях не только данной группы. Так, например, одна из первых улиц (Вавилова) названа в честь знаменитого учёного-ботаника. Наличие академии и занятий жителей, с ней связанных, нашли отображение в названиях улиц: Академическая, Профессорская, Студенческая, Агрономическая, Инженерная. Имеют место и «позитивные» названия, напрямую связанные с сельской жизнью: улицы Благодатная, Весенняя, Сельская и др.

Следует указать, что в настоящее время нейминг стал одной из самых важнейших частей качественного брендинга. Хорошее коммерческое имя – это фундамент, на котором способен базироваться сильный бренд, отражение его идей и философии.

Эргонимы (названия кафе, аптек, ветеринарных клиник и пр.) часто становятся объектами исследования школьников. В частности, в настоящее время в Белгородской области активно развивается такой вид бизнеса как зоомагазины, и новые заведения открываются с заметной регулярностью.

В результате анализа образования названий зоомагазинов гимназисты выяснили, что большинство из них связаны с любимыми питомцами, ведь именно это привлекает клиентов. Кроме того, проведённое анкетирование позволило выяснить, что респондентам больше всего нравятся короткие благозвучные названия, семантически связанные со сферой деятельности заведения. Низкие оценки получили неоригинальные именовании, ассоциативно не связанные с животными и уходом за ними (например, зоомагазин «СИМ-СИМ»).

Итак, далеко не все перечисленные топонимические единицы имеют региональное содержание. Однако, без сомнений, изучение топонимов является эффективным в ходе реализации культуроведческого подхода, способствующего осознанию родного языка как формы социальной памяти, культурного кода нации и отдельного региона.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т.1. С.-Петербург - Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. 1880. 723 с.

2. Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь-справочник: Более 14000 названий / Л.И. Городецкая, Е.А. Левашов. Под ред. Е.А. Левашова. Москва: ООО «Русские словари»: «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2003. 363 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Корнейко Елена Александровна,
кандидат педагогических наук,
учитель русского языка и литературы
МОУ «Майская гимназия»
Белгородской области;
e-mail: helen.korneiko@yandex.ru

Korneiko Elena Aleksandrovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
teacher of Russian language and literature at
the Maiskaya Gymnasium
of the Belgorod region;
e-mail: helen.korneiko@yandex.ru

УДК 81'373.21

О.В. Петешова

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград, Российская Федерация)
e-mail: Opeteshova@kantiana.ru*

ОТОЙКОНИМНЫЕ УРБАНОНИМЫ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье сопоставляются названия улиц в восточно-прусских городах, производные от названий населенных пунктов, с аналогичными урбанонимами после массовых реноминаций в Калининградской области. Автор делает вывод о количественном преобладании таких единиц на исходных картах, однако доказывает, что изначально отойконимные урбанонимы обычно образовывались от номинаций местных поселений, в то время как советские отойконимные урбанонимы восходят к региональным ойконимам-мигрантам.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, отойконимный урбаноним, топоним-мигрант, переименование, Калининградская область, Северо-Восточная Пруссия.

O. V. Peteshova

*Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russian Federation)
e-mail: Opeteshova@kantiana.ru*

OTOICONYMOUS URBANONYMS OF THE KALININGRAD REGION

The article compares the street names in East Prussian cities, derived from the names of settlements, with similar urbanonyms after mass renominations in the Kaliningrad region. The author concludes that such units are numerically predominant on the source maps, however, he proves that initially otoiconymous urbanonyms were usually formed from the nominations of local settlements, while Soviet otoiconymous urbanonyms go back to regional migrant oikonoms.

Keywords: toponym, urbanonym, otoiconymous urbanonym, migrant toponym, renaming, Kaliningrad region, Northeast Prussia.

Как известно, к региональным отойконимным урбанонимам могут относиться как названия улиц, образованные от названий близлежащих местных населенных пунктов, так и урбанонимы, восходящие к ойконимам-мигрантам, то есть номинациям поселений, перенесенным с исторической родины перемещающегося населения, которое стремится сохранить за счет предпочтения таких географических названий свои воспоминания и ассоциации [3; с. 79]. Подобные ойконимы-мигранты могут переноситься в новый регион вместе с бывшими жителями соответствующих населенных пунктов или перемещаться без миграции населения благодаря своей исключительной известности и сопряженности в сознании людей с чем-то особенным [1; с. 41-42]. В настоящее время ойконимы-мигранты имеются практически в каждом регионе Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

В Калининградской области, ставшей новым регионом РСФСР после Второй мировой войны, система урбанонимов сформировалась как результат массовых переименований исходных восточно-прусских улиц по приказам районных Управлений по гражданским делам [5; 7; 8 и др.]. В связи с документальной неподтвержденностью основной массы данных переименований для анализа нами были изначально отобраны 1000 урбанонимов Калининграда и ряда населенных пунктов Калининградской области, и была выдвинута гипотеза, согласно которой среди них должно присутствовать довольно много отойконимных единиц, причем большинство из них, скорее всего, образовано от ойконимов-мигрантов. Это утверждение обусловлено тем фактом, что при реноминации советские власти в значительной мере ориентировались на позицию первых переселенцев, прибывающих по приглашению руководства

страны для полной замены местного населения из Украины, Белоруссии и 27 регионов России, перечень самых значимых из которых приводится в источнике [2; с. 31]. Эти переселенцы не могли не привезти с собой географические названия, которые с высокой долей вероятности могли послужить основой для новых региональных урбанонимов.

В итоге проведенный анализ показал, что, в действительности, на 1000 урбанонимов Калининградской области приходится 68 названий, образованных от ойконимов-мигрантов. 52 из этих названий локализованы на картах областного центра – г. Калининграда. Для сравнения отметим, что на исходных картах Северо-Восточной Пруссии зарегистрированы 34 отойконимных урбанонима, производных от ойконимов-мигрантов, то есть таких единиц изначально было ровно в два раза меньше, чем после советских реноминаций.

Если рассматривать эти урбанонимы по источнику происхождения мигранта, то наиболее частотными предсказуемым образом являются названия улиц, образованные от названий городов РСФСР (49 случаев, например, ул. *Белгородская*, ул. *Великолукская*, ул. *Архангельская*). За ними следуют 11 названий украинского происхождения (ул. *Киевская*, ул. *Винницкая*, ул. *Черниговская* и др.) и 5 белорусских номинаций (ул. *Могилевская*, ул. *Минская*, ул. *Полоцкая* и др.). Однако не следует забывать и про малочисленные улицы, названия которых восходят к мигрантам из Латвии (пример – ул. *Рижская*), Эстонии (ул. *Нарвская*) или Азербайджана (ул. *Бакинская*).

Ситуация с исходными урбанонимами, образованными от топонимов-мигрантов, похожа на ситуацию с новыми урбанонимами в том плане, что здесь преобладали названия, привезенные из самой страны их функционирования – из Германии (в числе 17 таких номинаций можно назвать улицы *Berliner Straße*, *Hamburger Straße*, *Kieler Straße*). Кроме того, здесь имеется относительно большое количество урбанонимов, восходящих к австрийским ойконимам (в 4 из 6 случаев речь идет о урбанониме *Salzburger Straße*) или польским ойконимам (в 3 из 5 случаев производится отсылка к городу Гданьску в форме урбанонима *Danziger Straße*). Как и в новом топонимическом материале, в исходной выборке присутствуют малочисленные урбанонимы, производные от ойконимов из других государств, в частности, Чехии (*Sudetenlandweg*) и Франции (*Argonner Straße*).

При более подробном изучении русскоязычных урбанонимов Калининградской области выяснилось, что не все ойконимы-мигранты, от которых они образованы, происходят из регионов-мест выхода переселенцев, перечисленных в работе Ю.В. Костяшова. Так, нам удалось обнаружить улицы в честь городов РСФСР, из которых прибыло максимальное количество новых калининградцев (семь названы в честь Москвы, три – в честь Ленинграда, по одной улице – в честь Смоленска, Брянска, Орла, Воронежа и т.п.). Вместе с тем, урбанонимы, образованные от названий других мест выхода переселенцев, по итогам проведения кампании по переименованиям не были зарегистрированы (примеры – номинации от ойконимов Вологда, Самара, Рязань, Астрахань). С другой стороны, в населенных пунктах Калининградской области представлено множество урбанонимов, восходящих к названиям городов, не отмеченных историками в числе основных источников нового населения области (например, городов Омска, Уфы, Казани или Новосибирска).

Интересными, с нашей точки зрения, являются те обстоятельства, что, во-первых, урбанонимы, образованные от ойконимов-мигрантов, равномерно распределились после массовых переименований по территории всех восьми изначально выделенных властями районов города Калининграда, и, во-вторых, в некоторых населенных пунктах Калининградской области была предпринята попытка называть серию близлежащих улиц по номинациям территориально связанных городов (в частности, в городе Балтийске пригородам Ленинграда посвящены как улица *Кронштадтская*, так и улица *Ораниенбаумская*).

Отметим, что ойконимы-мигранты активно функционируют на современных картах изучаемого региона не только в основе урбанонимов, но и самостоятельно. Документально подтвержден тот факт, что 57 названий калининградских населенных пунктов были наме-

ренно, «по желанию населения» перенесены из других областей РСФСР или советских республик (примеры – пос. *Липово*, пос. *Ломово* и с. *Петино*) [4]. При этом 1184 ойконима из 2497 повторяются в других регионах страны от 1 до 18 раз, то есть в среднем на один местный ойконим приходится 5,7 идентичных советских названия, что по меньшей мере в 570 случаях может свидетельствовать о документально незакрепленном перемещении задействованных ойконимов. Более подробно особенности этого класса калининградских топонимов освещаются в работе [6].

Что касается урбанонимов, образованных от местных ойконимов, то имеет место обратное соотношение исходных и новых номинаций подобного рода: на 17 новых единиц приходится 175 исходных единиц, то есть на картах Северо-Восточной Пруссии их почти в десять раз больше, чем на калининградских картах. При этом в выборке новых урбанонимов доминируют названия, восходящие к ойкониму Калининград (в частности, ул. *Калининградская*, *Калининградский переулок*, *Калининградское шоссе*). Основная масса номинаций фиксирует расположение соответствующей выездной улицы в направлении соответствующего населенного пункта (*Гусевское шоссе* в городе Черняховске ведет в сторону города Гусева, а *Жилинское шоссе* в городе Советске – в сторону поселка Жилино). Однако есть и случаи-исключения, например, в том же городе Советске имеется улица *Тильзитская*, название которой восходит к исходному немецкому наименованию самого города Советска до проведения кампании по переименованию – *Tilsit*.

В исходном топонимическом материале представлены как урбанонимы, образованные от номинаций крупных местных населенных пунктов типа восьми улиц *Königsberger Straße* или шести улиц *Tilsiter Straße*, так и названия улиц, связанные с названиями мелких поселений, например, *Domnauer Straße*. Зачастую отойконимные урбанонимы образовывали в городской топонимической системе целые ансамбли. Серии таких урбанонимов встречались как в самом Кёнигсберге (например, ряд из 11 урбанонимов *Friedrichswalder Allee*, *Frankenauer Weg*, *Ossauer Weg*, *Fregenauer Weg* и т.п.), так и в городе Гвардейске (*Neuhöfer Weg*, *Großhöfer Weg*, *Kleinhöfer Weg*).

Естественно, что при отборе новых урбанонимов инициаторы переименований стремились избавиться от этих ансамблей, четко привязанных к немецкой культуре, однако сами представители советской власти были склонны к введению аналогичных ансамблей на картах региональных городов. В частности, в районе № 1 послевоенного Калининграда сложился блок из 11 урбанонимов, образованных от ойконимов-мигрантов, объединивший географические названия ул. *Московская*, ул. *Смоленская*, ул. *Ярославская*, ул. *Костромская* и другие.

Уже по некоторым примерам, приведенным выше, видно, что для отойконимных урбанонимов региона характерна определенная повторяемость, которая чаще всего связана с локализацией тезоименных, то есть системно повторяющихся урбанонимов в разных населенных пунктах области, поскольку в каждом ее районе отбором новых названий улиц занимались собственные комиссии, действующие независимо друг от друга. Среди новых номинаций повторяющимися следует считать 27 урбанонимов (13 из них восходят к ойкониму *Калининград*, семь – к ойкониму *Москва*, причем два зарегистрированы на плане одного и того же города – Калининграда, три – к ойкониму *Ленинград*). Примерно столько же повторяющихся единиц было в немецкоязычной выборке (на 35 таких урбанонимов приходится восемь, восходящих к ойкониму *Königsberg*, шесть – к ойкониму *Tilsit*, но большинство названий типа *Insterburger Straße* или *Rossittener Weg* повторяются только по два раза).

Таким образом, и для новой, и для исходной урбанонимии рассматриваемой местности свойственны использование отойконимных единиц двух типов, многие из которых повторяются в регионе неоднократно, однако в Северо-Восточной Пруссии наблюдалось тяготение к образованию подобных урбанонимов от местных ойконимов, а в советской Калининградской области чаще всего использовались урбанонимы, производные от ойконимов-мигрантов. В

целом в исходном языковом материале отойконимные урбанонимы фигурируют более чем в два раза чаще, чем в новом, что отражается в количественном соотношении 85:209.

Библиографический список

1. Ермошкина Г.Ф. Топонимическая метонимия как способ номинации географических объектов // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2020. № 8. С. 40-45.
2. Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области 1946-1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 263 с.
3. Мартыненко И.А. Испаноязычная топонимия Аргентины: лингвоисторический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 6. С. 71-82.
4. Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 1.
5. Материалы о переименовании улиц, площадей и парков города Калининграда // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 310. Оп. 7. Д. 1. Л. 1-32.
6. Петешова О.В. Роль дистантной топонимической метонимии в Калининградской области // *Lingua Academica*: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2024. С. 124-129.
7. Приказ Управления по гражданским делам Советского района № 152 от 12.12.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 2.
8. Приказ Управления по гражданским делам Хайнрихсвальдского района № 2 от 30.07.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Петешова Ольга Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта;
SPIN-код 2512-6475
e-mail: opeteshova@kantiana.ru

Peteshova Olga Viktorovna,
PhD in Philology,
Associate Professor at the Institute of Education and Humanities of the Immanuel Kant Baltic Federal University;
SPIN code 2512-6475
e-mail: opeteshova@kantiana.ru

УДК 81'373

Т.А. Плохих

Верхнемамонский Матвея Платова казачий кадетский корпус

(Воронежская область, Российская Федерация)

e-mail: taty2000@bk.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ МИКРОТОПОНИМЫ ВЕРХНЕМАМОНСКОГО И РОССОШАНСКОГО РАЙОНОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Цель настоящей статьи – изучение официальных и неофициальных микротопонимов, составляющих специфическую часть лексики Воронежской области. Топонимы – это особые лингвистические единицы, и поэтому, безусловно, их должна изучать лингвистика. Микротопонимы – один из видов топонимов, название небольшого местного объекта. В ходе исследования была выявлена специфика использования микротопонимов в Верхнемамонском и Россошанском районах. В ходе сопоставительного анализа на качественном уровне проведена корреляция между уровнями топонимизации и классификацией геоморфологических объектов, определены критерии микротопонимов. В настоящее время значительное внимание уделяется изучению локальных особенностей языка, которые отражают уникальные культурные и исторические аспекты определенных регионов. Особую ценность в этом контексте представляют микротопонимы, которые являются важным элементом лингвистического ландшафта и культурного наследия региона. Воронежская область, богатая своими историческими и культурными традициями, обладает уникальным микротопонимическим материалом, изучение которого может дать новые знания не только в области лингвистики, но и в методике преподавания русского языка.

Ключевые слова: ономастика, микротопонимия, оним, гидронимы, топонимы, оронимы, урбанонимы, значение, происхождение, Воронежская область.

Т.А. Plokhikh

Verkhnemamonsky Matvey Platov Cossack Cadet Corps

(Voronezh Region, Russian Federation)

e-mail: taty2000@bk.ru

OFFICIAL AND UNOFFICIAL MICROTOPYNYMS OF VERKHNEMAMONSKY AND ROSSOSHANSKY DISTRICTS OF VORONEZH REGION

The purpose of this article is to study the official and unofficial microtoponyms that make up a specific part of the vocabulary of the Voronezh Region. Toponyms are special linguistic units, and therefore, of course, linguistics should study them. Microtoponyms are a type of place name, the name of a small local place. The study revealed the specifics of the use of microtoponyms in Verkhnemamonsky and Rossoshansky districts. In the course of a qualitative comparative analysis, a correlation was made between the levels of toponymization and the classification of geomorphological objects, and criteria for microtoponyms were determined. Currently, considerable attention is being paid to the study of local language features that reflect the unique cultural and historical aspects of certain regions. Of particular value in this context are microtoponyms, which are an important element of the linguistic landscape and cultural heritage of the region. The Voronezh Region, rich in its historical and cultural traditions, possesses unique microtoponymic material, the study of which can provide new knowledge not only in the field of linguistics, but also in the teaching methodology of the Russian language.

Keywords: onomastics, microtoponymy, onym, hydronyms, toponyms, oronyms, urbanonyms, meaning, origin, Voronezh region.

С давних времен человек интересуется географическими названиями. Еще в трудах греческих и римских исследователей и географов можно найти попытки объяснения отдельных географических имен, то есть топонимов. Каждый топоним несет разнообразную

информацию: историческую, географическую, лингвистическую. Процесс наименований – процесс народного творчества, неистощаемого во все века и имеющего свои национальные и языковые особенности. Топонимы – это особые лингвистические единицы, и поэтому, безусловно, их должна изучать лингвистика [1; с. 135].

В настоящее время значительное внимание уделяется изучению локальных особенностей языка, которые отражают уникальные культурные и исторические аспекты определенных регионов. Особую ценность в этом контексте представляют микротопонимы, которые являются важным элементом лингвистического ландшафта и культурного наследия региона. Воронежская область, богатая своими историческими и культурными традициями, обладает уникальным микротопонимическим материалом, изучение которого может дать новые знания не только в области лингвистики, но и в методике преподавания русского языка.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью интеграции региональных лингвистических данных в образовательный процесс, что может способствовать более глубокому пониманию обучающимися русского языка как предмета. В текущий момент многие языковеды говорят о необходимости более глубокого изучения топонимии крупных регионов России. Различные аспекты воронежской топонимии исследовались в работах Е. Болховитинова, Н.П. Гринковой, В.И. Дьяковой, В.П. Загоровского, Ф.Н. Милькова, С.А. Попова, В.А. Прохорова, Г.Ф. Ковалева, Т.В. Толбиной, В.А. Семушкина и других авторов. Однако проблемы региональной микротопонимики как особой отрасли топонимики остаются недостаточно разработанными. Вопрос требует внимания еще и потому, что в микротопонимах отражаются не только языковые черты (и, в частности, диалектные), но и факты истории народа, картина мира жителей данного региона, особенности жизненного уклада, и их творческие способности. В силу особенностей своего существования этот языковой материал исчезает и может бесследно исчезнуть, поэтому крайне необходимо собрать, сохранить и изучить основные процессы формирования номинационного комплекса региона.

Методология включает в себя несколько ключевых этапов:

1. Определение объекта и предмета исследования. На этом этапе были четко обозначены основные категории топонимов: гидронимы (названия водных объектов), оронимы (наименования форм рельефа) и урбанонимы (названия внутригородских объектов).

2. Выбор методов исследования. Для сбора и анализа данных использовались описательный, сравнительно-исторический и лингвистический методы. Описательный метод позволил подробно описать и классифицировать топонимы по различным признакам. Сравнительно-исторический метод помог выявить общие закономерности и особенности формирования топонимов в разных регионах. Лингвистический анализ дал возможность глубже понять структуру, происхождение и семантику топонимов.

3. Сбор материала. Исследование включало сбор топонимов из различных источников: научные публикации, словари, карты, а также полевые записи. Полевые записи позволили собрать уникальные данные, которые невозможно найти в печатных источниках. Были собраны как официальные, так и народные названия географических объектов.

4. Систематизация и анализ данных. Собранные топонимы были систематизированы и проанализированы с точки зрения их структуры, происхождения и семантики.

Распределение топонимов по районам области показано в таблице.

Распределение топонимов по районам Воронежской области и типам

Район	Гидронимы	Оронимы	Урбанонимы
Аннинский район	10	5	20
Бобровский район	8	6	30
Богучарский район	7	4	15
Бутурлиновский район	9	5	25
Верхнемамонский район	6	4	12
Верхнехавский район	8	5	22
Воробьёвский район	5	3	13
Грибановский район	7	5	24
Калачеевский район	11	7	35
Каменский район	10	6	28
Кантемировский район	9	5	23
Каширский район	8	4	21
Лискинский район	14	8	40
Нижнедевицкий район	6	4	16
Новоусманский район	12	7	38
Острогожский район	10	6	27
Павловский район	11	7	36
Петропавловский район	5	3	14
Поворинский район	8	5	22
Подгоренский район	7	4	18
Рамонский район	13	8	42
Репьёвский район	5	3	13
Россошанский район	15	9	45
Семилукский район	12	7	37
Таловский район	8	5	20
Терновский район	6	4	15
Хохольский район	10	6	26
Эртильский район	7	4	17

Основными источниками информации для исследования послужили:

- научные публикации по топонимике Воронежской области;
- словари географических названий;
- карты и атласы Воронежской области.

Далее приведена таблица с данными о наиболее распространённых моделях словообразования топонимов.

Модель словообразования топонимов Воронежской области

Модель словообразования	Примеры
Суффиксальный	Речка → Реченка
Префиксальный	Берег → Прибрежье
Сложение основ	Белый + Камень → Белокаменск

Особое место среди топонимов занимают урбанонимы – названия объектов (улиц, переулков, площадей) в различных населенных пунктах, в которых отражена история народа [7; с. 93].

Мне бы хотелось подробнее рассказать о классе урбанонимов. Этот класс в системе микротопонимов Воронежской области многочисленный. Он представлен разными наименованиями. Прежде всего проанализируем неофициальные названия улиц по их семантической характеристике.

Названия, в основе которых лежит антропонимическая лексика, мотивом которой является фамилия, имя человека или группы людей.

Село Нижний Мамон Верхнемамонского района:

Демьяшкина улица – улица Прогресса, где проживали первые учителя сельской школы муж и жена Демьяшкины.

Костина улица – часть улицы Шевченко в селе, названа по имени кузнеца, славившегося своим мастерством.

Масютин Хутор – улица Песчаная, где селились родственники с фамилией Масютины. с. Гороховка Верхнемамонского района.

Чупаховка – улица Чупахина, названа так потому, что на ней проживали люди с этой фамилией.

Малаховка – улица, где проживали семьи только с фамилией Малаховы. Сейчас улицы уже нет, осталась пара домов, которые теперь относятся к ул. Чупахина.

Названия, присвоенные по объекту, находящемуся вблизи.

Нефтебаза – в селе Верхний Мамон район базы горюче-смазочных материалов.

Склад – улица Усманская в с.Нижний Мамон, где находится амбар для хранения зерна и склад продуктов.

Калитва – Проспект Труда в г. Россошь. Назван так потому, что находится рядом с магазином «Калитва».

По этому же принципу называют улицу Октябрьскую – **Якиманка** – ТЦ, расположенный на этой улице.

Названия, отразившие особенности местности, рельефа, почвы и особенности передвижения.

Подгора – в г. Россошь место пересечения нескольких улиц, размещенных у подножия возвышенности.

Косогор – несколько улиц с. Гороховка. Название происходит из-за измененного рельефа – скошенные возвышенности.

Названия, данные по этнонимическому признаку.

Москалёвка – в г. Россошь часть улицы Транспортная, где селились москали.

Турецкая улица – улица Мира в с. Гороховка Верхнемамонского района, где живут приехавшие в 90-е годы турки – месхетинцы.

Названия, иронически характеризующие материальное положение людей.

Долина Нищих в с. Верхний Мамон – улица Вишнёвая, где состоятельные люди строят элитные дома.

Улица Бедных – росошанцы так называют улицу Набережную, где в собственных больших домах живут состоятельные граждане.

Названия, характеризующие социальное положение живущих или характеризующие их нравственно.

Молодежная – с таким названием улицы встречаются во многих селах. Обычно это связано с тем, что здесь когда-то селились несколько молодых семей.

Самодуровка – ул. Бульварная в с. Нижний Мамон улица, где более ста лет назад поселились молодые семьи, отделившиеся от родителей, что традиционно осуждалось. Кстати, в Верхнемамонском районе есть хутор Донской, который в народе называют Самодуровкой – по тому же признаку.

Учительская – часто встречаются с таким названием улицы, где в основном живут семьи учителей.

Микротопонимы – это названия небольших географических объектов, которые известны только ограниченному кругу людей. Они могут быть связаны с природными особенностями местности или историческими событиями.

Русская топонимия представляет собой разноязычные географические названия, обозначающие естественноприродные или созданные руками человека топографические объекты. Особенности географических объектов положены в основу тематической дифференциации топонимических классов, которые в совокупности являются материальной основой топонимической системы региона [9; с. 265].

Наблюдения показали, что почти в каждом селе есть небольшие улицы, имеющие название Куток или Куты, т.е. меньшие по территории, чем остальные. Наиболее продуктивными в семантическом плане оказались названия, в основе которых лежит антропонимическая лексика и названия, данные по объекту, находящемуся вблизи. В результате анализа выявилось, что неофициальные названия живут в народе гораздо дольше официальных. Человек с трудом привыкает к новому, порой сохраняя даже те названия, которые уже не отражают современной жизни.

Библиографический список

1. Верховых Л.Н. Лингвокраеведение в школе: учебное пособие. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2017. 255с.
2. Ковалев Г.Ф. Задачи лингвокраеведения в средней школе // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: сборник научных статей. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996. С. 20–24.
3. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области. Воронеж: Наука–Юнипресс, 2017. Т. 2. 2017. 419с.
4. Ковалев Г.Ф. Ономастические исследования и изучение родного края // Лингвистическое отечествоведение. Елец, 2001, т. 1. С. 228–234.
5. Ковалев Г.Ф. Ономастические исследования и изучение родного края // Воронежское лингвокраеведение. Воронеж, 2005. №1. С. 3–23.
6. Ковалев Г.Ф. Основные ценности региональной микротопонимии // Русское народное слово в языке и речи. Арзамас, 2009. С. 189–200.

7. Ковалев Г.Ф. Дидактические ценности региональной микротопонимии // Ресурсы региона: объект исследования и источник обновления образовательной парадигмы. Славянск–на–Кубани, 2014. С. 86–96.

8. Ковалев Г.Ф. Об изучении региональных особенностей микротопонимии Воронежской области // Педагогическое регионоведение. Борисоглебск, 2014. №1–2 (5–6). С. 84–93.

9. Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин: монография. Воронеж: Издательский Дом Алейниковых, 2003. 285 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Плохих Татьяна Андреевна,
учитель русского языка и литературы
Верхнемамонского Матвея Платова
казачьего кадетского корпуса
Верхнемамонского района Воронежской
области,
e-mail: taty2000@bk.ru

Plokhikh Tatiana Andreevna,
teacher of Russian language and literature of
the Verkhnemamonsky Matvey Platov
Cossack Cadet Corps of the
Verkhnemamonsky district of the Voronezh
region,
e-mail: taty2000@bk.ru

УДК 81-23

А.А. Повольнова
Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)

О ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ЗНАЧЕНИЙ ФАМИЛИЙ НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ОНОМАСТИКОНА

Статья направлена на рассмотрение основных проблем поиска значений фамилий и освещает основные сложности в работе с собственными именами, препятствующие определению верного значения фамилий. Исследование проводится с опорой на словарь уральских казачьих фамилий.

Ключевые слова: значение фамилий, уральские фамилии, казачьи фамилии, антропонимика, ономастика.

A.A. Povolnova
Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)

ON THE PROBLEM OF FINDING THE MEANINGS OF SURNAMES USING THE EXAMPLE OF THE URAL COSSACK ONOMASTICON

The article is aimed at examining the main problems of finding the meanings of surnames and highlights the main difficulties in working with proper names that prevent determining the correct meaning of surnames. The research is based on the dictionary of Ural Cossack surnames.

Keywords: the meaning of surnames, Uralic surnames, Cossack surnames, anthroponymy, onomastics.

Возникновение имен собственных – определяющий этап в развитии человеческой коммуникации. Оно привело к облегчению взаимодействия между людьми. Собственные имена позволили наделять предметы названиями, подчеркивающими индивидуальные признаки объекта. Уникальность таких номинаций заключается в том, что они состоят всего из одного, реже нескольких слов.

Однако какой бы краткой ни была форма, то или иное название может заключать в себе ценную информацию о быте, культуре, языке народа. Эти характеристики относятся и к собственным именам людей. Наиболее богатыми в этом отношении можно считать фамилии. Издревле фамилия позволяла идентифицировать человека, понять его статус, положение в обществе, происхождение.

Неслучайно В.А. Никонов на первых страницах одной из своих работ называет фамилии «живой историей» [5; с. 6]. Что важно, такая характеристика дается не только именам собственным выдающихся людей, которые подарили своей семье известность и узнаваемость за счет личных достижений. Исследователь отмечает, что каждая фамилия, вне зависимости от заслуг ее носителей, – это кладезь полезной информации как для ученого, так и для самого представителя рода [5; с. 7–8].

Многие из людей интересуются своей фамилией. Интерес объясним: чем дальше человек от первоисточника собственного имени, тем туманнее значение и его толкование.

Именно по этой причине ученый-антрополог нередко сталкивается с такой проблемой, как поиск истинного значения фамилии. Иногда, при первичном анализе, кажется, что толкование прозрачно и не требует дополнительных изысканий. Однако на примере фамилий из этой статьи удалось обнаружить, что значение собственного имени не всегда так однозначно, как может показаться изначально.

В качестве материала для исследования используется словарь уральских казачьих фамилий с основой на П, поиском и систематизацией которых занимался А.И. Назаров в работе «Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков» [4; с. 190–255]

Начнем с тех фамилий, значение которых, на первый взгляд, кажется достаточно понятным. Например, производящей основой фамилии *Плакунов* является слово *плакун*. Людям, далеким от изучения диалектов и русского фольклора, оно покажется связанным с глаголом *плакать*. Таким образом, фамилия приобретает форму непатронимической, образованной от прозвища, мотивированного действием эмоционально реагировать на событие, плакать. Однако при обращении к словарю Д.Н. Ушакова обнаруживается, что словом *плакун* в некоторых русских и украинских диалектах обозначается лекарственное растение, больше известное как кипрей или дербенник иволистный [6; с. 278]. Исходя из этого толкования слова, можно трактовать фамилию *Плакунов* как образованную от прозвища человека, занимающегося сбором трав, в том числе кипрея. Возможно, это был лекарь, к которому обращались за помощью в борьбе с болезнями.

К числу имен собственных с неоднозначной семантикой можно отнести и фамилию *Пелепелкин*. В первую очередь, она ассоциируется с названием птицы – *перепела*. Пелепелкиными могли называть людей, которые занимались выращиванием этих птиц. А необычное для литературного русского языка написание можно объяснить свойственным многим говорам расподоблением плавных звуков, примерами которых служат слова *колидор* ('коридор'), *дилектор* ('директор') и многие другие. Однако, обращаясь к данным диалектов, обнаруживается иное значение слова. *Пелепелами* в пермских говорах называли особые украшения из золота, жемчуга и драгоценных камней, которые нашивали на женскую одежду. Чем больше пелепел было на платье девушки, тем более высокий статус имела семья [1; с. 25]. Потому фамилия *Пелепелкин* могла свидетельствовать и о положении человека в обществе.

Иногда антропологу важно обращать внимание даже на экзотические версии, чтобы прийти к верному выводу. Значение фамилии *Павлин*, при постановке ударения на первый слог, объясняется в связи с крестильным женским именем *Павла*. Предполагается именно женский, а не мужской вариант имени, так как суффикс *ин* в русских фамилиях присоединяется к словам, оканчивающимся на *а/я*. Тем не менее, при переписи населения, архивы которой и позволяют нам работать с собственными именами, ударение не фиксируется, потому вполне допустимо предположить, что могла существовать фамилия, образованная от орнитологического прозвища *павлин*. Имена собственные от названий птиц свойственны русскому и украинскому ономастикону. В их числе такие фамилии как *Горобец* (иначе *Воробей*, *Воробьев*), *Пивень* (иначе *Петух*, *Петухов*), *Скворец* (иначе *Скворцов*) и тому подобные.

Несмотря на невозможность естественного появления данной птицы в наших широтах, о павлинах уже точно было известно в России 17 века. Об этом свидетельствует герб города Серпухова. История появления этого геральдического символа отсылает нас к 1691 году. В это время пара павлинов была привезена в дар Высоцкому монастырю окольничим Михаилом Колупаевым. Птицы прижились, потому в Серпухове началось их активное разведение. По этой причине павлин присутствует на гербе города. Появление фамилии с таким корнем могло произойти только в среде высокопоставленных лиц, контактировавших с данными птицами, знавших о их существовании.

Некоторые фамилии дают возможность порассуждать не только о значении, но и об обстоятельствах приобретения ее носителем. Примером может послужить фамилия *Повольнов*. Она образована от прозвища *повольный*, иначе *вольный*. Свидетельством употребления данной словоформы может служить текст В. Н. Татищева «Проект Петру I об условиях передачи казенных медных рудников на Урале частновладельческой компании», написанный в 1724 году: «Ежели в цене или в заплате денег учинится несогласие, чтоб повольно было промышленником продавать посторонним повольною ценою.»

Повольным могли называть независимого, то есть обладающего волей, человека. Если трактовать это понятие как *свободу от рабства*, то такой номинацией могли награждать крестьян, вышедших из-под крепостнического влияния в 1861 году. Однако в таком случае нарушается логика образования фамилии. Фамилии крестьянам раздавались, как правило, в соответствии с именем старшего мужчины в семье, то есть отца или деда (*Михайлов, Степанов, Петров*), в зависимости от рода деятельности (*Плотников, Столяров, Швецов*) или по имеющемуся прозвищу (*Косой, Иноземцев, Самоедов*). По такому принципу *Повольнов* войдет в последнюю группу. Однако это определение свидетельствует о том, что прозвище крестьянин получил не по причине освобождения от рабства, а в соответствии с личной чертой характера, особенностью поведения. То есть носитель фамилии *Повольнов* – это скорее своевольный, вольный в плане поведения, а не зависимости от землевладельца, человек.

Иная трактовка возможна при рассмотрении этого собственного имени не изолированно от того, что оно встретилось в списке казачьих фамилий. В этом случае важно акцентировать внимание на фактах истории. Казачьи объединения делятся на служилые и вольные. Первая группа полностью находилась в подчинении у царя, в то время как вторая формировалась стихийно и возглавлялась не назначенным воеводой, а атаманом. Исходя из этого, казак из *вольного* объединения мог получить фамилию *Повольнов*. Обстоятельства ее приобретения также могут вызывать ряд догадок. Естественно, не каждый *вольный* казак носил это прозвище. С большой долей вероятности оно было присвоено человеку исходя из различия на фоне остальных. Например, ее мог получить казак, который из *вольных* перешел в ряды *служилых*.

В тех же архивных записях можно заметить, что зачастую фамилия принадлежит уроженцам Саратовской области. Этот факт дает основания для соотнесения собственного имени *Повольнов* с названием города *Вольска*. Однако нам данное сравнение кажется малоубедительным. В фамилии присутствует префикс *по-*, который не наблюдается ни в одной из форм названия населенного пункта. Современный *Вольск* – это образование от раннего *Волгск*, что означало ‘*город на реке Волге*’. Топонимический анализ дает следующие результаты: в гидрониме *Волга* нет ничего общего с корнем слова *воля*. Название реки образовано от праславянского * *vyлга* – влага. Трансформация в топониме *Вольск* объясняется сложностью произношения консонантного кластера *-лгск*. С помощью ликвидации стечения согласных город приобрел более благозвучное и удобное для артикуляции название, но тем самым получил и более схожее со словом *воля* звучание.

Таким образом, отталкиваясь от одного и то же производящего слова, мы можем дать несколько версий приобретения фамилии.

Важным для антрополога является и то, где была записана фамилия, так как в отдельных частях страны, а иногда и в рамках двух близлежащих деревень, одно и то же слово может иметь разные значения. Например, фамилия *Полубабкин* встречается как в районе Вологды, так и в окрестностях Ярославля. Она была образована от слова *полубабка*. Это прозвище созвучно с вологодским *полубабок* – женщина низкого роста [2; с. 235]. То есть такая фамилия могла принадлежать человеку, предок которого выделялся среди прочих людей своей внешностью. В ярославских говорах *полубабками* обозначали особый вид укладки снопов, по восемь штук в каждой связке [3; с. 249]. Потому *полубабкой* могли назвать жнеца, который занимался укладкой снопов. Таким образом, определяющую роль в поиске значения имеет и место обнаружения фамилии.

Важно заметить, что все из представленных фамилий были обнаружены в уральском казачьем ономастиконе. Разносторонняя семантика собственных имен и многочисленность говоров, участвующих в их образовании, свидетельствует о пестром составе войск, что так же важно для анализа истории его образования. Это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что данные антропонимики важны не только для ономастических исследований. Отдельные факты возможно использовать для иных разделов лингвистики, например, лексики,

диалектологии, фонетики. А многие из них понадобятся для глубокого анализа в рамках истории и культурологии.

Проблема поиска верного значения фамилий все еще остается актуальной, ведь для того, чтобы остановиться на одном варианте трактовки иногда недостаточно материала, который используется для анализа. Некоторые из фамилий даются людям по аналогии, ввиду различных жизненных обстоятельств, историй, известных только самим носителям. Как правило, имеющиеся архивные записи не располагают данными о причинах, по которым человек получил то или иное прозвище. Тем не менее, поиск значения фамилий – это все еще один из самых продуктивных вариантов получения данных о культуре, языке и истории народа.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть третья. П. Москва: Издательство общества любителей Российской словесности, 1865. 509 с.
2. Кузнецов А.В. Народный именовослов Русского Севера XV–XVII века: происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень. Вологда: ВОУНБ, 2020. 398 с.
3. Мызников С.А. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2019. 968 с.
4. Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы: Комплекс, 2003. 180 с.
5. Никонов В.А. География фамилий. Москва: Наука, 1988. 192 с.
6. Толковый словарь русского языка. Том III: П – Ряшка / Д.Н. Ушаков [и др.]. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1939. 1424 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Повольнова Ангелина Андреевна,
студентка 4 курса филологического факультета,
Воронежский государственный университет,
SPIN-код 7064-7856,
e-mail: lina.povolnova@mail.ru

Andreevna Povolnova Angelina,
4th year student of the Faculty of Philology,
Voronezh State University,
SPIN code 7064-7856,
e-mail: lina.povolnova@mail.ru

ИМЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА NAME IN THE LITERARY TEXT SPACE

УДК 801.313.1

К юбилею А.П. Чехова

С.А. Скуридина

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

«ДУШЕЧКА» А.П. ЧЕХОВА: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Статья посвящена исследованию ономастического пространства чеховского рассказа «Душечка», выявлению роли имен собственных в формировании образа главной героини – Оленьки Племянниковой – и других персонажей. Отмечается, что А.П. Чехов придавал значение именам, продумывал антропонимы и топонимы, в связи с чем они несут в тексте рассказа определенную смысловую нагрузку. Рассмотрение ономастикона начинается с анализа библионима «Душечка», который предопределяет выбор не только онимных, но и апеллятивных элементов с диминутивными суффиксами. Анализируются также топонимы и другие онимные единицы, встречающиеся в тексте, отмечается, что имена собственные способствуют созданию атмосферы провинциального городка конца XIX века и углубляют понимание психологических особенностей персонажей.

Ключевые слова: оним, имя собственное, антропоним, топоним, библионим, апеллятивно-онимное единство, «Душечка, А.П. Чехов.

S.A. Skuridina,

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

ANTON CHEKHOV'S "DARLING": AN ONOMASTIC APPROACH

The article is devoted to the study of the onomastic space of Chekhov's short story "Darling", revealing the role of proper names in shaping the image of the main character – Olenka Plemyannikova – and other characters. It is noted that A.P. Chekhov attached importance to names, thought out anthroponyms and toponyms, and therefore they carry a certain semantic load. Consideration of the onomasticon includes an analysis of the biblyonym "Darling", which determines the choice of not only onymic, but also appellative elements with diminutive suffixes. Toponyms and other anonymous units found in the text are also analyzed, since proper names contribute to creating the atmosphere of a provincial town at the end of the 19th century and deepen understanding of the psychological characteristics of the characters.

Keywords: onym, proper name, anthroponym, toponym, biblyonym, appellative-onym unity, "Darling, A.P. Chekhov

Большинство исследователей, обращавшихся к ономастикону А.П. Чехова, относят антропонимы его произведений к разряду говорящих. Как показывает ономастический опыт, семантически значимыми оказывается именник тех писателей и поэтов, кто интересовался именами собственными в обычной жизни. Достаточно вспомнить рассказ «Лошадиная фамилия», чтобы понять, что писатель уделял внимание антропонимам и делал их объектами языковой игры. В письме к брату Александру А.П. Чехов рассуждает об имени, данном племяннику: «За наречение сына твоего Антонию посылаю тебе презрительную улыбку. Какая смелость! Ты бы ещё назвал его Шекспиром! Ведь на этом свете есть только два Антона: я и

Рубинштейн. Других я не признаю... Кстати: что если со временем твой Антон Чехов, учинив буйство в трактире, будет пропечатан в газетах? Не пострадает ли от этого моё реноме?...» [23; с. 193]. В письме к своей сестре, М.П. Чеховой, содержится следующая просьба: «Отпри мой стол, и если в передней части ящика найдётся осьмушка бумаги (или 1/2 листа почтовой бумаги), исписанной мелко для будущей пьесы, то пришли её мне в письме. На этом листке записано, между прочим, много фамилий» [24; с. 241]. К.И. Чуковский, ссылаясь на М.П. Чехова, отмечает склонность писателя к замене имен причудливыми кличками, «которые прилипали к людям на всю жизнь, но он неистово придумывал новые, и нередко данное им прозвище оказывалось гораздо точнее, чем то случайное имя, которое у человека было в паспорте» [26; с. 214]. Г.Ф. Ковалев, проанализировавший ономастику в биографии и творчестве А.П. Чехова, отмечает, что писатель «свободно обращался со своим именем», о чем свидетельствуют дарственные надписи в его книгах и подписи к письмам: «От Сколопендрского»; «Твой Кушеткер»; «Твой А. Брудер» и т.д. [8; с. 144].

В ономастических исследованиях творчества А.П. Чехова рассматривается в основном антропонимикон его произведений [4], [5], [6], [7], [8], [9], [11]. Многие работы посвящены специфике чеховских библионимов – названий произведений [1], [2], [10], [15]. М.Л. Семанова, начиная свою монографию с главы «Где жизнь, там и поэзия»: о чеховских заглавиях», отмечает, что «в заглавиях Чехова проступают многие черты его поэтики: лаконизм, емкость, большое социальное, психологическое наполнение каждой художественной «единицы», неоднозначность смысла» [16; с. 29]. Безусловно, заглавие, занимающее абсолютно сильную текстовую позицию, является квинтэссенцией смысла, в связи с чем нередко анализ ономастического пространства произведения целесообразно начинать именно с него.

Обратимся к рассказу А.П. Чехова «Душечка», функцию названия которого выполняет диминутивная форма лексемы «душа». В словаре В.И. Даля уменьшительно-ласкательные формы *душка*, *душенька* и *душечка* приводятся с пометой *умал.*, лексемы *душенька* и *душечка* даются автором словаря как синонимичные, указывается, что они относятся к лексеме *душа* и трактуются как «привет и ласка» [3; с. 505]. В одной из наших работ нами рассматривалась история функционирования апеллятивов *душенька* и *душечка* и отмечалось, что «в соответствии с данными НКРЯ, диминутив *душенька* входит в языковой узус гораздо раньше, чем диминутив *душечка*. В 1764 году лексему *душенька* употребляет Д.И. Фонвизин в так называемом раннем «Недоросле» [18; с.161]. «Диминутив *душечка*, по данным НКРЯ, начинает использоваться в художественных текстах почти на 70 лет позже: в 1833 году данная лексема возникает у А.А. Бестужева-Мариинского во «Фрегате «Надежда» в качестве обращения к женскому персонажу» [18; с.162], однако апеллятив *душечка* частотен в обращениях к мужским персонажам, например, в текстах М.Е. Салтыкова-Щедрина, а также встречается в одном из рассказов А.П. Чехова: «Конверт, первый попавшийся мне на глаза, содержал в себе следующее письмо: «Душечка мой Сережа! Извени, что я тебя беспокою, но я так удивлена, что не знаю, к кому и обратиться... (А.П. Чехов. Драма на охоте (1884)).

Рассказ «Душечка» был написан А.П. Чеховым в конце 1898 года. А.С. Мелковой представлена история его создания, в которой отмечается, что писатель довольно долго вынашивал идею создания женского образа, подобного душечке, в результате чего он получился не таким схематичным, каким виделся изначально, в период работы над «оставленной повестью»: «Внутреннее содержание этих женщин так же серо и тускло, как их лица и наряды; они говорят о науке, литературе, тенденции и т. п. только потому, что они жены и сестры ученых и литераторов; будь они женами и сестрами участковых приставов или зубных врачей, они с таким же рвением говорили бы о пожарах или зубах. Позволять им говорить о науке, которая чужда им, и слушать их, значит льстить их невежеству» (XII, 300 – 301) [12].

В рассказе А.П. Чехова диминутив *душечка*, являющийся способом характеристики персонажа, приобретает функции имени собственного, поскольку так называли Ольгу Семеновну актеры. По мнению В.И. Тюпы, «иронический парадокс заключается в том, что «ду-

шечкой» (душа!) Ольгу Племянникову все в рассказе называют, испытывая удовольствие при виде ее здорового тела» [20; с. 60]. З.С. Паперный отмечает подобие заглавий таких чеховских рассказов, как «Душечка», «Ионыч» и «Дама с собачкой», определяя, что данные названия «имеют сложный образный смысл» [13]. Известно восприятие души как сосуда: «Наша душа есть как бы какой сосуд или корзина, в которой могут помещаться рои духовных дарований, но если она наполнена желчью, горечью и гневом, то эти рои отлетают от нее прочь» (свт. Феофан Затворник). В связи с этим лексема *душечка* может интерпретироваться как маленький сосуд. З.С. Паперный считает, «душечка» не только прозвище – это «душа» в уменьшительной форме. Мы вступаем в какой-то особый мир – даже не мир, а мирок. И Ольга Семеновна, как девочка, зовется «Оленькой», и кошка Брыска не просто кошка, а «черная кошечка». Здесь все уменьшено, как в перевернутом бинокле, начиная от первого мужа Оленьки, которого она холит как ребенка («Какой ты у меня славненький! – говорила она совершенно искренно, приглаживая ему волосы. – Какой ты у меня хорошенький!»), и кончая «мальчишечкой» Сашей (*Любопытная поправка. В тексте журнала «Семья «душечка» говорила мальчику Саше: «Ты такой умный» («Семья», 1899, № 1, стр. 4). Готовя рассказ для Собрания сочинений, Чехов исправил: «Ты такой умненький». Этот штрих хорошо передает ту атмосферу «уменьшительности», которая наполняет рассказ «Душечка».*); своего первого мужа Кукина она зовет «Ваничкой», второго – «Васичкой» [13; с. 294].

Действительно, диминутивный библионим поддерживается в рассказе определенным набором апеллятивов, представленных в уменьшительно-ласкательной форме. Любопытны имена избранников Оленьки, полагаем, намеренно, выбранные А.П. Чеховым из русского ономастикона так, чтобы все они начинались с одной буквы В. Ваничка, Васичка и Володичка – все диминутивные антропонимы созданы героиней по одной словообразовательной модели, как будто для нее и не существовало разницы между этими людьми, которых она любила в определенный период своей жизни, что также подтверждается выбором неантропонимных именовании: оплакивая сначала первого, а затем второго мужа, Ольга Семеновна называет каждого из них орнитоморфной лексемой *голубчик*. Диминутивные мужские антропонимы *Ваничка*, *Васичка* и *Володичка* Душечка использует в период близких отношений, тогда как вернувшегося ветеринара, покинувшего зону ее любви, она встречает, обращаясь к нему традиционно – по имени-отчеству: «Владимир Платоныч! Откуда бог принес?» [22; с. 110]. Поскольку ветеринар приезжает второй раз уже с семьей, то возвращения к прежним отношениям не происходит, диминутивное имя по отношению к нему героиней не используется, хотя при встрече, еще не зная его планов, Ольга Семёновна употребляет орнитоморфное обращение *голубчик*, характерное в ее речи для наименования близких людей.

Так как Ольга Семеновна «не могла прожить без привязанности и одного года» [22; с. 108], Васичка заменяет Ваничку, Володичка Васичку, и только в конце рассказа им на смену приходит Сашенька – его имя на другую букву русского алфавита, для образования диминутива используется суффикс *-еньк-*, как и в уменьшительно-ласкательном имени самой героини. Вероятно, это связано и с тем, что Сашенька – это объект другой – материнской – любви, его имя интерпретируется как «защитник мужчины» [19; с. 110], но он еще маленький, поэтому и не очень защитник, поэтому и обижает Ольгу Семеновну: «Когда поворачивают в тот переулок, где стоит гимназия, ему становится совестно, что за ним идет высокая, полная женщина; он оглядывается и говорит: «Вы, тетя, идите домой, а теперь уже я сам дойду» [22; с. 112]. В использовании разных суффиксов при образовании диминутивных форм имен Оленькиных привязанностей Е.В. Попова также усматривает разницу: «Суффикс *-ичк-* встречается в именах мужчин, которых любит героиня, *-еньк-* – в имени самой героини и имени мальчика, который дорог ей как родной сын» [14; с. 207].

Интересно, что героиня называет всех своих избранников, используя диминутивные личные имена, а они обращаются к ней по имени-отчеству – Ольга Семеновна, тогда как жители города называют ее душечкой и живет она в районе, название которого содержит диминутив, – Цыганская Слободка. Фамилии первого и второго мужа являются контекстуальными

ми синонимами, поскольку обозначают отсутствие чего-то: антропоним *Кукин* соотносится с апеллятивом *кукиши*, а *Пустовалов* с лексемой *пустота*, хотя первоначально фамилия образована от профессии валяльщика: *Постовалов* / *Пустовалов* < *Полстовалов* ‘валяльщик’ < *полсть* ‘войлок’ + *валять* [21; с. 102]. По-чеховски ироничен трёхчастный антропоним второго мужа Оленьки – *Василий* *Андреич* *Пустовалов*: *Василий* из др.-греч. *Βασίλειος* ‘царский, царственный’, *Андреич* из *Андрей* *Ἀνδρέας* ‘мужественный, храбрый’ [19; с. 142-143; 115] и – *Пустовалов*. Та же пустота с присущей А.П. Чехову тонкой иронией заложена в фамилию ветеринара *Смирнин*, поскольку она связана не с адъективом *смирный*, а с военной командой *Смирно!*, а ветеринар четко следует командам, что говорит о его душевной пустоте, из-за которой он даже не оценил привязанности Оленьки: «Ветеринар уехал вместе с полком, уехал навсегда, так как полк перевели куда-то очень далеко» [22; с. 109].

Фамилия Оленьки – *Племянникова* – образована от термина родства *племянник*, который в Древней Руси обозначал не только родственника, но и использовался для обозначения понятия ‘родной и близкий’ [21; с. 147], идеально подходящих для описания отношений, в каких она хочет находиться с любимыми ею людьми. Имя *Ольга* происходит из скандинавского *Хейльга*: *хейла* ‘святая’ [19, с. 413], а отчество *Семеновна* образовано от мужского имени *Семен* – из греч. *Симеон*: др.-евр. *шим-он* (Бог) слышащий [19, с. 413]. Иронизируя, А.П. Чехов дает имя с подобным «божественным» значением героине, прозванной душечкой. Упоминается в тексте рассказа еще один антропоним, образованный от термина родства, – *Бабакаев*. Эту фамилию носит купец, у которого управляющим работает *Пустовалов*. Вероятно, фамилия восходит к тюркскому слову *бабакай* – дедушка.

Повторение судьбы первого мужа Оленьки, умершего во время его поездки, предсказывается созвучным лексеме *могила* названием губернии, куда периодически отправляется ее второй муж за лесом, – *Могилевская*. Дважды упоминается *Сибирь* как обозначение чего-то страшного, неизвестного и очень далекого: «хоть на каторгу в *Сибирь*» [22; с. 102] согласен отправиться *Кукин*, ветеринара перевели «чуть ли не в *Сибирь*» [22; с. 109]. Восприятие *Сибири* героями А.П. Чехова совпадает с представлениями о *Сибири* в романе «*Братья Карамазовы*» Ф.М. Достоевского: «название *Сибирь* реализует такую потенциальную сему как исчезновение на длительный срок, подобное исчезновению навечно, умиранию» [17; с. 207].

В рассказе упоминается отец Оленьки, по завещанию которого ей переходит дом в *Цыганской Слободке*, о матери героини ничего не говорится. Возможно, что, по замыслу А.П. Чехова, за духовную составляющую ответственна мать, тогда как отец – за материальное благополучие. Возможно, поэтому и нет у героини собственных детей. Подобная ситуация, когда отец участвует финансово, а мать куда-то исчезает, разворачивается в конце рассказа с *Сашенькой*: «Его мать уехала в *Харьков* к сестре и не возвращалась» [22; с. 112]. *Харьков* в рассказе воспринимается, с одной стороны, как город, благодаря существованию которого, *Ольга Семеновна* обретает смысл жизни в лице *Сашеньки*, с другой стороны, *Харьков* – метафора все время угрожающей опасности, поскольку мать *Саши* может оттуда вернуться и забрать его, а значит, в душе *Душечки* поселится навсегда пустота.

Увеселительный сад, содержанием которого является *Кукин*, носит название «*Тиволи*». *Тиволи* – это античный город в Италии, известный своими живописными виллами с фонтанами. История *кукинского «Тиволи»* оказалась довольно короткой: «там, где были сад «*Тиволи*» и лесные склады, выросли уже дома и образовался ряд переулков» [22; с. 110]. По мнению *Кукина*, его увеселительное заведение не пользуется популярностью у местных жителей по следующим причинам: «...публика, невежественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию великолепных куплетистов, но разве ей это нужно? Разве она в этом понимает что-нибудь? Ей нужен балаган! Ей подавай пошлость!» [22; с. 104]. Однако причина в другом: многообещающее название не соответствует тому, что предлагается в театре: оперетки, фокусники, куплетисты – это, к сожалению, не высокое искусство. Спектакли «*Орфей в аду*» и «*Фауст наизнанку*», представляющие собой буффонады, насыщенные зрелищными

сценами, нагромождением нелепиц с целью достижения максимальной иррациональности, были модными недолго, поскольку зрители не видели в них настоящего искусства.

Москва, куда уезжает Кукин набирать труппу, становится местом его невозвращения, так как он «скончался скоропостижно сучала» [22; с. 105], а вместо похорон состоятся «хоророны» [22; с. 105]. Так, А.П. Чехов с помощью контаминации двух слов *хохот* и *похороны* обозначает нелепость не только жизни, но и смерти первого мужа Оленьки, полное имя которого становится известно тоже из телеграммы – *Иван Петрович*. Кукин находит упокоеие «в Москве, на Ваганькове» [22; с. 105], что тоже достаточно символично, поскольку в XIII–XIV веках в дворцовом селе Ваганьково проживали царские потешники, псары, музыканты. Основано кладбище было в 1771 году, когда нужно было хоронить умерших от чумы, в середине XIX века Ваганьково не считалось престижным местом захоронения, так как дворяне предпочитали некрополи при монастырях, а здесь хоронили крестьян, мещан, мелких чиновников. Только в конце XIX века на Ваганове стали хоронить известных людей.

Социально обусловленным антропонимом является имя кухарки – Мавра. Возможно, данное имя, входившее в крестьянский именник, потому связано с кухней, что в народном календаре существует праздник Мавры-рассадницы или Мавры – зеленые щи. В этот день сажали капусту, а также начинали варить щи из свежей зелени.

Встречается в тексте рассказа зооним *Брыска* – так зовут черную кошку Ольги Семеновны. Кошка не может заполнить пустоту, возникшую в связи с уходом Смирнина с полком, и названа Брыской, поскольку ее все время прогоняет хозяйка: «Поди, поди... Нечего тут!» [22; с. 110]

Как видим, А.П. Чехов наполняет небольшой рассказ семантически значимыми именами собственными разных разрядов, образующими систему. Безусловно, ведущую роль играют антропонимы, среди которых знаковым является прозвище главной героини – Душечка, замещающее ее имя. Думается, данное ассоциативное наименование, возникающее у окружающих Ольгу Семеновну при виде ее тела, используется писателем с целью типизации художественного образа, поскольку подобные Душечке женщины, по мнению автора, довольно многочисленны. С помощью ономастических единиц А.П. Чехов выражает своё отношение к героям и ситуации, создавая схематичные образы избранников Оленьки и отражая ее внутренние переживания. Таким образом, ономастическое пространство – важный компонент художественного мира рассказа А.П. Чехова «Душечка», создающий дополнительные уровни восприятия и понимания данного произведения.

Библиографический список

1. Баскакова Л.В. Поэтика заглавий в художественной прозе А.П. Чехова // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания. Ростов-н-Д., 2001. Ч. 2. С. 22-25.
2. Вежбиньски Я. Семантика заглавных антонимов в сочинениях А.П. Чехова // Чуждоезиково обучение. София, 1995. №3. С.4-18.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. Т. 1. М.: Терра, 1995. 700 с.
4. Демидова Г.И. Образование Чеховым "говорящих" фамилий и их функции в ранних произведениях писателя // А.П. Чехов и национальная культура. Традиции и новаторство. СПб., 2000. С. 43-53.
5. Доманова Т.И. Поэтика имени в творчестве А.П. Чехова: Ольга (диалоги с А.С. Пушкиным) // Текст: проблемы и методы исследования. Барнаул, 2009, с.140-149.
6. Донченко А.С. Семейные антропонимы и их функции в пьесе А.П. Чехова «Свадьба» // Языковое пространство города. Улан-Удэ, 2010. С.161-163.
7. Иманкулова Р.М. Поэтика имени в ранней прозе А.П. Чехова: зоологический ономастикон // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 1. С. 126–132.

8. Ковалев Г.Ф. Ономастика в биографии и творчестве А.П. Чехова // Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературное ономастика. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 447 с.
9. Королева И.А. «Говорящие фамилии» в рассказе А.П. Чехова «Хамелеон» // Семантика слова и семантика текста. М., 2007, Вып. 8. С.57-61.
10. Лясковская Е.О. Поэтика заглавий Чехова. АКД. Алматы, 1999, 32 с.
11. Мгеладзе Д., Колесников Н. Собственные имена в рассказах А.П.Чехова // Труды Тбилисского ун-та, 1956. Т. 61, с.289-300.
12. Мелкова А.С. Творческая судьба рассказа «Душечка» // В творческой лаборатории Чехова. М., 1974.
13. Паперный З.С. Записные книжки А.П.Чехова: монография. М.: Советский писатель, 1976. 391 с.
14. Попова Е.В. К вопросу о трактовке образа главной героини в рассказе А.П. Чехова «Душечка» // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки. Материалы IV международной научно-практической конференции. 2014. С. 203-212.
15. Портильо Н.Н.М. Семантика заглавий как обособленных образований и как компонентов текста (на материале рассказов А.П. Чехова). АКД. Воронеж, 1989, 24 с.
16. Семанова М.Л. Чехов – художник. М., «Просвещение», 1976. 224 с.
17. Скуридина, С. А. Поэтика имени у Ф.М.Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»): монография. Воронеж: Научная книга, 2007. 302 с.
18. Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Семантические особенности диминутивный форм лексемы «Душа» // Дух, душа и тело. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2023. С. 160-168.
19. Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 528с.
20. Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа: монография. М., 1989. 135 с.
21. Унбегаун, Б. Русские фамилии / Б. Унбегаун. М.: Прогресс, 1993. 443 с.
22. Чехов А.П. Душечка // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Сочинения. Т. 10. М.: Наука, 1986. 495 с.
23. Чехов А.П. Письмо Чехову Ал. П., 3 февраля 1886 г. Москва // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974. Т. 1. Письма, 1875–1886. С. 192–194.
24. Чехов А.П. Письмо Чеховой М.П., 6 июня 1902 г. Москва // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 240–241.
25. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Письма в 12 тт. Том 12. 1983. 638 с.
26. Чуковский К.И. О Чехове // Чуковский К.И. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: «Правда», 1990. 624 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета
SPIN-код: 5975-9507
e-mail: saskuridina@ya.ru

Svetlana A. Skuridina, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University
SPIN-код: 5975-9507
e-mail: saskuridina@ya.ru

УДК 821.161.1(092)

О.М. Барсукова-Сергеева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

(Москва, Российская Федерация)

e-mail: barsom@bk.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИМЕНИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАССКАЗЕ В. ТОКАРЕВОЙ «СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ»

Рассматриваются основные принципы именования героев рассказа и их художественная роль. Прослеживается связь национально-культурной специфики мужских и женских личных имен с организацией системы персонажей в произведении. Анализируется сложная структура и трансформации орнитологического образа и обосновывается его безымянный статус.

Ключевые слова: личные имена, appellative, национально-культурная специфика именования, вторичное употребление терминов родства, орнитологический образ, трансформация художественного образа.

О.М. Barsukova-Sergeeva

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russian Federation)

e-mail: barsom@bk.ru

THE STRUCTURAL AND SEMANTIC FUNCTION OF THE CHARACTERS' NAMES IN V. TOKAREVA'S SHORT STORY "THE CONFLUENCE OF CIRCUMSTANCES»

The basic principles of naming the characters of the story and their artistic role are considered. The connection of the national and cultural specifics of male and female personal names with the organization of the system of characters in the work is traced. The complex structure and transformations of the ornithological image are analyzed and its nameless status is substantiated.

Keywords: personal names, appellative, national and cultural specifics of naming, secondary use of kinship terms, ornithological image, transformation of an artistic image

В рассказе В. Токаревой «Стечение обстоятельств» развивается традиционная для русской литературы тема маленького человека. В первых строках произведения маленький человек обозначен как «винтик» в механизме общественной жизни. Рассказ начинается со слова *работник* [2], героиня представлена как работник такого-то отделения связи; как и полагается, род занятий указан строго в мужском роде. Далее следует полное именование героини в соответствии с трехкомпонентной системой русских личных именований (имя, отчество, фамилия) – Клавдия Ивановна Прохоренко.

Обозначив официальный статус персонажа, автор совершает резкую стилистическую трансформацию в ее именовании – далее и везде она функционирует как *тётя Клава, почтовичка*. Имя героини *тётя Клава* имеет двучленную структуру и включает в себе основной принцип ее идентификации. Будучи по сути appellativom, это именование выполняет здесь расширенную номинативную функцию. Первый элемент этой структуры, термин родства во вторичном употреблении (тётя), содержит информацию о взаимоотношениях героини с ее окружением, причем речь не идет о реальном родстве, ведь тетя Клава показана автором как человек одинокий. Уважительно-фамильярный оттенок такого именования носит разговорно-просторечный оттенок и определенным образом характеризует среду общения героини. Исследователями отмечено, что «образованные от терминов родства обращения к людям, не состоящим в родстве с говорящим, особенно частотны в народно-разговорной речи» [1; с. 145]. Установлено также, что «употребление в качестве обращений к незнакомым людям

терминов родства носит избирательный характер и во многом зависит от возраста и от пола не только называемого, но и говорящего» и что «...обращения, созданные на основе терминов родства по одной модели, дифференцируются в зависимости от условий коммуникации» [1; с. 146]. Выбранное автором именование героини достаточно информативно, оно дает основание предполагать, что у нее более молодое окружение, чем она сама, и что с этим окружением она вполне ладит. Например, такие отношения сложились у нее с соседями-молодожёнами.

Двучленная структура имени *тётя Клава* во многом определяет содержание художественного образа. Первый член этой конструкции говорит о социальном статусе и немолодом возрасте героини, а частое повторение этого сочетания и отсутствие в тексте вариантов ее имени придает определенную статичность образу – героиня всегда «в одной поре», т.е. в пожилом возрасте, и нигде из этого временного периода не выходит, даже в эпизоде встречи с Эдиком, человеком из прошлой жизни, который еще помнит ее молодой, однако в разговоре с ней имени ее не называет. Контакты героини с миром ограничены монотонной работой и простым бытом, ее голова напичкана газетными штампами, она отстала от жизни (не знает, например, что в зоомагазине продают готовый корм). Из этого состояния ее выводит лишь появление в ее жизни петуха, которое меняет привычный уклад и ее внутренний мир. Описание внешности героини соответствует образу такой «тёти»: толстая, немодная, скучная, по мнению молодой девушки, стоявшей рядом в автобусе. «Тётя» носит бостоновое пальто, шапку, украшенную лисьим хвостом, и туфли на микропоре – все добротное, но несовременное.

Однако именование *тетя Клава* имеет и другую сторону: в нем проявляется родственная теплота в отношениях с людьми. «Стечение обстоятельств» – рассказ о душевной драме, о любви, ее обретении и потере. «Винтик в механизме» обнаруживает любящую человеческую душу, женскую природу, проявившуюся в привязанности к маленькому и беспомощному существу и заботе о нем. Такое содержание художественного образа вполне раскрывается в именовании героини, выступающей в роли доброй тетушки, любящей родственницы для тех, кто рядом.

Личные имена в рассказе не случайны и вносят в его содержание ряд важных коннотаций. Как известно, во все времена существует мода на женские и мужские имена. Исследователями установлена прямая связь между именем и социальной группой, к которой относится человек [3]. Отметим национально-культурную специфику имен главной героини и ее подруги. Имена Клавдия и Зинаида не являются социально нейтральными, в атмосфере шестидесятых годов прошлого века, к которым относится действие рассказа, они воспринимаются как простонародные и ограниченные рамками той социальной среды, в которой находятся героини. Молодые современники этих женщин такие имена относят к немодным и даже устаревшим.

Иная национально-культурная специфика отличает имя мужского персонажа Индустрий. Оно несет на себе отпечаток эпохи, его породившей, и для шестидесятых годов выглядит явным анахронизмом. Живой носитель этого имени давно отделился от него и выступает для всех как Эдик. Имя Эдик тоже определенным образом маркировано. Образованное от имени Эдуард (кстати), модного, «иностранным» и потому престижного, интеллигентного, оно определенно возвышает его носителя, особенно в сопоставлении с героиней, обладательницей имени простонародного. При этом имя Эдик воспринимается как аналогичное таким именам, как, например, Толик, Костик, Шурик и пр., оно как будто несет дополнительный уменьшительный суффикс, несколько «омолаживающий» его носителя, так что это имя не очень приложимо к пожилому уже человеку. А тётя Клава как бы искусственно состарена автором, давшей ей двухкомпонентное именование – ведь «тётя» всегда принадлежит к старшему поколению.

Как видим, именованья героини и героя служат двойным основанием для их противопоставления – по социальному и по возрастному критериям – и подкрепляют иерархию, вертикаль в их отношениях, заложенную в далеком прошлом, когда он командовал, а она подчинялась и смотрела на него как на существо высшего порядка. Не случайно она обращается к нему на «вы», а он к ней – на «ты». Они и не могли быть вместе, потому что у них разные стартовые условия. Предлагая ей запоздалый брак, «молодой» Эдик снисходит до пожилой тётки Клавы, не сознавая, что свой высший статус в ее глазах он уже утратил.

Таким образом, именованья героя и героини весьма информативны, системны и представляют собой своеобразные маркеры, обозначающие их разделение, показывающие их принадлежность к разным временным и социальным мирам.

Изображенная в рассказе драма одиночества разыгрывается при активном участии третьего персонажа – «усыновлённого» тетей Клавой молоденького петушка. С появлением «семьи» меняются и бытовой уклад, и некоторые жизненные установки героини, о чем косвенно говорит тот факт, что она вдруг отказалась распространять на работе лотерейные билеты. При всей важности для тётки Клавы этого представителя мира пернатых, она так и не решается дать ему имя, он остается безымянным. Хотя он становится для героини спутником жизни, что-то мешает ей дать ему имя – может быть, традиционное отношение к курам, которые никогда не выступали в роли домашних компаньонов. Только в разговоре с начальником тётка Клава вынуждена осознать свое отношение к питомцу и как-то его обозначить. Петя – в данном случае имя человеческое, но не индивидуальное, потому что так называют любого из петушков, это традиционное в русской народной культуре именование петуха по созвучию, не более.

Следует отметить, что орнитологический образ в рассказе раскрывается разносторонне. Он претерпевает изменения, проходит ряд трансформаций: сначала цыпленок воспринимается как продукт питания (тетя Клава идет на рынок за мясом), затем, подрастая, становится домашним питомцем, компаньоном одинокой женщины; далее, в эпизоде битвы с Эдиком он оказывается зрелым бойцовым петухом и наконец, как бы опровергая мудрость распространенной поговорки «Курица – не птица», превращается в многозначный символ, в существо не от мира сего, крылатую мечту, сказочную птицу счастья, которую героиня не сумела удержать – она ведь неудачница. С этой изменчивостью персонажа связана невозможность закрепления за птицей определенного имени – оно значительно затруднило бы трансформацию, возникло бы непреодолимое противоречие между художественным образом, проявленным в движении, и статичным, обезличенным, приземляющим именем. К тому же петушок из рассказа В. Токаревой, несомненно, обнаруживает тесную связь с большой и разнообразной группой орнитологических персонажей русских волшебных сказок. Эта связь поддерживается выразительной, очень значимой предметной деталью, завершающей эпизод исчезновения петушка, – на подоконнике остается его легкое белое перышко. Непосредственное отношение к образу птицы имеет и изображение в финале рассказа разбушевавшейся воздушной стихии с использованием соответствующей лексики и фразеологии (*ветродуй, тугой сильный ветер, шторм в открытом море, купол неба, роза ветров*), окончательно уведящее читателя от обыденности, возвышающее значение орнитологического образа и закрепляющее его многосложность, исключаящую определенное именование.

Библиографический список

1. Николенко О.Ю. Использование терминов родства в качестве общих обращений // Грамота: Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. №3 (3): В 3-х ч. Ч.П. С. 145-146.
2. Токарева В. Стечение обстоятельств // В. Токарева День без вранья: Повести и рассказы. М.: СП Квадрат, 1994. С. 305-318.

3. Шайкевич А.Я. Социальная окраска имени и его популярность // Стилистика. Язык и культура. М.: Наука, 1996. С. 265-280.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Барсукова-Сергеева Ольга Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
для иностранных учащихся филологического
факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
e-mail: barsom@bk.ru

Barsukova-Sergeeva Olga Mikhailovna,
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of
Russian for Foreign Students at the Faculty
of Philology of Lomonosov Moscow State
University,
e-mail: barsom@bk.ru

УДК 802.0

А.С. Биткова

*Воронежский государственный педагогический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: anastasiapanferov@gmail.com*

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РАССКАЗА М. ГОРЬКОГО «СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ»: ОБРАЗЫ ЛАРРЫ И ДАНКО

В статье рассматривается ономастическое пространство рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». Значение имён персонажей помогает автору в раскрытии замысла произведения. Представлены образы Данко и Ларры с точки зрения синонимо-антонимичной парадигмы.

Ключевые слова: синонимы, антонимы, ономастика, художественное пространство, романтизм, М. Горький, «Старуха Изергиль».

A.S. Bitkova

*Voronezh State Pedagogical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: anastasiapanferov@gmail.com*

THE ONOMASTIC SPACE OF M. GORKY'S SHORT STORY "THE OLD WOMAN IZERGIL": IMAGES OF LARRA AND DANKO

The article examines the onomastic space of M. Gorky's short story "The Old Woman Izergil". The meaning of the names of the characters helps the author in revealing the idea of the work. The images of Danko and Larra are presented from the point of view of synonyms-an antonymic paradigm.

Keywords: synonyms, antonyms, onomastics, artistic space, romanticism, M. Gorky, «The Old Woman Izergil».

Ономастика – раздел языкознания, объектом которого являются имена собственные в противопоставленности и сопоставленности с именами нарицательными.

По определению К.В. Першиной: *«Имя собственное (СИ, ИС) — словесное обозначение единичного объекта в ряду однородных объектов. Синонимы термина: оним, онама (опома), проприатив. По форме собственное имя может представлять собой в русском языке слово (простое или сложное), например, Дон, <...> Севастополь, словосочетание, например, Мокрая Волноваха, <...> предложение, например, «Они сражались за Родину», <...>. По грамматическому содержанию имя собственное любой формальной структуры является субстантивом, т. е. обладает грамматическими признаками имени существительного.*

Имя нарицательное (НИ, ИН) — словесное обозначение класса однородных объектов, например, мир, река, страна, <...> и др. Наричательные имена являются знаками понятий» [11; с.6].

Художественное пространство – это пространственные границы, которые создает автор; место действия в произведении. Оно может быть как реальным, так и вымышленным. Нас же интересует термин ономастическое пространство, который подробно описывает Т.В. Шмелева: *«<...> ономастическое пространство – часть действительности, отмеченная именами собственными. <...> человек – первейший объект ономастической номинации и центр ономастического пространства» [19; с.10, 13].*

Антропонимы – это разряд ИС, которые может иметь человек. В русском языке это фамилия, имя, отчество. В контексте произведения М. Горького «Старуха Изергиль» нас интересуют имена главных героев. Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун говорят об имени следующее:

«Все виды антропонимов объединены общим признаком – способностью именовать человека. Из них *только личное имя обладает высокой степенью индивидуализации денотата*, т.е. каждый человек имеет имя, остальные виды могут быть факультативными и соотноситься с историко-культурными традициями народа» [8; с. 59].

Многие ученые посвятили работы исследованию ономастики, среди них: А.В. Суперанская [16], Н.В. Подольская [12], Л.В. Успенский [17] и др.

Вопросы художественного пространства в произведениях М. Горького отражены в работах исследователей: К.И. Чуковского [18], Н.Я. Стречкина [15], Н.К. Михайловского [10].

В ранних рассказах М. Горького особое внимание привлекают явление синонимии и антонимии. Их описанию посвящены статьи Г.Ф. Митрофанова [9], Г.К. Самвеляна [14], Л. Лее-Йуех [7] и мн. др.

Изучением ономастического пространства М. Горького занимался С.М. Пронченко [13].

Сегодня актуально рассмотрение синонимико-антонимических отношений в речевом аспекте. Особенно интересно проследить динамику данных отношений в художественном тексте. Преимущество подобного двуединого подхода применительно к идиолекту писателя позволяет глубже проникнуть в систему создаваемых им художественных образов. Как представляется, текст М. Горького «Старуха Изергиль» изобилует примерами данных лексических групп. К.И. Чуковский замечал: *«Написав однажды «Песню о Соколе», он ровненько и симметрично, как по линейке, разделил все мироздание на Ужей и Соколов, да так всю жизнь, с монотонной аккуратностью во всех своих драмах, рассказах, повестях — и действовал в этом направлении»* [18].

Рассказ «Старуха Изергиль» относится к раннему романтическому творчеству писателя (1890-е годы). В это время написана и «Песня о Соколе», которую упоминает К.И. Чуковский. В 1891 году писатель отправился в путешествие, он посетил и Бессарабию, где получил множество впечатлений, которые легли в основу произведения. «Старуха Изергиль» построена на взаимодействии антонимических и синонимических отношений. Истории Данко и Ларры отделены друг от друга историей жизни самой «старухи» – она является связующим звеном в истории героев.

Обе истории герой-рассказчик слышит от женщины, неизвестно, реальной ли, но в настоящей географической местности (топоним): «Я слышал эти рассказы под Аккерманом, в Бессарабии, на морском берегу». Мы слышим три истории и проходим путь героев, переходим от эгоизма к альтруизму. Изергиль же является гедонисткой. (*Эгоизм (от лат. ego — «я») — поведение, определяемое стремлением человека к собственной пользе и выгоде в убыток окружающим. Альтруизм (лат. alter — другой, другие) — понятие, которым осмысливается активность, связанная с бескорыстной заботой о благополучии других, соотносится с понятием самоотверженности — то есть с приношением в жертву своих выгод. Гедонизм (от греч. ἡδονή — удовольствие, наслаждение) — этическое учение, рассматривающее наслаждение в качестве высшего блага и критерия нравственной жизни.*)

Ларра	Данко
"И она рассказала мне эту сказку." "Многие тысячи лет прошли с той поры, когда случилось это."	"Я расскажу тебе про это... Тоже старая сказка. Старое, всё старое!" "Жили на земле в старину одни люди..."

Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило предлагает следующую классификацию как антонимов, так и синонимов на языковые и контекстуальные. В частности, «выделяются следующие типы антонимов: 1) по степени зависимости от контекста: а) контек-

стуальные (речевые) — слова, семантическая противоположность которых проявляется только в контексте: блеск — нищета; вода — камень; б) языковые антонимы — слова, противоположность которых проявляется в изолированном виде...» [6; с. 409].

«Синонимы делятся на группы <...> 1) по степени зависимости от контекста: а) контекстуальные (речевые) синонимы — слова, семантическое сходство которых проявляется только в контексте; б) языковые — слова, семантическое сходство которых проявляется изолированно, без контекста: крепкий, прочный, твердый...» [6; с. 414].

В данном примере представлены частичные (относительные) языковые синонимы («многие тысячи лет» – «в старину»). (Частичные (относительные) синонимы – слова, частично совпадающие по значению и употреблению: маленький, крошечный, миниатюрный)

Обе истории произошли в далеком прошлом, но Старуха хранит их в памяти. Героиня много повидала и, возможно, неоднократно передавала свой жизненный опыт путешественникам – представителям нового поколения ("Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко.") [4].

Ларра	Данко
<p>"Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц."</p> <p>"...стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, – не опустил своей головы..."</p> <p>"Ты, гордый, слушай!"</p> <p>"И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их..."</p> <p>"А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше..."</p> <p>"...наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего."</p>	<p>"Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станет. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец – всё на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!..."</p> <p>"Посмотрели на него и увидели, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня. <...> Тогда он повел. <...> Дружно все пошли за ним – верили в него."</p>

Ларра	Данко
<p>"Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц."</p> <p>"...стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, – не опустил своей головы..."</p> <p>"Ты, гордый, слушай!"</p> <p>"И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их..."</p> <p>"А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше..."</p> <p>"...наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего."</p>	<p>"И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то. А он шел впереди их и был бодр и ясен."</p> <p>"– Ты, – сказали они, – ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь!" "– Ты умрешь! Ты умрешь! – ревели они."</p>

В данных цитатах представлены контекстуальные контрарные антонимы. (АНТОНИМЫ КОНТРАРНЫЕ (ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ). Антонимы, обозначающие противопоставленность предметов, признаков, процессов, отношений, допускающие включение в свой со-

став «среднего» члена парадигмы, т. е. слова с нейтральной окраской, от которого берут отсчет позитивный и негативный члены парадигмы: *быстрый — умеренный — медленный*)

Люди, окружающие героев, замечают их выдающиеся качества: гордость и жестокость – у Ларры, смелость и мужественность – у Данко. Однако люди, согласившиеся на помощь второго, начинают роптать и злиться. Они видят те качества, которые альтруист не имеет. Это сближает его с Ларрой и представлено в тексте с помощью контекстуальных синонимов.

Ларра	Данко
"Она оттолкнула его да и пошла прочь, а он ударил ее и, когда она упала, встал ногой на ее грудь, так, что из ее уст кровь брызнула к небу, девушка, вздохнув, извилась змеей и умерла ."	"Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. <...> Люди все сидели и думали. <...> И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки... <...> Но тут явился Данко и спас всех один ."
"Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени , их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестер, — она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они." "Он уже стал теперь как тень , – пора! Он живет тысячи лет, солнце высушило его тело, кровь и кости, и ветер распылил их. Вот что может сделать бог с человеком за гордость!.."	"...И думал о великом горящем сердце Данко..." "С тех пор голубые искры от горящего сердца Данко летают по степи, напоминая о его подвиге : "Видишь ты искры? <...> Голубые? Да, это они... Значит, летают все-таки! Ну- ну... <...> Эти искры от горящего сердца Данко." "Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!" "Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами , расцветая только на миг."

Контекстуальные антонимы показывают различия в судьбе героев. Данко жил ради людей, он старался принести им пользу. Люди убили героя, но он выполнил свою миссию. Несмотря на смерть, он продолжает радовать людей, приносить им добро и спокойствие. Ларра же совершает убийство и приносит в жертву свою жизнь (Ларра напоминает латинское «ларры» – покровители дома, культ которых сопровождался жертвоприношением). Он остается жив, но был бы рад умереть и не тяготиться вечным наказанием. Здесь, согласно Л. Лее-Йуех, «реализуется значимая для М. Горького оппозиция: "низменное, ничтожное, недостойное человека" — "одухотворенное, возвышенное, достойное человека".» [7; с. 15]

Что же известно об именах персонажей? Как они характеризуют героев?

Ларра	Данко
"А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон... "	В тексте М. Горький не дает толкования имени.

По сюжету Ларра совершает убийство невинной девушки, в наказание он приносит в жертву собственную жизнь, герой обречен на бессмертие. Он скитается по степям «тенью» и ищет смерти, но люди не убивают его, обрекая на новые страдания. Также стоит отметить, что Ларра изначально является «отверженным». Он вырос вдали от людей, его родителями являются орел и женщина: «<...> она рассказала, что орел унес ее в горы и жил с нею там, как с женой. Вот его сын, а отца нет уже, когда он стал слабеть, то поднялся в последний

раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, на смерть разбился о них...». Это полностью объясняет толкование имени, которое М. Горький дает в тексте.

Стоит отметить различие судьбы Ларры и отца-орла. Для М. Горького важен принцип жизненной свободы и борьбы, вспомним, например, «Песнь о Соколе», которая также относится к романтическому периоду творчества. Правда жизни Сокола ярко выражена в данных цитатах: *«Рожденный ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся... <...> Я сам всё знаю! Я — видел небо... Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю»* [3]

Также имя «Ларра» напоминает латинское «лары» — покровители дома, культ которых сопровождался жертвоприношением. По верованию римлян божества защищали общину и участвовали в переходных обрядах в жизни людей: обряд инициации, бракосочетание, погребение. Однако Ларра встает против общины, *«у него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого».*

В баскском языке имя «Ларра» может иметь значение «ворона». (*Баскские земли — северные области Испании и сопредельные южные районы Франции*) Ворона является мистическим символом в литературе. Она часто выступает вестником смерти, союзником ведьм и нечистой силы. Образ ворона, в отличие от смелых орла или сокола, имеет в раннем творчестве М. Горького негативную окраску: *«— Кабы орлица к ворону в гнездо по своей воле вошла, чем бы она стала?»* [2] Это толкование также объясняет выбор имени главного героя.

И.Н. Гуйс дает мифопоэтическое толкование имени Ларры: *«В легенде о Ларре есть элементы мифа о Гермесе. “В греческой мифологии вестник богов, покровитель путников, проводник души умерших... Гермес одинаково вхож в оба мира — жизни и смерти; он посредник между тем и другим, так же как и посредник между богами и людьми” Гермес — сын Зевса, а Ларра — сын орла, птицы Зевса, его зооморфного воплощения. Одна из функций Гермеса — быть богом воров и мошенников, а Ларра, покинув племя, прославился кражами скота и девушек»* [5]

Что же касается героя, который готов пожертвовать собственной жизнью? Данко ведет за собой народ, несмотря на недоверие людей. Племя ничего не предпринимало для того, чтобы спастись от *«ядовитого смрада болота»*, а, устав от долгого пути, они и вовсе начинают роптать, но персонажа это не останавливает. Он готов отдать соплеменникам все, что у него есть, готов совершить любой подвиг на благо общины. Самое важное и ценное — *«горящее»* и *«смелое»* сердце — остается на земле «искрами». Люди не ценят героический поступок, совершенный Данко, но для него это не имеет значения. Он выполнил свой жизненный долг: *«Что сделаю я для людей?!».*

М. Горький не дает толкования имени в тексте. Однако очевидно, что оно должно иметь положительную окраску. Существует версия, что имя Данко может происходить от еврейского имени Даниэль и означать «Бог мой судит» или «Божественный суд». В этом контексте имя трактуется как относящееся к идее справедливости и защиты, что подтверждается текстом произведения.

По одной из этимологических версий, имя образовано от славянского корня «дан», что означает «данный», «подаренный». Это подчёркивает значимость личности носителя имени как дарящей радость и тепло окружающим. Подвиг Данко оставляет неизгладимое впечатление и спустя годы. Об Изергиль Горький пишет следующее: *«была поражена силой смельчака Данко, который сжег для людей свое сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе».*

Согласно статистике, данное имя вызывает у людей положительные ассоциации и соотносится со следующими понятиями: свет и вдохновение (символизирует надежду и позитивные изменения), смелость и решительность, гармония и единение.

Также имя «Данко», по словам автора книги «Горький и молдавский фольклор» Георге Богача, взято из цыганского языка и переводится как «младший сын», «цыганёнок» [1].

В истории о юноше с пылающим сердцем отразились представления о культурном герое, деяния которого ведут к культурному прорыву: он открывает человечеству ценности цивилизации и новые знания. Исследователь творчества Горького Ирина Гуйс считает, что одним из мифологических предшественников Данко был Прометей, давший людям огонь: *«Образ Данко восходит к мифологическому Прометею, сыну Геи, спасшему людей от тьмы и страданий с помощью чудесно добытого им огня. <...> Данко подобен Прометею тем, что способен на чудесное деяние — разорвать свою плоть и продолжать двигаться. Он похож на титана силой воли. Роднит Прометея и Данко сознание своей исключительности и преимущества над окружающими, несмотря на то что люди и Изергиль считают его “одним из”, хотя и лучшим: “Во мне есть мужество вести, вот почему я повел вас!.. Вы только шли, шли, как стадо овец!” Данко и Прометею близка одна и та же стихия: “В его очах светилось много... живого огня”. Наконец, они оба — благодетели людей. Данко отличается от Прометея природа смертного, сознание общности с людьми и масштабы деятельности»* [5].

Таким образом, значение имени помогает М. Горькому в раскрытии характеров и судеб главных героев. Образы персонажей как противопоставлены, так и связаны (Сравним фразы, исправив инверсию, *«Что сделаю я для людей?!»* = *«Что я сделаю для людей?!»*). Происходит смена логического ударения, которая меняет смысл высказывания). Данное утверждение свидетельствует о том, что герои связаны с помощью и антонимов, и синонимов.

Библиографический список

1. Богач Г.Ф. Горький и молдавский фольклор. Акад. наук МССР. Ин-т языка и литературы. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1966. 234 с.
2. Горький М.М. Макар Чудра [Электронный ресурс] // Интернет библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1330/p.1/index.html?ysclid=m6xhibxdou384606009> (дата обращения: 09.02.2025).
3. Горький М.М. Песня о Соколе [Электронный ресурс] // Интернет библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1330/p.1/index.html?ysclid=m6xhibxdou384606009> (дата обращения: 09.02.2025).
4. Горький М.М. Старуха Изергиль [Электронный ресурс] // Интернет библиотека Алексея Комарова: [сайт]. URL: <https://ilibrary.ru/text/486/p.1/index.html?ysclid=m67zb2xuuq2424809828> (дата обращения: 22.01.2025).
5. Гуйс И. "Старуха Изергиль" А. М. Горького: новый взгляд // Литература. 2007. №6. 16-31 марта. С. 38-41.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
7. Лее-Йуех Л. Стилистика контраста в автобиографической прозе М. Горького и И. Бунина: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат на соискание уч. степ. канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 1999. 22 с.
8. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теория и практика ономастики. Учебное пособие. Алматы: Қазақ университеті; Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. 199 с.
9. Митрофанов Г.Ф. Лексико-фразеологическая синонимика пьесы М. Горького "Последние" // Вопросы метода и стиля. Томск: Издательство Томского университета, 1963. С. 127-142.
10. Михалковский Н.К. О г. Максиме Горьком и его героях // Русское богатство. 1898.
11. Першина К.В. Основы ономастики. Часть I: учебно-методическое пособие по спецкурсу «Основы ономастики» для студентов направления 45.03.01 «Филология» (профиль «Русский язык и литература»). Донецк, 2018. 68 с.

12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1978. 200 с.
13. Пронченко С.М. Типы имён собственных и их функции в цикле М. Горького «Сказки об Италии» // Мир русского слова. 2014. № 4. С. 78-82.
14. Самвелян Г.К. Проблемы художественного стиля произведений М. Горького 1909-1917 гг.: специальность 10.01.08 «Теория литературы»: автореферат на соискание уч. степ. докт. филол. наук. Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени Государственный педагогический институт имени В.И. Ленина. Москва, 1983. 35 с.
15. Стречкин Н.Я. Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества. Санкт-Петербург: Типолит. В.В. Комарова, 1904. 154 с.
16. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Москва: URSS, 2012. 370 с.
17. Успенский Л.В. Ты и твоё имя: Рассказы об именах. Москва: Армада-пресс, 2002. 316 с.
18. Чуковский К. И. Максим Горький // Родная земля. 1907.
19. Шмелева Т.В. Ономастика: учеб. Пособие. Филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Биткова Анастасия Сергеевна,
студентка гуманитарного факультета
Воронежского государственного
педагогического университета
e-mail: anastasiapanferov@gmail.com

Bitkova Anastasia Sergeevna,
a student of the Faculty of Humanities,
Voronezh State Pedagogical University
e-mail: anastasiapanferov@gmail.com

УДК 181.161.1

В.В. Долгова

*Воронежский государственный педагогический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: delgado911@yandex.ru*

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЦИКЛЕ Д.А. ЕМЦА «МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ»

В статье рассматриваются особенности формирования и употребления имён собственных различного типа в цикле Д. А. Емца «Мefодий Буслаев».

Ключевые слова: ономастика, имена собственные, идиостиль, афористичность, интертекстуальность, аксиологический аспект.

V. V. Dolgova

*Voronezh State Pedagogical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: delgado911@yandex.ru*

PROPER NAMES IN D.A. YEMTS'S CYCLE "METHODIUS BUSLAEV"

The article examines the peculiarities of the formation and use of proper names of various types in the cycle of D. A. Yemts "Methodius Buslaev".

Keywords: onomastics, proper names, idiosyncrasy, aphorism, intertextuality, axiological aspect.

Ономастика представляет собой особый раздел языкознания, изучающий любые имена собственные, их возникновение, употребление и трансформацию. Среди подобного рода наименований выделяют антропонимику (исследование имён людей), зоонимику (исследование кличек животных), топонимику (исследование географических названий) и многие другие разделы, представляющие собой исследование имён собственных от небесных тел и элементов космического пространства вплоть до наименований социальных групп. Как интересны окружающие нас онимы (имена собственные) реального мира, так интересны и онимы, фигурирующие в художественных текстах.

Дмитрий Александрович Емец – российский писатель-фантаст, знаменитый такими художественными циклами для подростков, как «Таня Гроттер», «Мefодий Буслаев» и «Школа Нырлящиков». Произведения Д. А. Емца являются уникальными в своём роде, поскольку сочетают в себе увлекательный сюжет, ярких персонажей, специфический юмор, зачастую являющийся следствием языковой игры, и общую воспитательную направленность, сочетающуюся с религиозно-философскими мотивами, базирующимися на идее христианства. К. С. Чугунова среди особенностей индивидуального стиля автора выделяет афористичность и интертекстуальность [9; с. 6]. Афористичность Д. А. Емца понимается как характерное для «хулиганского фэнтези» (так жанр цикла «Мefодий Буслаев» определяет сам автор) слово- и фразотворчество. Так, например, известный фразеологизм «одного поля ягоды» трансформируется в выражение «одного гроба черви» [7; с. 26]. В свою очередь интертекстуальность как характерная черта идиостиля автора представляет собой активное использование в художественном тексте отсылок на различного рода известные тексты в во всех видах межтекстовых взаимоотношений. Хорошим примером интертекстуальности послужит наименование первой крупной серии Д. А. Емца, являющиеся одновременно и отсылкой на знаменитую серию Дж. Роулинг «Гарри Поттер», и задумывающейся как пародия на неё. Среди особен-

ностей идиостиля данного автора можно также выделить аксиологический характер образов персонажей, поскольку в них заложены определённого рода нравственные идеи, через которые реализуется воспитательный потенциал художественного цикла [1; с. 369]. Часто о характере персонажа произведения данного автора можно догадаться по его имени. Все вышеупомянутые особенности идиостиля автора влияют на формирование, употребление и трансформацию имён собственных в художественном цикле «Мефодий Буслаев».

Имена собственные в цикле Д. А. Емца «Мефодий Буслаев» можно разделить на несколько групп: антропонимы (имена персонажей), зоонимы (клички персонажей-животных), топонимы (наименования географических объектов), а также особые онимы, служащие для наименования так называемых артефактов.

В романах Д. А. Емца имена практически всех персонажей привлекают внимание. Исследования антропонимов в обозреваемом цикле логично начать с анализа имени главного героя. Мефодий Буслаев – подросток, наделённый особой силой, носитель тёмного дара, которому пророчат судьбу наследника мрака. Вопреки предсказаниям, герой избирает для себя иной путь и через множество испытаний приходит к свету. Имя Мефодий греческого происхождения и в переводе означает «методичный», «упорядоченный». Данные эпитеты вполне соответствуют характеру персонажа, поскольку его путь от Мрака к Свету отличается последовательностью и упорством. Для удобства имя трансформируется в краткий вариант – Меф. Также из первой книги серии «Маг Полуночи» мы узнаём, что мать назвала так сына назло его отцу, из чего можно сделать вывод, что имя, данное герою якобы случайно, подходит ему больше, чем «правильный» вариант [5; с. 78]. Особое значение имеет и фамилия Мефодия, которая является очевидной отсылкой на героя новгородского былинного эпоса, а именно – на богатыря Василия Буслаева. Намекает на происхождение героя один из персонажей: «Странная у тебя фамилия для повелителя мрака. Буслаев! Подозрительная она какая-то в наше сложное время. То есть я понимаю, конечно, Васька Буслаев, новгородский богатырь...» [5; с. 43]. Мефодий от своего предка не отстаёт, демонстрируя силу духа, крепость тела и морально-нравственную устойчивость.

Однако сначала Мефодий всё-таки идёт по пути мрака. В первой книге он становится учеником стража-мечника по имени Арей. Бывший «светлый», покинувший Эдем ради, как он думал, свободы, сталкивается с предательством, кровавыми схватками, утратой любимых. Арей становится «тёмным», но принципиально отличается от остальных представителей мрака, сохраняя некоторое благородство. Арей – один из вариантов имени сына Зевса и Геры, Ареса. Персонаж Д. А. Емца перенимает у древнегреческого бога войны не только имя, но и в некотором роде судьбу. Об этом мы узнаём из спора самого Арея с другим тёмным стражем, который указывает на боевое мастерство героя, подчёркивая, что никто из противников мечника не мог «полторы тысячи лет быть богом войны, участвуя во всех сражениях и битвах, и приобрести тот же опыт...» [5; с. 105]. Как и положено богу войны, Арей суров, силен и немногословен. У него, как и у всякого благородного воина, есть кодекс чести, которому он следует. В схватке с бывшим учеником, уже идущим по пути света, он пробивает щит противника, указывая на несовершенство его боевых навыков, но позволяет убить себя, оставляя Мефодия в живых, чтобы спасти близких. В финале своей истории, уже после смерти, герой получает прощение света и воссоединяется со своей семьёй, о чём сообщает Мефодию, являясь ему в виде призрака.

Ещё одним значимым персонажем серии выступает страж-хранитель Мефодия, а именно Дафна, страж под номером 13066. Само имя, как и у предыдущих героев, имеет греческое происхождение. Дафной в мифологии была названа наяда, нимфа, женский дух, связанный с водой. Такое имя вполне соответствует характеру персонажа: она изменчива, как и водная стихия, Дафна может быть спокойна, а может ярко проявлять свой характер, волноваться, переживать. Для удобства имя героини трансформируется в краткий вариант – Даф. Порядковый номер тоже имеет особое значение, о нём вспоминают на протяжении всего цикла, а саму Дафну даже называют не иначе как «Страж света номер нолик в середине» [6; с. 9]. Ус-

ловно номер можно разделить на две части. Как известно, тринадцать – число несчастливое, что указывает на нестандартность героини, её некоторую неудачливость, неловкость. Вторая часть номера также является символичной, поскольку представляет собой неполное «число зверя», что указывает на «тёмную» сторону личности Дафны, благодаря которой она и становится избранной, стражем-хранителем будущего (и несостоявшегося) наследника мрака. Реконструкция образа такого персонажа, как Дафна, показала, что данному художественному образу свойственна амбивалентность – сочетание характеристик, присущих стражу света, и человеческих качеств, наличие которых для стража света сомнительно [1; с. 373]. Кроме того, адаптируясь к «лопухоидному» (т. е. человеческому) миру Дафна получает более подходящее имя и становится Пименовой Дарьей Афанасьевной. В переводе с древнеперсидского имя Дарья означает «добрая», «отважная», «сильная», поэтому назвать выбор имени для героини случайным трудно. Фамилия является производным от имени Пимен, которое в переводе с древнегреческого означает «пастух», что тоже символично, ведь Дафна, будучи стражем-хранителем Мефодия, ведёт его по пути света. Отчество является производным от имени древнегреческого происхождения Афанасий, которое в переводе означает «бессмертный», что указывает на бессмертие Дафны как светлого стража. Несмотря на благозвучность человеческого имени и его полное соответствие сущности героини, сама она хотела выбрать другую фамилию, о чём и сообщила помощнице мечника: «Я хочу быть Патрокловой!» [5; с. 333]. Эта фамилия является производной от имени древнегреческого воина Патрокла, сына Менетия и Сфенелы, соратника Ахилла, что также неслучайно, поскольку Дафна весьма воинственна. Для Мефодия она становится не только стражем-хранителем, но и боевой подружкой и любимой женщиной.

Интересны и представленные в тексте цикла зоонимы. Несмотря на то, что животных на страницах романов данной серии встречается не так уж и много, некоторых из них можно назвать полноценными персонажами. Одним из таких будет питомец-компаньон Дафны, кот по говорящей кличке Депресняк, которую героиня придумала сама. Он, как и его хозяйка, совмещает в себе свет и тьму. Происхождению и внешнему виду Депресняка уделяется особое внимание: «Котик Депресняк выглядел как ходячая укоризна. Его мама была аккуратной и милой эдемской кошечкой, а папаша – сбежавшим из мрака кошаком-монстром, с кожными крыльями, хвостом с зазубриной, красными глазами без век, когтями и клыками, с которых капал яд», «Он был голый, без единой шерстинки, красноглазый, со складчатой кожей и перепончатыми крыльями, на которых просматривались все артерии и вены» [5; с. 120]. Описание внешности и характера Депресняка необычно даже для произведения в жанре фэнтези, учитывая, что отрицательным персонажем кот не является. Шрамы, острые зубы в три ряда, разодранное левое ухо, мурчание, напоминающее металлический скрежет, вкусовые предпочтения в виде серной кислоты – это не те детали, которые могут вызвать симпатию, но Депресняк, как и любой яркий персонаж, привлекает читателя своей харизмой. Автор подчёркивает боевой характер и бесстрашие кота, его ум и сообразительность, а также преданность Дафне. Что касается имени, то оно связано не только с внешним видом кота, но и с его способностью к так называемому биовампиризму. На протяжении цикла не раз упоминается, что одним лишь прикосновением кот способен вызвать у человека и даже стража всплеск негативных эмоций и депрессивные мысли. Таким образом, кличка кота полностью соответствует его сущности.

Следующим персонажем-животным, достойным внимания, является пёс дочери Арея, Варвары, по кличке Добряк. Он описывается как «громадный худой пес угольного цвета» со следом ножевого ранения на голове, заросшего седой шерстью [3; с. 63]. Будучи помесью крупных собачьих пород, поражает своими размерами, что подчёркивается несколько раз. Описание дополняется сравнением с бойцовыми собаками и волками из-за величины клыков [3; с. 64]. Добряк – серьёзный пёс, друг и защитник Варвары. Добряком пёс был далеко не для всех, а лишь для самой девушки, которая подарила ему кличку. К врагам Добряк беспо-

щаден, а к друзьям хозяйки снисходителен. Все жизненные трудности пёс переживает с Варварой, которая заботится о нём. В семнадцатой книге под названием «Ладья света» Варвара, желая помешать фальсификации истории и вернуть Дню Победы прежнюю дату, отправляется в прошлое, воспользовавшись крыльями Корнелия, светлого стража, как артефактом для перемещения во времени, чем лишает крылья и, соответственно, стража силы. Она знает, что не вернётся, так как погибнет, исполняя долг, и перед тем, как исчезнуть в своём времени, девушка оставляет Добряка связному и просит заботиться о нём. Корнелий и Добряк делят утрату Варвары пополам, и так пёс переходит новому хозяину.

Среди топонимов, встречающихся в тексте цикла «Мефодий Буслаев», мы находим как реальные географические объекты, так и заимствованные из мифологии и выдуманные самим автором. В первую очередь стоит отметить, что первоначально действия разворачиваются в Москве, столице России. Автор сообщает о пространственных аномалиях, связанных с существованием потустороннего мира, устами одного из персонажей: «Видишь ли, когда в игру вступает пятое измерение, картина мира резко меняется. Далекое нередко приближается, а ближнее отодвигается» [5; с. 72]. Резиденция русского отдела мрака расположилась в доме под номером 13 на Большой Дмитровке. Так выбор не является случайным. Мы узнаём об истории дома с табличкой «Большая Дмитровка, 13»: о том, что изначально на его месте располагалась церковь Воскресения, о том, как после пожара 1812 на месте церкви священник построил жилой дом, как после разместили в доме меблированные комнаты «Версаль», оптическую мастерскую и магазин, о том, как в советское время дом стал гостиницей, а затем архивом Мосводоканала и, наконец, ко времени действия первого романа стал заброшен [5; с. 92-94]. «Дмитровка» представлена в цикле как многожды осквернённая земля и потому более всего подходящая для того, чтобы на ней комфортно и уверенно чувствовали себя представители «тёмных» сил. На протяжении всего цикла «Дмитровка» не теряет своего значения, оставаясь резиденцией русского отдела мрака.

Следующим географическим объектом, наделённым особым значением, является Лысая Гора. Как и дом номер 13 на Большой Дмитровке, она существует в действительности. Однако в цикле Д. А. Емца подразумевается не памятник природы в Воронежской области, а мистическое место из восточнославянского фольклора. Лысой горой в фольклорной культуре называется место шабаша нечистой силы. Упоминания о Лысой горе встречаются и у Н. В. Гоголя, и у М. А. Булгакова, и у Д. А. Емца в том числе, однако описание в цикле «Мефодий Буслаев» весьма нестандартное. В четвёртой книге серии «Билет на Лысую Гору» описывается своего рода город с собственной инфраструктурой, населённый всевозможной нечистью, магами и даже стражами. Для людей такого места не существует: «Для лопухоида тут непроходимые болота» [2; с. 244]. Лысегорцы – это русалки, заманивающие путников, ожившие мертвецы, вурдалаки и вампиры, шестирукие монстры и великаны, оборотни, ведьмы, людоеды и прочие существа, далёкие от человеческого мира. На улицах Лысой Горы расположились различного рода заведения с соответствующими антуражу населённого пункта названиями, например: игорное заведение «Искрос-страйк», корчма «Зов крови», гостиница «Незванный гость», «Вампирня «Прокушенная артерия» и другие [2; с. 295, с. 298, с. 299, 4; с. 131]. Виселицы с болтающимися на верёвках скелетами сочетаются с огромным количеством рекламы на стенах зданий. По характеру объявлений можно догадаться о том, как «живёт» Лысая Гора: «Вся еда бесплатно! Постарайся не оказаться каждым десятым, брат!» [2; с. 298]. Находиться здесь опасно и нужно быть крайне осторожным, чтобы не оказаться обманутым, ограбленным или убитым. Благо Лысой Горы для главных героев заключается в том, что здесь можно скрыться от преследования и разузнать необходимую информацию. Снова герои оказываются на Лысой Горе в седьмой книге серии «Лёд и пламя Тартара», в очередной раз спасаясь от преследования.

В особую группу, как уже было сказано, входят наименования артефактов, фигурирующих в цикле «Мефодий Буслаев». Основными артефактами являются крылья стражей света и дархи стражей мрака, однако имён собственных для них не существует. Среди арте-

фактов, названных именем собственным, можно выделить меч Древнира, Мраморный рог Минотавра, Мистический Скелет Воблы и некоторые другие [5; с. 18, с. 256, 8; с. 73]. По названию уникального в своём роде меча, перешедшего Мефодию, можно догадаться, что некогда он принадлежал Древниру, стражу света, и потому принял от него своё имя. Меч Древнира – артефакт, имеющий длинную историю перевоплощений в результате перехода от света к мраку и приобретший новые качества. Данный артефакт обладает собственной волей и стремится подавить волю своего хозяина, поэтому его использование требует не только физической силы, но и духовной. Следующий артефакт связан с именем чудовища древнегреческой мифологии и предположительно является одним из рогов Минотавра. Магическое действие артефакта заключается в том, что прикоснувшийся к нему превращается в лёд на полгода. Именно Мраморным рогом Минотавра воспользовалась Дафны для того, чтобы сбежать из Эдема. В свою очередь, Мистический Скелет Воблы можно назвать артефактом с одним из самых странных названий. В книге «Тайная магия Депресняка» его относят к категории «первопредмета», которые появляются в магическом мире самостоятельно, а не создаются, и называют артефактом-пересмешником, действие которого заключается в кратковременных галлюцинациях, уточняется, что использование Мистического Скелета Воблы также может вызывать «неостановимые снегопады» [8; с. 74]. Иронично, что артефакт был украден котом, который, вероятно, перепутал столь важную вещь с обычным рыбьим скелетом. Разумеется, к концу книги артефакт был благополучно возвращён, а побочный эффект в виде снегопада остановлен.

Таким образом, среди имён собственных в цикле Д. А. Емца «Мефодий Буслаев» можно выявить в действительности существующие онимы и их авторские варианты, а также онимы, придуманные автором в соответствии с индивидуальным стилем писателя. Имена собственные в рассмотренных романах не случайны и указывают на конкретные характеристики героев, предметов, географических объектов и их роль в произведении.

Библиографический список

1. Арязмова О. В., Долгова В. В. Реконструкция языковой личности литературного персонажа: аксиологические характеристики образа Дафны (на материале цикла Д.А. Емца «Мефодий Буслаев») // Аксиология и когнитивная лингвистика. Материалы III Международной научной конференции "Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности", 14-15 ноября 2024 года / отв. ред. М. С. Милованова. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2024. С. 368-374.
2. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Билет на Лысую Гору: повесть. М.: Издательство Эксмо: Редакция О. Рубис, 2006. 416 с.
3. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Карта Хаоса: повесть. М.: Издательство Эксмо: Редакция О. Рубис, 2008. 416 с.
4. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Лед и пламя Тартара: повесть. М.: Издательство Эксмо: Редакция О. Рубис, 2007. 416 с.
5. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Маг Полуночи: повесть. М.: Издательство Эксмо: Редакция О. Рубис, 2006. 416 с.
6. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Ожерелье дриады: повесть. М.: Издательство Эксмо: Редакция Т. Кузнецовой, 2009. 384 с.
7. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Свиток желаний: повесть. М.: Издательство Эксмо: Редакция О. Рубис, 2005. 416 с.
8. Емец Д. А. Мефодий Буслаев. Тайная магия Депресняка: повесть. М.: Издательство Эксмо: Редакция О. Рубис, 2006. 416 с.
9. Чугунова К. С. Языковые особенности идиостиля в художественной прозе Дмитрия Емца: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: утв. 17.01.18. В., 2017. 268 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Долгова Виктория Владимировна,
студентка гуманитарного факультета
Воронежского государственного
педагогического университета
e-mail: delgado911@yandex.ru

Dolgova Viktoria Vladimirovna,
a student of the Faculty of Humanities,
Voronezh State Pedagogical University

e-mail: delgado911@yandex.ru

УДК 801.3=82(045/046):26

Н.Б. Бугакова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
E-mail: ya_witch@mail.ru*

Н.Н. Устинова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
E-mail: xelina@list.ru*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ БИБЛИОНИМОВ ПИСАТЕЛЯ-НАТУРАЛИСТА Г.А. СКРЕБИЦКОГО

Аннотируемая статья посвящена исследованию структурно-семантических особенностей библионимов писателя-натуралиста Г.А. Скребницкого. Рассматривается специфика названия книг и рассказов Г.А. Скребницкого, определяющая ключевое направление развития его творческой деятельности. Анализируются композиционные приемы и выразительные средства, используемые писателем для обозначения собственных произведений, акцентируя внимание на природных объектах и животных, занимающих важное место в сюжетах его литературы. Исследование основывается на междисциплинарном подходе, сочетающем методы лингвистического анализа и теории номинации. Подчеркивается роль структуры и значения библионимов как важнейшего компонента в понимании общей концепции природоведческой прозы Г.А. Скребницкого. Описываются пути выражения автором своего отношения к природе посредством особых способов называния своих произведений. Кроме того, рассматривается взаимодействие формы и содержания библионимов, демонстрируя связь между названием и идейно-тематическим содержанием произведений писателя. Исследуется вклад структурно-семантических характеристик библионимов в формирование читательского восприятия и интерпретации художественных образов природы в литературе натуралистического направления. Они заключаются в их простоте, ясности, тематической направленности и способности вызывать интерес у читателя. Отмечается, что писатель использует разнообразные типы названий, чтобы отразить суть произведения, создать яркий образ и привлечь внимание к миру природы и животных. Это легко объяснить, зная цель автора: простота и доступность названий делают его произведения привлекательными для детской аудитории, помогая им познавать окружающий мир.

Ключевые слова: библионимы, писатель-натуралист, структура наименования, семантика, Г.А. Скребницкий, литература о природе, номинация, природные объекты, животные.

N.B. Bugakova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
E-mail: ya_witch@mail.ru*

N.N. Ustinova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
E-mail: xelina@list.ru*

STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF BIBLIONYMS OF THE NATURALIST WRITER G.A. SKREBITSKY

The annotated article is devoted to the study of structural and semantic features of biblionyms of the naturalist writer G.A. Skrebitsky. The article examines the specifics of the titles of books and stories by G.A. Skrebitsky, which determine the key direction of the development of his creative activity. The compositional techniques and expressive

means used by the writer to designate his own works are analyzed, focusing on natural objects and animals that occupy an important place in the plots of his literature. The study is based on an interdisciplinary approach that combines the methods of linguistic analysis and nomination theory. The role of the structure and meaning of biblionyms as the most important component in understanding the general concept of natural history prose by G.A. Skrebitsky is emphasized. The ways in which the author expresses his attitude to nature through special ways of naming his works are described. In addition, the interaction of the form and content of biblionyms is considered, demonstrating the connection between the title and the ideological and thematic content of the writer's works. The contribution of the structural and semantic characteristics of biblionyms to the formation of the reader's perception and interpretation of artistic images of nature in naturalistic literature is studied. They consist in their simplicity, clarity, thematic focus and the ability to arouse interest in the reader. It is noted that the writer uses various types of titles to reflect the essence of the work, create a vivid image and draw attention to the world of nature and animals. This can be easily explained, knowing the author's goal: the simplicity and accessibility of the titles make his works attractive to children, helping them to learn about the world around them.

Key words: biblionyms, naturalist writer, name structure, semantics, G.A. Skrebitsky, literature about nature, nomination, natural objects, animals.

Георгий Алексеевич Скребницкий – известный советский писатель-натуралист, автор книг о природе, животных и жизни деревни. Родился в 1903 году, в Москве, воспитывался приёмными родителями. Его детство прошло в городке Чернь Тульской губернии. Приёмный отец (земской врач) привил любовь к рыбалке, охоте и природе. Бережному отношению к природе и животным будущий писатель научился в детстве. Он очень любил читать книги о природе и изучать её, что определило впоследствии его профессию. Г.А. Скребницкий получил разностороннее образование: литературный факультет Института живого слова (писательское мастерство), высший зоотехнический институт (охотничье и звероводческое дело). Работал в исследовательском институте по звероводству и охоте, являлся научным сотрудником в лаборатории при МГУ (занимался изучением психологии животных), принимал участие в экспедициях по изучению жизни животных в естественной среде. В 1937 году ему было присвоено звание кандидата биологических наук; позднее Г.А. Скребницкий руководил кафедрой физиологии животных в МГУ, являлся автором научных трудов по зоологии и зоопсихологии.

Очевидно, события жизни влияют на Г.А. Скребницкого, который начинает проявлять интерес к литературной деятельности. Этому способствовало желание запечатлеть охотничьи приключения и детские воспоминания о природе (первое известное произведение – «Ушан»). Его книги издавались в разных странах. Он являлся создателем сценариев к диафильмам и мультфильмам «Кто как зимует», «Кто как лето проводит», «Про белочку-хлопотунью», «Медвежонок». Итогом поездки в Западную Белоруссию явилось написание книги «Беловежская пуща».

Г.А. Скребницкий, помогая читателям узнать об интересной жизни животных, стремился передать мысль о гармонии и целесообразности всего сущего в природе. Он был убеждён в преобразующей силе природы как самого важного фактора пробуждения нравственного чувства человека. Произведения Г.А. Скребницкого написаны с огромной душевной теплотой, они необычайно поэтичные и добрые. Среди характерных черт его творчества обозначим следующие: тяготение к описанию живописных картин русской природы; образный язык; поэтичность, ласковый юмор, душевная теплота; чрезвычайное внимание к повадкам животных; гуманность и человечность; любовь к природе и животным, бережное отношение к окружающему миру.

Детство, проведенное на природе, объясняет частое использование названий, связанных с лесом, животными и временами года. Его ранний опыт непосредственного общения с природой стал фундаментом для его творчества и определил круг тем, которые он раскрывал в своих произведениях. Названия служили своего рода «ярлыками», отсылающими к этим конкретным воспоминаниям и наблюдениям. Это помогает лучше понять его творчество и его подход к выбору названий для произведений с точки зрения структурно-семантических особенностей. Увлечение охотой и рыбалкой подтверждает реалистичность и точность его

описаний природы и животных. Его знания и опыт, полученные на охоте и рыбалке, отражаются в названиях, которые кажутся простыми, но отражают суть явления (зоонимы «За лисой», «На тетеревей» и т.д.). Научная деятельность (зоология, зоопсихология) обусловила его аналитический подход к изучению природы и животных. Полученное научное образование позволило ему видеть закономерности и взаимосвязи в природе, что нашло отражение в названиях, которые отражают суть поведения животных («Хитрая птица», «Смышлёный зверёк» и др.). Любовью автора к природе можно объяснить эмоциональную окраску многих библионимов, которые призваны не только информировать, но и вызывать у читателя чувства симпатии, умиления и восхищения («Пушок», «Лесной голосок»).

Сотрудничество с Верой Чаплиной и работа для журнала «Мурзилка» подтверждают ориентацию на детскую аудиторию и стремление к простоте и доступности языка. Этот опыт оказал влияние на стиль письма автора и выбор названий, которые должны были быть понятными и привлекательными для детей. Цель своего творчества он видел в желании пробудить в юных читателях интерес к природе и научить их бережно относиться к ней. Это напрямую связано с выбором названий, которые должны вызывать любопытство и желание узнать больше о мире природы. Он понимал, что название произведения способно привлечь внимание читателя и передать ему любовь к природе. Об этом говорит основатель Воронежской ономастической школы, в рамках которой выполнено предлагаемое исследование, – Г.Ф. Ковалев. Ученый, следуя теории С.Д. Кржижановского, считает, что заглавие произведения и последующая его интерпретация способны повлиять на восприятие и понимание произведения читателем [1, с. 6]. Отметим, что особое внимание Г.А. Скребицкий уделял глубоким, мудрым и поучительным сюжетам, названия которых часто намекают на мораль или урок, который читатель извлечет из произведения.

Биографический контекст обогащает понимание структурно-семантического своеобразия названий произведений Г.А. Скребицкого. Библионимы, используемые писателем, неслучайны: они являются результатом его глубокой связи с природой, научного образования, педагогического опыта и стремления пробудить в юных читателях любовь и интерес к окружающему миру. Названия служат своего рода «ключами», открывающими дверь в мир природы, увиденный глазами внимательного наблюдателя и талантливого писателя. Его произведения были адресованы детям и юношеству, воспитывая бережное отношение к окружающей среде и любовь к животным [2, с. 411]. Особенностью творчества является ясность изложения и лёгкость восприятия материала. Кроме того, писатель активно участвовал в популяризации науки среди детей и подростков, способствуя формированию экологического сознания и понимания важности сохранения природных богатств нашей страны. Названия его рассказов и повестей позволяют сразу уловить тематику и эмоциональный настрой каждой истории.

Обращаясь к рассмотрению библионимов произведений Г.А. Скребицкого, отметим, что сборники его текстов имеют достаточно характерные названия, выбор которых обусловлен тематикой включенных в издание произведений. Так, например, сборники «Простофили и хитрецы», «Рассказы охотника», «Про наших птиц», «В лесу и на речке», «Лесное эхо», «С ружьем и без ружья», «Товарищи по охоте», «Лесной прадедушка», «Листопадник», «Прирученные и дикари», «За лесной завесой», «Охотничьи тропы», «На новом море», «В шапке-невидимке», «Весёлые ручьи» включают рассказы о природе и животных. Посвящены заповедникам и охране природы издания с названиями «На заповедных островах», «Беловежская пуша», «В Беловежской пуше», «В Беловежской пуше», «В Беловежской пуше», «Наши заповедники», «Под зоркой охраной». Книги о временах года и изменениях в природе имеют следующие заглавия: «На пороге весны», «Что когда бывает», «От первых проталин до первой грозы», «У птенцов подрастают крылья», «Четыре художника».

С точки зрения структурно-семантических особенностей заглавий сборников произведений Г.А. Скребицкого отметим, что преобладают в творческой лаборатории писателя дву-

частные заглавия, представляющие собой словосочетания, образованные по типу связи *согласование* («Неведомые тропы», «Лесное эхо», «Лесной голосок», «Лесные переселенцы», «На новом море»). Рассматриваемые заглавия, как правило, подчеркивают идеи путешествия, исследования чего-то нового и неизведанного в природе, вызывают любопытство; сообщают информацию о месте, где происходит действие; затрагивают темы экологии, изменения среды обитания; рассказывают об условиях, к которым приходится приспосабливаться в результате формирования новой экосистемы.

В ходе анализа выявлены заглавия, представляющие собой словосочетания, организованные по типу связи *управление* («Хор охотников»). Отметим метафоричность такого заглавия: лексема «хор» предполагает согласованное действие, возможно, слаженную работу охотников. Отметим неоднозначность рассматриваемого заглавия: охота обычно воспринимается как деятельность, враждебная природе, но название может подразумевать и уважительное отношение к ней, поскольку охотники занимаются изучением природы.

Примечательны одночастные заглавия («Пушок», «Джек»), представляющие собой зоонимы, используемые в том числе в диминутивной форме. Такие заглавия свидетельствуют о включении в сборник, например, рассказа о маленьком, пушистом животном (часто котенок или щенок); заглавие отражает нежное отношение к описываемому в произведении животному, а также акцентирует внимание на темах, связанных с животными и их взаимоотношениях с человеком. Это усиливает впечатление о Г.А. Скребицком как о писателе-натуралисте, фокусирующемся на мире животных.

Анализ библионимов Г.А. Скребицкого позволяет выделить следующие типы заглавий с точки зрения структуры:

1. одночастные заглавия, в качестве которых используются нарицательные существительные, представляющие собой зоо- или орнитолексему (в том числе в диминутивной форме). К таким отнесем, например, библионимы «Скворушка» [6, с. 41], «Галка» [6, с. 73], «Грач» [6, с. 71], «Медвежонок» [3, с. 18], «Аистята» [4, с. 13], «Лебеди» [4, с. 31], «Воронуша» [3, с. 55], «Жаворонок» [6, с. 75].

2. одночастные заглавия, в качестве которых используются зоонимы, подчеркивающие особое отношение писателя к животным. К таким отнесем, например, библионимы «Пушок» [5], «Джек» [7], «Кот Иваныч» [4, с. 67], «Чир Чирыч» [4, с. 43].

3. двучастные заглавия, среди которых выделим библионимы, образованные по типу связи *согласование* («Лесной голосок» [4], «Лесное эхо» [4], «Весенняя песня» [8], «Хитрая птица» [6, с. 77], «Колочая семейка» [6, с. 34], «Белая шубка» [4, с. 73], «Смышлёные птицы» [4, с. 9], «Редкий снимок» [5, с. 73], «Голубой дворец», «Лесной разбойник» [3, с. 73], «Страшная охота» [3], «Речной волк» [4], «Белый кораблик» [5], «Крылатый охотник» [5]), библионимы, образованные по типу связи *управление* («Домик в лесу» [3], «Любитель песни» [8]), библионимы, образованные с использованием приложений («Весна-художник» [6], «Белочка-хлопотунья» [4]).

4. предложения («Как белочка зимует» [6], «Чему научила сказка» [6]).

Анализ семантики рассмотренных библионимов позволяет выделить следующие группы заглавий:

Анализ библионимов Г.А. Скребицкого с точки зрения семантики показывает глубокую внутреннюю связь между названием произведения и его содержательной частью. Рассмотрим основные группы значений библионимов писателя-натуралиста.

1. названия, описывающие природу и окружающий мир. Г.А. Скребицкий часто называет свои произведения именами животных («Белый хвостик» [4], «Медвежья семья» [4]), растений («Цветут деревья» [6]) или явлений природы («Зима в лесу» [6]). Эти названия создают ассоциативный ряд, погружая читателей в атмосферу тесного контакта с природой, вызывая эмоции сопереживания и понимания жизни животных и растительного мира.

2. названия, содержащие антропоморфный компонент. Некоторые библионимы передают человеческие качества животным, наделяя их чертами характера, присущими людям

(«Хитрый ежик» [4], «Весёлый воробей» [4]). Такие названия позволяют увидеть животное глазами ребенка, открывающего мир впервые, способствуя развитию эмоционального отклика у юных читателей.

3. названия, передающие эмоции. Многие библионимы вызывают определённые чувства у читателя: тревогу («Потерялась собака» [7]), радость («Маленький друг» [7]), грусть («Улетели птицы» [3]). Через подобные названия автор подчёркивает важность эмоций и переживаний, связанных с миром живой природы.

4. названия, указывающие на место действия. Обозначают место, где происходит основное действие произведения («Лесное эхо» [3], «На озере» [6], «Домик в лесу» [3], «На разливе» [6]).

5. названия, выражающие отношение к герою. Такие библионимы отражают отношение автора или других персонажей к главному герою («Сиротка» [6], «Друг сердечный» [6], «Любитель песни» [8]).

Завершая исследование, отметим некоторые индивидуально-авторские особенности формирования библионимов в творческой лаборатории Г.А. Скребицкого. Писатель предпочитает простые, понятные названия, которые сразу же ориентируют читателя на мир природы; часто использует в качестве библионимов словосочетания, образованные по типу связи *согласование*, в состав которых входят прилагательные, уточняющие и конкретизирующие предмет или явление («Лесной голосок», «Лесное эхо»); прибегает к метафоризации и употреблению образных выражений, чтобы создать определенное настроение и передать основную идею книги. Большинство библионимов связано с миром природы, животными, временами года и событиями, происходящими в лесу или сельской местности. Многие названия имеют эмоциональную окраску, вызывают симпатию, умиление, сочувствие или любопытство, а также создают яркие зрительные образы в воображении читателя. Библионимы Г.А. Скребицкого отличаются простотой, ясностью, тематической направленностью и способностью вызывать интерес у читателя. Отметим наличие назидательной компоненты, направленной на воспитание любви к природе и уважительного отношения к животному миру. Таким образом, названия произведений Г.А. Скребицкого играют важную роль в формировании интереса к содержанию книг и помогают привлечь внимание детской аудитории, стимулируя развитие чувства ответственности за природу и окружающую среду.

Библиографический список

1. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика; Воронежский государственный университет, Кафедра славянской филологии. Воронеж: Научная книга, 2014. 447 с.
2. Кузнецова Н.И., Мещерякова М.И. Скребицкий Георгий Алексеевич // Русские детские писатели XX века: Библиографический словарь. М.: Флинта; Наука, 1997. С. 410-413.
3. Скребицкий Г.А. Лесное эхо. М.: «Стрекоза», 2022. 157 с.
4. Скребицкий Г.А. Лесной голосок. Рассказы. М.: АСТ, 2023. 141 с.
5. Скребицкий Г.А. Пушок. М.: «Стрекоза», 2024. 64 с.
6. Скребицкий Г.А. Рассказы о природе. М.: РОСМЭН, 2022. 128 с.
7. Скребицкий Г.А. Джек. М.: «Амфора», 2010. 96 с.
8. Скребицкий Г.А. Весенняя песня. М.: «Малыш», 1964. 66 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бугакова Надежда Борисовна,
доктор филологических наук, доцент;
профессор кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного
технического университета;
SPIN-код: [1080-8136](#);
e-mail: ya_witch@mail.ru

Bugakova Nadezhda Borisovna,
Doctor of Philology, Associate Professor;
Professor of the Department of Russian
Language and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University;
SPIN-code: [1080-8136](#);
e-mail: ya_witch@mail.ru

Устинова Наталья Николаевна,
старший преподаватель кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации,
Воронежский государственный технический
университет,
SPIN-код: 2585-5104,
e-mail: xelina@list.ru

Ustinova Natalia Nikolaevna,
Senior Lecturer Department of Russian
Language and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 2585-5104,
e-mail: xelina@list.ru

УДК 398.223

О.И. Чарина
*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(Якутск, Российская Федерация)
e-mail: ochar@list.ru*

ОБРАЗ ГЕРОЯ В БЫЛИНЕ О МИШЕНЬКЕ ДАНИЛОВИЧЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЯКУТИИ

В статье рассматриваются особенности именованя былинного образа в двух селах на реках Колыма и Индигирка. Имеются записи вариантов былины с конца XIX в. по 80-е гг. XX в. На примере образа богатыря Михайлы Даниловича прослеживается местная специфика, связанная с личным отношением исполнителя к своему герою.

Ключевые слова: русский фольклор, фольклорный текст, былины, образ, ономастика, уменьшительно-ласкательные суффиксы.

O.I. Charina
*Institute of Humanitarian Studies
and Problems of the Small Peoples of the North SB RAS
(Yakutsk, Russian Federation)
e-mail: ochar@list.ru*

THE IMAGE OF THE HERO IN THE EPIC ABOUT MISHENKA DANILOVICH IN THE NORTHEAST OF YAKUTIA

The article examines the peculiarities of naming the epic image in two villages on the Kolyma and Indigirka rivers. There are records of epic variants from the end of the 19th century to the 80s of the 20th century. Using the example of the image of the hero Mikhail Danilovich, the local specifics associated with the personal attitude of the performer to his hero are traced.

Keywords: Russian folklore, folklore text, epics, image, onomastics, diminutive suffixes.

Как известно, имена собственные являются одними из единиц, участвующих в построении основных категорий художественного текста. Как часть ономастики – именование героя придает особый смысл фольклорному тексту, в нашем случае важно, что герой былины молодой человек, подросток, даже – ребенок. Отсюда нам важна лексико-семантическая окраска образа.

С.П. Праведников пишет по поводу имен собственных: «Особенного внимания заслуживают имена собственные в сказочных произведениях» [6; с. 33]. В нашем случае речь идет о былинных героях.

Текст былины «Данила Иванович и его сын Михайло» был усвоен из литературного источника, приведем пример исходного текста «Иерусалимской истории»:

У нас было в Иерусалиме граде
При царе Давиде при Евсеевиче,
При сынке Соломоне Давыдовиче,
При старце Захарии сударь-праведный,
<...> идет
Малой Кит Фарафонтьевич [2; с. 3].

Близкие к письменному тексту варианты былины встречаются в Архангельской губернии. Ученые, разбирая произведение, приходят к выводу, что духовный стих создавался на основе Иерусалимской истории. Та, «Малой Кит» – это намек на Кит и Малой Кит – это 2 восточные оконечности о. Междушарский архипелага Новая Земля, хорошо известного поморам» [там же; с. 2]. Также С.В. Алпатов пишет: «Тит или Кит Фарафонтьевич – далекое влияние Тита «Левиана» – библейское влияние» [там же; с. 2].

Например, такой текст встречается в Архангельской губернии:

Ай во стольном во городе во Киеве,

Ай у ласкова бы князя у Владимира [4; с. 239].

В архангельских вариантах былины Михайло мужает в боях и возвращается с победой домой.

Кроме того, С.В. Алпатов указывает на то, что «наиболее характерные соответствия “Иерусалимская история” находит в корпусе былинных текстов русских старожилов Индигирки, Колымы и Анадыря» [1; с. 120]. Как отмечает Ю.И. Смирнов, варианты былины о подвигах Михайлушки Даниловича, записанных на Индигирке – «эта версия еще свободна от влияния других былин о вражеском нашествии <...>. Примечательно, что в индигирских вариантах нет и следа киевизации, в пору правления царя Тимофея» [7; с. 387]. Ю.А. Новиков вслед за ним пишет, что «за исключением былин из Русского Устья, завершающихся смертью и мезтью его отца врагам, все тексты принадлежат к одной версии» [5; с. 675].

Приводится текст былины, который фиксировался в Архангельской области, там Данила Игнатъевич хвалится сыном Михайло Даниловичем [там же; с. 675-676]. Однако, в другом варианте, также зафиксированном в Архангельской губернии, «Михайло» превращается в «Михайлушко» [4; с. 239-254].

На Колыме Д.И. Меликов записал текст былины «Тит Харафонъевич» в 1895 г. [9; с. 428-431]. В.Г. Богораз зафиксировал в 1897 г. и опубликовал былину о Мишеньке Данильевиче [3; с. 186-191]. На Индигирке записано несколько вариантов былины. Эти тексты приведены в следующем издании. В сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири» представлено несколько вариантов в записях В.М. Зензинова, Д.Д. Травина, Н.А. Габышева.

В Русском Устье былина о «Тите или о Данилышке Игнатъевиче» записывалась 4 раза: «О Даниле Игнатъевиче и его сыне Михайле» от К. Рожина зафиксировал В.М. Зензинов (1912); «Старину про Тита» от Н.Г. Чихачева – Д.Д. Травин (1928) [7; с. 130-133; 136-138]. Далее: «Данилышко Игнатъевич и Тит» от С.П. Киселева; «Данилышко Игнатъевич и Тит» от И.Н. Чихачева – записи Н.А. Габышева (1946) [там же; с. 138-142].

Записи в Нижнеколымском районе в 1959-1961 гг. сделаны С.А. Федосеевой, Т. А. Селюковой [там же; с. 145-149]. Затем в 1982 г. на Индигирке Ю.И. Смирнов записал два варианта былины: «Старинна песня про Данилушку», «Про Данилушку» [там же; с. 133-136; 142].

В одном случае былина носит название «Тит Харафонъевич» [9; с. 428-431], или действует антигерой Тит Фарафонъевич [Богораз; с. 186-191], иногда у него местное название – «Чит» [7; с. 138-140].

Главный герой былины – Михайлышко Данильевич / Михайлушко Данилович / Мишенька Данилович – молодой богатырь, ему только «двенадцать лет» [там же; с. 137; 140; 144].

На пиру у князя Владимира / Тимофея собираются богатыри, чтобы найти главного богатыря. Он должен справиться с Титом Фарафонъевичем. Сыном Мишенькой хвастается его отец – Данилушка Игнатъевич:

Есть у меня сыночек Мишенька.

Эх, было б моему Мишеньке хоть двадцать лет,

А от роду Мишеньке лишь 15 лет [9; с. 429].

В другом варианте Мишеньке – «двенадцать лет» [3; с. 187]; столько же Михайлушке в третьем варианте «лет двенадцати» [7; с. 131], в следующем – «лет пятнадцати» [там же; с. 135]; в одном позднем колымском варианте Мишенька – «шести лет» [там же; с. 145].

Отсюда следует дальнейшее нежное отношение и повествователя к герою.

Заметно, что на Индигирке образ Тита предстает без отчества, на Колыме – Тит Харафонтьевич (Хорохонтъевич). В индигирских вариантах былины князь (царь) – Тимофей, в колымских – князь Владимир.

Мишенька Данилович борется с врагом и погибает от неоправданной «похвальбы» его отца.

Как уже отметили, ряд записей относятся к началу XX в., несколько вариантов зафиксировано в середине 40-х гг. XX в., три текста записей – 1959-1961 гг. отсюда – возможно сравнение текстов не только на уровне синхронной фиксации, представляется возможность рассмотреть текст в диахронии.

В поздних вариантах имя героя уже не «Мишенька», образованное при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов. Теперь это «Миша Данильевич», «Миша мал», «Миша малешенок». Далее:

На трети сутки Мишу ранили,

Давали Мише рану смертельную, невыносимую [там же; с. 148-149].

Также Ю.И. Смирнов записал от Е.С. Киселева в 1982 г. уже совершенно спутанный вариант, где вначале говорится о том, что отец приносит сына «во Божью серку» [там же; с. 142].

В конце подробных вариантов былины Михайлюшко погибает, Данилюшко «кидался-бросался о кирпичевый мост» [8; с. 231].

Однако, на Колыме и Индигирке зафиксированы разные варианты исполнения этой былины. Заметно, что на Индигирке образ Тита предстает без отчества, на Колыме – Тит Харафонтьевич (Хорохонтъевич). В индигирских вариантах былины князь (царь) – Тимофей, в колымских – князь Владимир. В одном варианте сборника «Русская эпическая поэзия» наблюдается путаница, связанная с тем, что вначале речь идет о царе Тимофее, а затем одно из главных действующих лиц уже «князь Владимир» [7; с. 142-145]. В итоге Мишенька Данилович погибает.

В колымских вариантах появляются такие персонажи, как: Дусечка Апраксевна, Олеша Попович, Добрыня Игнатьевич [там же; с. 148]. Также важно то, что в целом и в колымской, и в индигирской традиции развит мотив горя отца, несвоевременно похвалившегося своим сыном и потерявшего его. Не во всех вариантах отражен мотив самоубийства отца – Данилы Игнатьевича, а в варианте, записанным Д.И. Меликовым, этот мотив смазан, даже показано, что отец умер от горя:

Запирался он тут на моленнице,

На моленнице большое-долгим долгое,

Он и людям уже больше не показывался,

Богу он тут так представился.

Заметно, что со временем вариативность ведет к укорочению сюжетов, а после восьмидесятых годов XX в. былина не фиксировалась.

В ряде случаев имя богатыря дается как короткое детское имя «Миша» [там же, с. 148].

Переносом уменьшительно-ласкательное именование переходит на отца – Данилушко Игнатьевич [там же; с. 141], даже на второстепенных персонажей.

Как показывают примеры, в записях вариантов былин именование героя выполняет роль приема, который направлен на то, чтобы вовлечь в процесс сказывания слушателя, вызвать у него сострадание к молодому персонажу.

Библиографический список

1. Алпатов С.В. «Иерусалимская история» – белое пятно на литературной карте Русского Севера // Кенозерские чтения – 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская: ООО Типография № 2. Архангельск, 2015. С. 118-127.
2. Алпатов С.В. «Иерусалимская история» – духовный стих-былина XVIII века // Живая старина. 2012. № 1. С. 2-4.
3. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз. Спб: Тип. Имп. АН, 1901. Т. 68. № 4. 346 с.
4. Былины / Составление, вступительная статья, подготовка текстов и комментарии Ф.М. Селиванова. М.: Советская Россия. 1988. 576 с.
5. Былины. Свод русского фольклора Север Европейской России. Былины Мезени /, корпус. текстов и коммент. подготовил А.А. Горелов, Т.Г. Иванова, А.Н. Мартынова, Ю.И. Марченко, Ю.А. Новиков, Л.И. Петрова, А.Н. Розов. Спб., 2004. Т. 4. 714 с.
6. Праведников С.П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Курск, 2011. 42 с.
7. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск: Наука, 1991. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. 499 с.
8. Фольклор Русского Устья / Ответ. ред. С.Н. Азбелев, И.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. 384 с.
9. Чарина О.И. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. Спб.: Наука, 2013. Вып. 8. С. 110-114.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чарина Ольга Иосифовна,

к.филол. н., ст. научный сотрудник отдела фольклористики и литературоведения Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН;

SPIN-код 8796-9830;

e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

Charina Olga Iosifovna,

PhD in Philology, Senior Researcher at the Department of Folklore and Literary Studies at the Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;

SPIN-код 8796-9830;

e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

УДК 811.161.1

И.П. Черноусова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
e-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru*

В.М. Фролов

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
e-mail: vladon.frolov.2001@mail.ru*

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ СКАЗОЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ)

Статья посвящена исследованию топонимического фрагмента сказочной картины мира, представленного как вымышленными, так и реальными топонимами, но используемыми в качестве названий иного, чем в действительности, географического объекта и в связи с этим имеющими другие значения. В сказочной картине мира отмечены мегатопонимы, ойконимы, оронимы и гидронимы, которые обозначают место действия и направленные пути сказочных персонажей, что способствует конкретизации сказочного мира и создает впечатление достоверности.

Ключевые слова: топонимы, мегатопонимы, ойконимы, оронимы, гидронимы, астионимы, сказочная картина мира, русская народная сказка.

I.P. Chernousova

*Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky
(Lipetsk Russian Federation)
e-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru*

V.M. Frolov

*Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan
(Lipetsk Russian Federation)
e-mail: vladon.frolov.2001@mail.ru*

A TOPONYMIC FRAGMENT OF A FABULOUS WORLDVIEW (BASED ON THE MATERIAL OF A RUSSIAN FOLK TALE)

The article is devoted to the study of a toponymic fragment of a fairy-tale worldview, represented by both fictional and real place names, but used as names of a geographical object other than in reality and therefore having other meanings. In the fairy-tale worldview, mega toponyms, oikonoms, oronyms and hydronyms are marked, which indicate the place of action and the direction of the fairy-tale characters, which contributes to the concretization of the fairy-tale world and creates the impression of authenticity.

Keywords: toponyms, mega toponyms, oikonoms, oronyms, hydronyms, astyonoms, fairy-tale worldview, Russian folk tale.

Топонимический фрагмент сказочной картины мира представлен топонимами, среди которых выделяются мегатопонимы (названия государств, местностей, островов), ойконимы (названия городов, сел, деревень), оронимы (названия гор) и гидронимы (названия водных

объектов).

Объектом исследования является топонимическое пространство, отображенное в русской сказочной картине мира.

Источником исследования послужили сказки из авторитетного собрания русских народных сказок в записях А.Н. Афанасьева [6].

Цель работы – выявить специфику сказочных топонимов и определить их роль в создании сказочной картины мира.

Сказочные топонимы нельзя рассматривать в отрыве от поэтики сказки. Взаимосвязь реального и фантастического в сказочном мире отмечали фольклористы: «картина фантастического мира... обрамляется в волшебной сказке картиной реального мира» [5; с. 27]. Л.В. Доровских выделяет «две группы географических названий: 1) реальная топонимия, т. е. употребляемые в сказках названия реально существующих географических объектов; 2) вымышленная топонимия, т. е. собственные названия, созданные рассказчиками для обозначения сказочных городов, сел, рек, гор» [2; с. 28].

Из реальных мегатопонимов выделяются Русь, Китай, Сибирь. Святая Русь в сказочной картине мира символизирует «этот мир», «белый свет», противопоставленный «иному миру», «тридевяти царству, тридесятому государству». Постоянный эпитет Руси – святая [6; №№ 222, 228] или православная [6; № 317], «святая Русь» – «божья воля: *«Крестьянин отпустил его на божью волю – на святую Русь»* [6; № 433, с. 244].

Китай (Китайское государство, Китай-град – столица Китайского государства) в русской народной сказке обладает амбивалентностью: с одной стороны, это далекое незнакомое, то есть чужое государство, до которого нужно добираться в течение месяца, с другой стороны, это то государство, которое пришлось защищать от нападения чужого войска неверного Полкана, угрожавшего сжечь его: *«И тогда Иван крестьянский сын попал в незнакомую сторонушку, и ехал он ровно тридцать дней и тридцать ночей и приехал в Китайское государство»* [6; № 571, с. 363]. *«Вскоре повелено было от царя послать к тем царевичам, коих две царевны выбрали себе в женихи, указы, дабы приехали они в Китай для сочетания с его дочерьми браком. Как скоро получили они те указы, тотчас с великою поспешностью прибыли в Китай, а по прибытии туда и сочетались браком с царевнами...»* [6; № 571, с. 364]. *«По некоем времени подступила под Китай-град сила великая», Иван крестьянский сын «все войско Полканово прогнал от Китая прочь»* [Там же; с. 364, 366].

Сибирь в сказочной картине мира – место, куда ссылали (упекали) и куда можно угодить за провинность или высказанную правду: *«Государь захочет, в Сибирь сошлет»* [6; № 76, с. 110]; *«За правду, слышь, в Сибирь угодишь»* [6; № 115, с. 192]; *«Неровен час – еще в такую беду попадешь, что и после не разделаешься, а пожалуй, и в Сибирь угодишь»* [6; № 376, с. 148]; *«Я тебя упеку, в Сибири места не сыщешь»* [6; № 441, с. 255].

Вымышленным мегатопонимом является Буян – сказочный остров, упоминающийся обычно в присказках: *«На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный, возле него лук толченый»* [6; № 139, с. 292]. *«На море, на океане, на острове Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха»* [6; № 75, с. 106]. Л.В. Доровских отмечает, что остров Буян выступает в данной сказке «в функции того самого тридевятого царства, куда обычно относится действие сказочным зачином» [2; с. 46-47]. Название Буян первоначально имело значение «открытое со всех сторон, возвышенное место» [7; т. 1, с. 257], позднее оно стало топонимом.

Из ойконимов в русских народных сказках отмечены названия городов (астионимы) – Киев, Москва, Муром, Новгород, Чернигов, Себеж, Карачарово и др., описывающие «свой мир», в которых живут герои и происходят события: *«около Киева появился змей, брал он с народа поборы немалые; проболтался, что живет в городе Киве Кожмяка – тот и его сильнее; сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея, да и стал от Киева между пропахивать»* [6; № 148, с. 327]. При астионимах часто употребляется эпитет славный, что значит известный: *«во славном городе Киве великая невзгодушка учинилась: приехал неверный*

сильный богатырь *Идолище нечестивый*» [6; № 308, с. 5-6]; «*В славном было городе Муроме, в селе Карачарове – жил крестьянин Иван Тимофеевич*» [6; № 308, с. 3]. «*Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню воскресную*» [6; № 309, с. 6]. Москва имеет эпитет белокаменная: «*Собирались со всех концов Москвы белокаменной все князи и бояра, сильные, могучие богатыри и все поленицы удалые ко князю во светлый терем на трапезу*» [6; № 317, с. 37]

Ойконимы в сказочной картине мира могут обозначать не только местожительство героев и локализацию событий, но и направление пути: «*Жили-были два богатых купца: один в Москве, другой – в Киеве... Купеческий сын собрался и поехал в Москву*» [6; № 331, с. 63].

В тех случаях, когда Киев является резиденцией князя Владимира, проявляется влияние былинной традиции: «*Во городе Киеве у нашего князя Владимира...*» [6; № 313, с. 19].

Киев представляется в сказочном мире и религиозным центром, где слышен церковный звон колокола, проходят богослужения и куда герои прибывают «богу помолиться»: «*В городе Киеве у князя Владимира слышен благовест; время тебе подняться, к заутрене убраться*» [5; № 313, с. 20]; «*Пришел он в Киев, побывал в лавре, богу помолился, святым мощам поклонился и пошел на родину в ближний уездный город*» [6; № 367, с. 133]; «*Отпусти-те меня в славный город Киев богу помолиться, а князю киевскому поклониться*» [6; № 308, с. 3];

Город *Новгород* упоминается в сказках как торговый центр: «*Ступай ты в Новгород, отыщи на улице Рогатице такого-то купца... Старик пошел в Новгород, попросился к купцу ночевать...*» [6; № 568, с. 353].

Себеж и *Чернигов* – города, которые освобождает Илья Муромец по дороге в Киев («*История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-Разбойнике*»). «*Подъезжает он ко граду Чернигову, а под тем градом Черниговом стоят войска басурманские, что и сметы нет, и Чернигов-град осадили...*» [6; № 308, с. 4]. Чернигов в былинах – «эпический город, который освобождают богатыри, – пишет Т. Н. Кондратьева»; эту же роль в сказочной картине мира выполняют города *Чернигов* и *Себеж*. «*Поехал я из града Муромы, слушавши заутреню воскресную; как я будучи под градом Себежем, и там стоят три царевича заморские, а силы с ними триста тысяч, и хотели они Себеж-град за щитом взять, а самого царя себежского в полон взять*» [6; № 309, с. 7].

В сказке корабль, плывущий по морю, пристает к городу Хвалынску. Л.В. Доровских предполагает, что это название города соотносится с Хвалынским морем, но не связано с реальным географическим объектом [2; с. 39]. «*Пристал корабль к городу Хвалынску*» [6; № 247, с. 280-281]; «*А после взял их с собою в город Хвалынск, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать*» [Там же, с. 281].

К вымышленным топонимам относится село Кутузово (села Кутузовы) – место, где хранится казна Соловья-разбойника. «*Лежит моя злата казна в моих селах Кутузовых, а гонцы гоняют (туда) по два месяца, а скоро-наскоро месяца*» [6; № 309, с. 7].

В сказочной картине мира может использоваться реальный топоним как название иного, чем в действительности, географического объекта, находящегося в «ином мире», откуда, как предполагал отправитель (в данном случае – неверная жена), нельзя вернуться живым, например, Крым-град: «*Вот раз придумала жена послать его за лекарством в Крым-град... Пошел муж во Крым-град зелья купить, жене зельем живот лечить!. Туда ему не доехать и оттуда не приехать!..*» [6; № 445, с. 260].

В вымышленных топонимах закодирована определенная информация. Так, например, город *Ничто*, в который царь направляет купеческого сына с целью его известить, и требует от него добыть и принести неведомо что: «*Завтра же отправляйся в дорогу: сходи в город Ничто, принеси неведомо что!..*» [6; № 215, с. 156]. По мнению О.Г. Горбачевой, топоним *Ничто* является «образом небытия, но в то же время и образом порождения бытия, то есть так называемым бинарным (двойственным) архетипом, образом-символом того, откуда все на-

чинается, происходит и куда все возвращается» [1, с. 12-13]. Из сказки известно, что купеческий сын прошел через все испытания и успешно выполнил это трудное задание.

В вымышленных ойконимах (Пенское, Черепенское, Сквородное, Небесинское, Печинское, Горошинское, Горшанск) закодирована информация о месте, куда старуха спрятала гуся (петуха) – это черепок, скворода, горшок, а в ойконимах (Горшанск, Кошелянск, Заплечинское, Сумин, Суминский, Заплечинское) – о месте, куда солдат спрятал украденного гуся (петуха) – за плечи в сумку, кошель: «Ныне в **Пенском, Черепенском**, под **Сквородным** здравствует ли Курухан Куруханович... Да в **Сумин** город переведен» [6; № 392, с. 181]; «Доселева Курлинской-Мурлинской под Небесинском летал да в город **Печинской** попал, а в нынешни годы очутился в городе **Суминском**, в селе **Заплечинском**» [6; № 393, с. 182]; «Не бывал ли ты в городе **Горшанске**, не знавал ли там Гагатея Гагатеевича? – Гагатея Гагатеевич вышел оттудова в город **Кошелянск**, в село **Заплечанское**» [6; № 394, с. 182]. Такие вымышленные топонимы являются стилистическим средством создания образности и выполняют экспрессивно-стилистическую функцию.

В исследованном материале встретился единственный ороним *Мянь-гора* («сосновая гора»), являющийся названием реального географического объекта, находящегося в Заонежье. Действие сказки, в которой употребляется этот ороним, происходит там же: «*Жил в Заонежье старик со старухой*» [6; № 568, с. 352]. Следовательно, Мянь-гора является средством точной локализации действия: «*Продай собаку... за расчетом приходи завтра вечером на Мянь-гору*». И старик «*на другой день пошел на гору. Поднялся на верх горы – стоит большой город, где живут лембои [карельское слово, означающее – черти]*» [6; № 568, с. 352]. В сказке нашло отражение народное поверье, о котором писал Г. Куликовский: «По поверью крестьян, на этой горе центральная квартира всей нечистой силы; черти, живущие на этой горе, нередко воруют людей, причем уносят их на свою гору даже из Москвы» [4; с. 59].

Гидронимы в русской народной сказке представлены названиями морей (Хвалынское – старое название Каспийского моря [7; т. IV, с. 229], Черное, Белое), рек (Дунай, Смородина, Обь), но в сказочной картине мира они приобретают другое значение, чем в действительности.

Белое море означает «иной мир», является синонимом «тридевятого царства, тридесятого государства»: «*Бачка посылает по живую, по молодую воду, за тридевять земель, в тридесятую землю, за Белое море – в дивье царство*» [6; № 175, с. 445]. В Хвалынском море можно укрыться от врагов: «*Мамай безбожный, пес смердящий, со всема своим а ордами некрещеными, идет святую Русь воевать... Поидемте, мои любимые воины, к океан-мору, изладим струги, и побегим мы из океан-моря в море Хвалынское к соловецким чудотворцам: запремся там...*» [6; № 317, с. 37-38]. Т.Н. Кондратьева отмечает здесь явное нарушение географической точности: «соловецкие чудотворцы» находятся на Белом море [3; с. 226–229].

Черное море в сказочной картине мира – море, где обитают змеи: «*Пошли они путем-дорогою, проходят к Черному морю, в море клохчет гад*» [6; № 136, с. 268]; «*Догнал братьев близ Черного моря у калинового моста*» [Там же]; «*они пошли в такие места – в змеиные края, где выезжают из Черного моря три змея шести-, девяти- и двенадцатиглавые*» [Там же; с. 269].

Река Дунай в сказке – место, где разворачивается действие: «*Идет молодец путем-дорогою, подходит к Дунаю-реке и прилег тут на бережку отдохнуть*» [6; № 220, с. 180]; «*И случилось ему с товаром плыть по Дунай-реке*» [6; № 450, с. 268].

Река Смородина / Смородинка – место обитания нечистой силы (чуда-юда и Соловья-разбойника). Т.Н. Кондратьева предполагает, что значение реально существующей реки в сказке: «таящая в себе нечто трагическое, опасное, противостоящее человеку» – связано с этимологией названия «сморд», «смердеть» [3; с. 212-213]. «*Едем мы на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живет*» [6; № 137, с. 280]; «*Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено!*» [Там же]. «*Приехал (Илья Муромец) на те леса Брянские, на те грязи топучие, на те мосты калиновы и к той реке Смородинке... и Соловей-разбойник, на гнезде сидя, увидел святярусского богатыря...*» [6; № 308, с. 4].

Название реки Обь встретилось в сказке, повествующей о новгородском удалыце Василии

Буслаевиче. Вода из этой реки придает силу: «Тебе не выпить из **Оби** воды, не выбить из граду людей; вытешь из **Оби** воды, выбьешь из града людей – вот тебе 500 рублей» [6; № 311, с. 14].

Таким образом, топонимы играют важную роль в создании сказочной картины мира и восприятии этого мира. Сказочное топонимическое пространство представляет собой конгломерат исторически реальных и вымышленных, фантастических объектов. Топонимы в сказочной картине мира выполняют следующие функции: реальные топонимы, приобретающие в сказке дополнительные смыслы, обозначают место действия или направление пути, создают впечатление достоверности происходящего, вымышленные топонимы выполняют стилистические функции и свидетельствуют о фантастических событиях.

Библиографический список

1. Горбачева О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.01 – русский язык. Орел, 2008. 24 с.
2. Доровских Л.В. Географические названия в русских народных сказках// Вопросы ономастики. Свердловск: УрГУ, 1977. Вып. 12: Русская топонимия и географическая терминология. С. 26–48.
3. Кондратьева Т.Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. 247 с.
4. Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб: издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1898. 150 с.
5. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. М.: Высшая школа, 1981. 221 с.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х томах. М.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1957. Т. I – 515 с.; Т. II – 510 с.; Т. III – 562 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в четырех томах. М.: «Прогресс», 1986-1987. Т. I – 576 с.; т. IV – 864 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Черноусова Ирина Петровна,

доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского;

SPIN-код: 8796-9830;

e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

Chernousova Irina Petrovna,

Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan;

SPIN code: 8796-9830;

e-mail: novikova.darya28@yandex.ru

Фролов Владислав Михайлович,

магистрант института филологии Липецкого государственного педагогического университета

имени П.П. Семенова-Тян-Шанского;

e-mail: vladon.frolov.2001@mail.ru

Frolov Vladislav Mikhailovich,

Master's student at the Institute of Philology Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan;

e-mail: vladon.frolov.2001@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЯТВОРЧЕСТВА PRAGMATIC ASPECT OF NAME CREATION

УДК 81`373.2

К.Д. Дмитриева

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: tina.nenakhova1@mail.ru*

М.В. Новикова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЙ КОСМЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ТУШИ ДЛЯ РЕСНИЦ БЕЛОРУССКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ)

В статье рассматривается понятие коммерческой ономастики, уделяется внимание причинам формирования этой разновидности онимов, анализируются такие виды онимов, как эргоним и прагмоним, рассматриваются принципы их формирования. Поскольку коммерческая ономастика неразрывно связана с бизнес-индустрией, примером изучения стали косметические средства, представленные в линейке «Белорусской косметики».

Ключевые слова: коммерческая ономастика, эргоним, прагмоним, тушь.

K.D. Dmitrieva

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: tina.nenakhova1@mail.ru*

M.V. Novikova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

THE SPECIFICS OF THE NAMES OF COSMETICS (USING THE EXAMPLE OF THE NAMES OF MASCARA FROM BELARUSIAN MANUFACTURERS)

The article examines the concept of commercial onomastics, pays attention to the reasons for the formation of this type of onym, analyzes such types of onyms as ergonyms and pragmonyms, and discusses the principles of their formation. Since commercial onomastics is inextricably linked with the business industry, the cosmetics presented in the line of "Belarusian cosmetics" became an example of the study.

Keywords: commercial onomastics, ergonym, pragmonym, maskara.

В настоящее время ономастика активно развивается как наука, в рамках которой выделяют разные направления, среди которых особое место занимает коммерческая ономастика. Этот термин подразумевает наименование различных товаров и объектов, связанных непосредственно со сферой бизнеса. Появление указанной разновидности онимов объясняется экономическими изменениями, произошедшими в нашей стране в 90-е годы XX века, в результате которых был взят вектор на рыночную экономику. Вполне логично, что каждая коммерческая организация и выпущенный ею на рынок продукт требуют продуманного на-

звания, отражающего его концепцию. Как отмечает М. Гарвалик, «в силу всеохватности экономических отношений количество таких имен к концу XX в. лавинообразно возрастает, эта сфера русского ономастикона переживает своего рода номинативный взрыв» [2; с. 6]. «Если в 1987–89 гг. в 10 крупнейших городах Российской Федерации, то есть практически во всей стране, использовалось около 500 различных наименований магазинов, то в настоящее время их количество только в Самаре составляет несколько тысяч и продолжает интенсивно увеличиваться», – утверждает Т.П. Романова [6; с. 174].

Коммерческое наименование – это название, которое используется для обозначения товара или услуги на рынке, привлекая потребителей и помогая им отличить один продукт от другого. Безусловно, коммерческие наименования играют важную роль в маркетинге и брендинге, поскольку влияют на восприятие продукта и способствуют его успешному продвижению. Коммерческие наименования выполняют следующие функции: 1) идентификация товара или услуги среди множества аналогичных предложений; 2) дифференциация продукта среди конкурентов через указание на его уникальные особенности и преимущества; брендинг – коммерческое наименование является частью бренда компании, способствуя формированию положительного имиджа и лояльности клиентов; запоминаемость – легко запоминающееся и привлекательное название увеличивает шансы на успех продукта или услуги на рынке.

В «коммерческой ономастике» выделяют такие типы онимов, как «эргонимы» (названия производственных и коммерческих предприятий) и «прагматонимы» (названия самих товаров). В настоящей работе на примере товаров, представленных в сети косметических магазинов «Милолика.Белорусская косметика», рассматривается функционирование данных разновидностей онимов. Среди широкого ассортимента магазина одним из наиболее востребованных товаров является тушь, в связи с этим мы решили проанализировать названия тех марок туши, которые вот уже долгие годы являются лидерами рейтингов на различных сайтах и онлайн-площадках. Названия тушей представляют собой гибрид, то есть совмещение названия производителя и названия продукта. Как правило, в такого вида названиях сначала следует эргоним, а затем уже прагматоним.

Рассмотрим особенности наименования туши на конкретных примерах. Одной из самых покупаемых тушей является «Lux visage тушь XXL суперобъём Эффект Накладных Ресниц». Элемент в названии *Lux visage* – это эргоним, поскольку является названием самого бренда, латинское «*lux*» обозначает «роскошный, отличающийся высоким качеством» [4; с. 234]. Использование данного эргонима в наименовании товара ассоциативно связано с премиальностью и высоким качеством продукта. Номинация «*visage*», по определению англо-русского словаря Мюллера, происходит от «лицо, выражение лица, вид» [1]. А словосочетание *lux visage* можно интерпретировать как «роскошный образ/вид», что указывает на превосходный эффект декоративной косметики, создаваемой брендом. Элемент XXL является стандартным обозначением размера *extra extra large* ‘очень, очень большой’ [7]. В данном случае номинация метафорически указывает на экстремально большой объем, акцентируя внимание на характеристике продукта, – увеличении объема ресниц. В лексеме *суперобъём* большое значение имеет приставка, которая используется для выражения восхищения, обозначая высшую степень оценочности, причем, как отмечается в «Словаре модных слов»: «наш народ ... все эти приставки использует исключительно в одобрительном смысле» [5, с. 261]. Среди подобных префиксов лидерами употребления являются приставки: *супер-*, *ультра-*, *мега-*, *гипер-*, *экстра-*. Использование данных приставок в рекламных текстах является распространенным приемом, рассчитанным на усиление влияния на потребителя. Этот способ конструирования названий направлен на то, чтобы подчеркнуть уникальность предлагаемого продукта, специфику его свойств и возможностей. Приставка *супер-* может использоваться для акцентирования внимания на принадлежности товара к премиальной группе [1]. Элемент прагматонима «эффект накладных ресниц» является описанием результата, его

включение в наименование туши предполагает мотивацию потребителя, поскольку стоимость продукта значительно ниже стоимости процедуры наращивания ресниц, но его применение дает сопоставимый эффект. Анализируя эргоним и прагматоним, можно сделать вывод, что коммерческий ономастикон направлен исключительно на привлечение внимания клиентов. Приставка *супер-* создает иллюзию усиленной эффективности: продукт воспринимается как уникальный способ достижения непревзойдённых результатов. В маркетинговом описании тот же посыл подкрепляется фразой «эффект накладных ресниц». Такой подход к разработке наименований отличается высокой степенью целенаправленности, способствует повышению конкурентоспособности на рынке.

Обращаясь к следующему примеру в коммерческом ономастиконе, мы сталкиваемся с уже описанными приемами, что говорит об определенной специфике наименований косметических средств. Название туши «BELITA «Королевский объем» ультрачёрная» также включает в себя несколько элементов. Элемент «BELITA» – является эргонимом. «BELITA» происходит от латинского «*bella*», что в переводе обозначает «красивая» и призвано подчеркнуть эстетическую направленность бренда. Название фирмы указывает, что товар данного производства – это результат взаимовыгодного сотрудничества белорусской и итальянской фирм, отсюда сложение корней слов «бел» и «ита» – название стран Республика Беларусь и Италия. Коллаборации с европейскими производителями всегда считались крайне престижными, а Италия уже долгое время является ведущим производителем косметических средств. Поэтому использование подобного онима указывает не только на совместную деятельность фирм, но и на качество товара, поскольку на фонетическом уровне прагматоним коррелирует с лексемой *элита*, а значит, направлен на формирование у потребителя представления об элитарности и премиальности продукта. Элемент прагматонима «королевский объем» также создает ассоциацию с изысканностью и высоким статусом. Лексема «объем» указывает на основное действие туши – придание ресницам пышности и густоты, что является одним из основных критериев при выборе косметического средства потребителями. Сложное прилагательное «ультрачёрная» состоит из сочетания двух слов «ультра» и «черная», где префикс «ультра-» означает «сверх» или «очень». Эта приставка используется в рекламных текстах для подчеркивания уникальных свойств продукта, качества и производительности [1]. Адъектив «черная» акцентирует внимание на глубине цвета. Таким образом, название продукта ассоциируется с выразительностью и качеством. Использование словосочетания «королевский объем» придает продукту исключительность, ассоциируется с престижем, а прилагательное «ультрачёрная» подчеркивает насыщенность и интенсивность цвета. Префикс «ультра-» выделяет данную тушь среди конкурентов с привычным описанием «черная тушь». Таким образом, данный прагматоним формирует образ товара люксового и высокоэффективного средства.

Еще одним примером эффективного наименования товара является «Relouis Тушь Мегаобъемная Y.O.U.», где «Relouis» является названием бренда и в переводе с итальянского обозначает «Король Луи» [2]. Данный оним отсылает к истории Франции, поскольку именно в эпоху правления Людовика XIV Париж превратился в столицу моды, красота стала продаваемой, частный бизнес вырос в настоящую империю красоты. Таким образом, эргоним создаёт ассоциации с роскошью и люксом. Важно заметить, что фирма «Relouis» также является результатом коллаборации белорусов и итальянцев. С точки зрения ономастики, название продукта и его маркетинговое описание содержат ряд особенностей. Элемент Y.O.U. (в данном случае графически переосмысленное «you» от англ. «ты/вы») создает впечатление персонализации, как будто продукт создан для конкретного пользователя. Лексема «мегаобъемная» отражает тенденцию рекламных текстов к гиперболизации, вызывает ассоциацию с чем-то крупным, впечатляющим, данные смысловые параллели подкрепляются в описании через фразу «нереальный объем». Приставка «мега-» происходит от греч. *meγas* ‘большой’ и указывает на большой размер чего-либо [8]. Таким образом, все элементы, из которых состо-

ит название товара, формируют запоминающиеся ассоциации, которые рассчитаны на эмоциональное вовлечение аудитории.

Как видим, на рынке косметики в условиях высокой конкуренции эффективное использование «коммерческих наименований» может стать ключевым фактором успеха, позволяя брендам выделяться и привлекать внимание целевой аудитории. Наименование косметических средств всё чаще становится инструментом маркетинга, с помощью которого производители стремятся достичь максимального эффекта, сформировать положительные ассоциации. «Коммерческие номинации» открывают широкий горизонт ожиданий у покупателя, при этом в создании эргонимов отражается направленность фирмы, а прагматонимы полностью нацелены на завоевание потребительского рынка.

Библиографический список

1. Англо-русский словарь Мюллера. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/muller/1064714/visage> (дата обращения – 12.01.2025).
2. Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/super-pristavka-ae6648?ysclid=m6xxpqz869719068646> (дата обращения – 12.01.2025).
3. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 5–13.
4. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. Т.2. 2-е изд., испр. и доп. Т.2. М.: Русский язык, 1981–1984.
5. Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: «Словарь XXI века», 2019. 252 с.
6. Романова Т.П. Коммерческое именование как инструмент рекламной коммуникации // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: монография / отв. ред. и сост. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. С. 30–35.
7. Словарь синонимов URL: <https://sinonim.org/t/XXL> (дата обращения – 12.01.2025).
8. Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. М: Русский язык, 1998 URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwds/46134/мега (дата обращения – 12.01.2025)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дмитриева Кристина Дмитриевна,
магистрант направления «Журналистика»
Воронежского государственного технического
университета,
e-mail: tina.nenakhova1@mail.ru

Dmitrieva Kristina Dmitrievna,
Master's student in Journalism,
Voronezh State Technical University,
e-mail: tina.nenakhova1@mail.ru

Новикова Марина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного технического
университета,
SPIN-код 5770-7411,
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

Novikova Marina Vladimirovna,
PhD in Philology, Associate Professor;
Associate Professor of the Department of
Russian Language
and Intercultural Communication
Voronezh State Technical University,
SPIN code 5770-7411,
e-mail: litra.novikov@yandex.ru

УДК 392.7

А.В. Вохминцева

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: v.alya140177@gmail.com*

Д.А. Сабина

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: darjasabinina@yandex.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В СЦЕНИЧЕСКИХ ИМЕНАХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Статья посвящена исследованию особенностей использования терминов родства в сценических псевдонимах и названиях групп современных исполнителей. Многие артисты выбирают сценические имена с целью выделиться среди коллег или создать альтер-эго для поклонников. Каждый музыкант имеет свои причины для выбора псевдонима. В работе рассматриваются причины использования артистами различных музыкальных жанров терминов, обозначающих родственные связи. Помимо этого, анализируются аспекты выбора подобных сценических имен. Особое внимание уделяется роли таких терминов родства, как *брат*, *сестра* и *дядя* в формировании эмоциональной связи исполнителей с аудиторией.

Ключевые слова: термины родства, музыкальный исполнитель, псевдоним, сценическое имя, музыкальный коллектив, название группы.

A.V. Vokhmintseva

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: v.alya140177@gmail.com*

D.A. Sabinina

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: darjasabinina@yandex.ru*

THE USE OF KINSHIP TERMS IN THE STAGE NAMES OF MUSICAL PERFORMERS

The article is devoted to the study of the peculiarities of the use of kinship terms in stage pseudonyms and names of groups of modern performers. Many artists choose stage names in order to stand out from their colleagues or create an alter ego for their fans. Every musician has their own reasons for choosing a pseudonym. The paper examines the reasons for the use of terms denoting family ties by artists of various musical genres. In addition, the aspects of choosing such stage names are analyzed. Special attention is paid to the role of kinship terms such as brother, sister, and uncle in forming an emotional bond between performers and the audience.

Keywords: kinship terms, musical performer, pseudonym, stage name, musical group, band name.

Термины родства – это многогранная тема, охватывающая разные аспекты человеческой жизни. Родство является объектом изучения разных наук: биологии, социологии, лингвистики и т.д. [8; с.7]. Многие ученые исследуют его сквозь призму различных факторов [4; с. 42]. Одним из таких является метафористическое употребление терминов родства. В данном контексте О.М. Барсукова-Сергеева рассматривает случаи использования наименований кровного родства в советской идеологической риторике [1]. Цель настоящей статьи состоит в изучении псевдонимов и сценических имен современных музыкальных исполнителей, в ко-

торых упоминаются термины родства.

В русской культуре братские отношения традиционно ассоциируются с крепкой связью, взаимопониманием и поддержкой [2]. Термин кровного родства *брат* используется в названии группы «Братубрат», образованной в 2011 году в Беларуси двумя родными братьями: Алексеем и Игорем Шимко. В состав российской группы «The Gayazovs Brothers» (часто стилизуется как GAYAZOV\$ BROTHERS) так же входят два родных брата: Тимур и Ильяс Гаязовы. Они, в свою очередь, кроме термина родства использовали в названии свою фамилию. Это не только подчеркивает единство, лежащее в основе творчества артистов, но и увеличивает узнаваемость среди поклонников. Российская поп-рок-группа «Братья Грим» создана близнецами Борисом и Константином Бурдаевыми. Название подчеркивает идею партнерства и является отсылкой к знаменитым немецким языковедам Якобу и Вильгельму Гримм, которые собирали немецкий фольклор и, впоследствии, опубликовали несколько сборников сказок. Использование термина *брат* в названии группы подчеркивает тесную связь участников коллектива, создает образ единства и гармонии, который привлекает слушателей, вызывая их доверие.

Существует несколько проектов с использованием такого термина кровного родства, как *сестра*. Название «Сестры» выбрали сразу две группы: дуэт родных сестер Анастасии и Марии Муравьевых и коллектив, состоящий из четырех родных сестер Клушиных. Выбор наименований вышеупомянутых групп логично объясняется родственными связями и составами, в которые входят только участницы женского пола. Рок-группа «Сестра» была создана в 1988 году в Барнауле группой одноклассников. Лидер группы Константин Жигулин о происхождении названия говорил следующее: «Мы сидели и думали, что человек всегда ищет собеседника, которому всё можно поведать, чем-то поделиться. Мы понимали, что этот человек должен быть близкий. Но родителям всего не расскажешь. У брата свои дела есть. Ну, значит, сестра» [5]. Интересно, что ни у одного из участников группы нет сестер. Использование такого названия для исключительно мужского коллектива, безусловно, вызывает интерес слушателей.

В 2018 году актер и режиссер Сергей Безруков создал рок-группу «Крёстный папа». Такое название было выбрано в связи с тем, что автор песен и бас-гитарист группы Тимур Эзугбая является крестным дочери Сергея Маши [6]. Соответственно, выбор наименования напрямую связан с фактическим некровным родством участников. Подобный смысл сценического имени, но с фактическим кровным родством прослеживается у российской исполнительницы Ксении Казанцевой. Она использует псевдоним «Внучка фантаста» как дань уважения своему деду – известному советскому писателю-фантасту Александру Казанцеву. Выбор такого сценического имени говорит о стремлении Ксении показать преемственность поколений, а также повысить уровень узнаваемости.

Российская рок-группа «Babooshka» была основана в 2018 году в Рыбинске. Солистом коллектива является Александр Константинов, выступающий под псевдонимом «Старуха Изергиль». Особенностью музыканта является его сценический образ: он выступает в костюме бабушки и поет старушечьим голосом. Участники группы позиционируют свой стиль музыки как «православное диско». Несмотря на все эти факторы, явно отсылающие к наименованию коллектива, музыканты утверждают, что группа названа в честь песни «Babooshka» британской рок-певицы Кейт Буш [3].

В своей музыке инди-группа «ДОЧЬ» затрагивает темы трудностей и красоты жизни. В беседе с участниками коллектива прояснился смысл названия: «дочь – наследница своих предков, при этом сама она устремлена в будущее, как и наша музыка. В этом слове единственная гласная – «О», которая является кругом. Круг – это объединение, общность, равенство участников, равенство людей внутри и вокруг». Интересно, что в состав коллектива входит три участника мужского пола (подобно трем согласным буквам в слове дочь) и одна участница женского пола, у которой, к слову, есть дочь.

В 2016 году была образована кавер-группа «Тётя Соня BAND». Название можно условно разделить на три составляющие. Первая его часть – термин родства *тетя* акцентирует внимание на наличии лишь одной девушки в коллективе. Имя «Соня» взято неслучайно. Оно является отсылкой к имени создателя и вокалистки группы Софьи Кашлевой. В переводе с английского языка, «band» – «команда». Это подчеркивает коллективное исполнение музыки.

Большое количество исполнителей выбирает псевдоним в формате «термин родства *дядя* плюс имя». Например, Михаил Чернов, более известный как «Дядя Миша», – советский и российский музыкант, джазовый саксофонист, педагог, участник многих музыкальных коллективов и проектов, бывший участник группы «ДДТ». Подобным образом подобран псевдоним шансонье Юрия Алешечкина («Дядя Юра»), а также рэп-исполнителя Евгения Разумова, более известного в мире музыки как «Дядя Женя». Кроме того, существуют исполнители, которые вместо своего реального имени вместе с термином родства *дядя* используют прилагательные для создания выразительного образа. Например, в творчестве исполнителя с псевдонимом «Русский дядя», как и в сценическом имени, отчетливо прослеживается тема патриотизма. Музыкальный исполнитель Андрей Длинный («Дядя Длинный») использует фамилию вместе с термином родства. Интересно происхождение сценического имени Дмитрия Макарова. Музыкант утверждает «...рожица с лучиками много лет была моей подписью на домашних записках, и дети мои давно этого персонажа прозвали «Дядя Солнышко». Мне показалось, что это название легко запомнится» [7]. Тенденция использования термина родства *дядя* в качестве псевдонима особенно распространена среди артистов жанра шансон, где исполнителями зачастую являются взрослые мужчины. Выбор такого сценического имени символизирует высокую степень авторитета. Помимо этого, псевдоним с термином *дядя* может представлять музыканта поклонникам как старшего товарища или наставника, который делится жизненным опытом через музыку.

Название музыкального коллектива символично его творчеству и личностям участников. Использование терминов родства в названиях музыкальных групп и сценических псевдонимов встречается достаточно часто. Такой выбор обусловлен следующими задачами.

1. Акцент на близости и единстве участников коллектива. Термины родства, такие как «брат», «сестра» символизируют тесные связи между членами группы. Таким образом артисты выстраивают отношения с поклонниками, словно приглашая их стать частью одного музыкального сообщества, одной семьи.

2. Социальный и культурный контексты. Термины родства в названии музыкальных групп отражают традиционные представления общества, где семья занимает центральное место в жизни человека. Это играет большую роль в формировании доверительных связей с аудиторией, ведь семейные ценности близки многим людям.

3. Выражение индивидуальности. Использование терминов родства при выборе сценического имени, особенно в сочетании с соответствующими атрибутами для выступлений, помогает артистам выразить свою уникальность, привлечь внимание поклонников яркими нестандартными образами. Также это становится элементом брендинга, который делает артиста узнаваемым благодаря эмоционально насыщенным и значимым ассоциациям.

Термины родства являются универсальным понятием, независимо от возраста, национальности или социального статуса. Образы родителей, детей, братьев и сестёр понятны и близки каждому. Они вызывают чувство комфорта и доверия, поэтому музыканты активно обращаются к ним. Использование терминов родства в названиях музыкальных групп, сценических псевдонимов способствует созданию доверительных отношений между артистами и поклонниками, объединяя их общим чувством принадлежности к одной большой семье.

Библиографический список

1. Барсукова-Сергеева О.М. Метафорическое употребление наименований родства в советской идеологической риторике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2. С. 71-75.
2. Беккожин И.А., Фесенко О.П. Концепт «братство» в русской языковой картине мира (по материалам словарей) // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2018. № 1(4). С. 141-143.
3. Ведущее издание о тяжелой и рок-музыке. URL: <https://dark-city.ru/110/190-articles/3901-babooshka.html> (дата обращения 29.04.2025).
4. Вохминцева А.В., Борисова С.Д. Термины родства в восприятии современной молодежи (по результатам социологического опроса) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 04 декабря 2024 года. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2025. С. 42-45.
5. Группы СССР. URL: <https://gruppssr.ru/S/sestra.html> (дата обращения 21.04.2025).
6. Официальная страница телеканала МИР 24. URL: <https://mir24.tv/articles/16449915/sobralis-starye-percy-sergei-bezrukov-o-rok-gruppe-rozygryshah-tabakova-i-olhonskih-shamanah> (дата обращения 28.04.2025).
7. Официальный сайт газеты «Московская правда». URL: <https://mospravda.ru/2020/02/22/143193/?ysclid=mak4i1munb323998741> (дата обращения 15.04.2025).
8. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре. 2009. С. 7-23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вохминцева Алина Витальевна,
ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного технического университета,
SPIN-код: 1054-1408
e-mail: v.alya140177@gmail.com

Vokhmintseva Alina Vitalievna,
Assistant Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication
Voronezh State Technical University,
SPIN code: 1054-1408
e-mail: v.alya140177@gmail.com

Сабинина Дарья Андреевна,
студентка направления «Журналистика»,
Воронежский государственный технический университет,
e-mail: darjasabinina@yandex.ru

Sabinina Darya Andreevna,
journalism student,
Voronezh State Technical University,
e-mail: darjasabinina@yandex.ru

ОНИМНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ONYM PERIPHERY

УДК 070

Е.О. Кузьминых

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

Л.А. Михнова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: mikhnova05@mail.ru*

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ МАЛЬВИНА В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье проанализированы контексты, представленные в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка, в которых антропоним Мальвина выступает в качестве прецедентного феномена. Сделан вывод, что основными сферами-источниками, к которым относится данное прецедентное имя, являются: театр, кино и детская литература. Выявлен инвариант восприятия антропонима Мальвина, существующий в массовом сознании. Определено, что образ Мальвины, появляющийся в газетном дискурсе, чаще всего отсылает к сказке А. Толстого и фильму, снятому по его мотивам, а также песне Н. Королевой «Хрустальное сердце Мальвины». Мальвина в газетном дискурсе реализует значение внутри оппозиций невинная девушка/женщина легкого поведения, юная девушка/женщина средних лет (сопоставление последнее с Мальвиной является способом иронической оценки), хрупкая послушная девушка / властная и волевая женщина и т.д. В ряде контекстов Мальвина выступает символом детской литературы. Сопоставление с Мальвиной вводится в газетные тексты при помощи атрибутов, связанных с куклой: бант, платье, кудрявые волосы, голубой или розовый цвет. В контекстах, где Мальвина упоминается вместе с другими героями сказки: Буратино, Пьеро, Карабасом-Барабасом, она несамостоятельна, воспринимается как марионетка.

Ключевые слова: Мальвина, прецедентное имя, «Золотой ключик или приключения Буратино», бант, голубые волосы, кукла, газетный дискурс

E.O. Kuzminykh

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

L.A. Mikhnova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: mikhnova05@mail.ru*

THE PRECEDENT NAME OF MALVINA IN MODERN NEWSPAPER DISCOURSE: SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS

The article analyzes the contexts presented in the newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian Language, in which the anthroponym Malvin acts as a precedent phenomenon. It is concluded that the main source areas to which this precedent name refers are: theater, cinema, and children's literature. The invariant of perception of Malvin's anthroponym, existing in the mass consciousness, is revealed. It is determined that the image of Malvina appearing in newspaper discourse most often refers to the fairy tale by A. Tolstoy and the film based on his motives, as well as the song "The Crystal Heart of Malvina" by N. Koroleva. Malvina in newspaper discourse implements the

meaning within the oppositions of an innocent girl/a woman of easy virtue, a young girl/a middle-aged woman (comparing the latter with Malvina is a way of ironic assessment), a fragile obedient girl / an overbearing and strong-willed woman, etc. In a number of contests, Malvina is a symbol of children's literature. The comparison with Malvina is introduced in the newspaper texts using attributes associated with the doll: bow, dress, curly hair, blue or pink color. In contexts where Malvina is mentioned along with other heroes of the fairy tale: Pinocchio, Pierrot, Karabas-Barabas, she is not independent, she is perceived as a puppet.

Keywords: Malvina, precedent name, "The Golden Key or the adventures of Pinocchio", bow, blue hair, doll, newspaper discourse

Данная статья посвящена исследованию особенностей использования имени Мальвина в качестве прецедентного феномена в современном газетном дискурсе. Газетный дискурс занимает большую часть современного медиапространства и, по мнению Г.В. Бобровской, представляет собой «динамическое когнитивно-коммуникативное явление, процесс и результат речевой коммуникации в печатных СМИ», а газетный текст является продуктом «дискурсивной деятельности в условиях массовой коммуникации, способствующий обмену социально значимой актуальной информацией» [2; с. 9].

Размышляя над особенностями газетного дискурса, М.М. Бахтин делает вывод, что он включает в себя не только текст, но и экстралингвистические компоненты, поэтому его можно охарактеризовать, как «особый род социальной деятельности, основной функцией которого является распространение знаний, идей, художественных ценностей и иной информации в целях формирования определенных взглядов, представлений и эмоциональных состояний, а через них оказание влияния и на поведение людей» [1; с. 204]. Газетный дискурс в силу своей специфики способствует сохранению и трансляции культурных, материальных и духовных ценностей, а также фиксирует процессы их изменения и переосмысления.

Характерной чертой современного медиа- и, в частности, газетного дискурса является «активное использование прецедентных имен, выполняющих функции концептуализации, категоризации и оценки действительности» [3; с. 22]. Прецедентные имена – это разновидность прецедентных феноменов (культурно нагруженных знаков, которые известны значительной части представителей национально-лингвокультурного сообщества). Под прецедентными именами мы вслед за Е.А. Нахимовой будем понимать «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не только для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др), но и в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий и судеб» [7; с. 105].

Для выявления особенностей употребления рассматриваемого антропонима в медиатекстах необходимо обозначить характерные черты, присущие вымышленному герою, носящему имя Мальвина. Первоначально именем Мальвина был назван персонаж «Поэм Оссиана» Д.Макферсона. Имени Мальвина у кельтов не было, поэтому считается, что автор его выдумал. В этом произведении героиня – очаровывающая всех своей красотой вдова. Образом оссиановской девушки вдохновлялись многие поэты и писатели русской литературы, например Пушкин в «Евгении Онегине» написал такие строчки: «Его с разрозненной Мальвиной // Он уступил за три с полтиной..» [8]. Образ Мальвины в книге «Золотой ключик или приключения Буратино» собирательный, его прототипами послужили не только героиня «Поэмы Оссиана», но и Пешкова (сноха Максима Горького), Коломбина из итальянской комедии дель арте, а также фея с голубыми волосами из оригинальной сказки Карла Коллоди «Пиноккио». В книге А. Толстого и в снятом на ее основе художественном фильме «Приключения Буратино» Мальвина – это кукла, похожая на маленькую девочку: «кудрявая хорошенькая девочка с хорошеньким приподнятым носиком». «самая красивая кукла из кукольного театра синьора Карабаса Барабаса», «воспитанная и кроткая» [11; с.41-42]. Отличительные особенности ее внешности, намеченные в книге и ярко представленные в фильме, – это кудрявые голубые волосы, выразительные голубые глаза, большой бант (белый или голубой), пышное белое или голубое платье. «Костюм» Мальвины отсылает к образу Голубой

феи из оригинала сказки. Как истинная девочка, Мальвина все время говорит о том, что она боится опасностей и неприятностей, и много плачет, переживая за судьбу друзей. При этом по отношению к героям сказки, нарушающим привычный для нее уклад и нормы поведения, она склонна проявлять строгость и выступать в роли воспитателя: «Теперь я займусь вашим воспитанием, будьте покойны» [11; с. 46]. Роль строгого, но справедливого воспитателя, присущая Мальвине, отсылает к значению ее имени, указанному в словаре А.В. Суперанской: «Мальвина зап.[из др.-герм. mal справедливость + win друг]» [10]. Говоря о Мальвине, стоит упомянуть и о том, что она является центром любовного треугольника, реализуемого в сюжете сказки: ее обожает незадачливый Пьеро, а сама она испытывает привязанность к энергичному и озорному Буратино.

При выявлении особенностей использования имени Мальвина в качестве прецедентного антропонима в современных газетных текстах необходимо учитывать связанные с ним ассоциации, существующие в массовом сознании и формирующие инвариант восприятия – наиболее общее представление, характерное для членов культурного сообщества. Исходя из инварианта восприятия, можно выявить мотивацию употребления прецедентного антропонима в различных текстах газетного дискурса.

Чтобы выявить инвариант восприятия антропонима Мальвины, существующий в массовом сознании, обратимся к энциклопедиям и словарям, в том числе ассоциативным. В большинстве толковых словарей значение имени Мальвина определяется так: «Мальвина – это «девочка с кудрявыми голубыми волосами», «самая красивая кукла из кукольного театра синьора Карабаса-Барабаса», у неё фарфоровая голова и туловище, набитое ватой» [4]. Словарь ассоциаций русского языка, приводит следующие реакции на стимул Мальвина, располагая их по степени частотности: «Артемона, Буратино, пудель, марионетка, ключик, касторка, Пьеро, девочка, бант, кукла, синеглазка, голубой цвет, сказка, зануда, Карабас-Барабас, красавица, синие волосы, доброта, детство, пунктуальность, дура» и т.д. [6]. Ассоциативный ряд, представленный на Картаслов. Ру, представлен следующими лексемами: «Буратино, пудель, марионетка, касторка, ключик» [5]. Таким образом, мы можем говорить, что инвариант восприятия данного имени формируют следующие представления о Мальвине: соотношение Мальвины с героями, включенным в сюжет сказки А. Толстого (Буратино, Пьеро, Артемоном, Крабасом-Барабасом); представление о ней как о художественном образе из сказки и фильма (девочка, кукла/марионетка; красавица, сказка, детство); характеристики внутреннего мира и эмоционального состояния: занудство, доброта, пунктуальность; характерные черты внешнего облика героини: голубые/синие волосы, бант, кудри, платье; ассоциирующаяся с ней касторка, является указанием на эпизод сказки, в котором она лечит Буратино этим средством, что вызывает у последнего протест и негативные эмоции. Выявив инвариант восприятия Мальвины, перейдем к анализу особенностей использования ее имени в газетном дискурсе.

В газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка, а также на сайтах, содержащих архивы газет («Аргументы и факты», «Труд», «Коммерсантъ» и др.), по запросу «Мальвина» нами было выявлено 72 контекста, в которых упоминается данное имя, (большая часть из них посвящена островам с одноимённым названием, реально существующим людям, носящим подобное имя, и детским утренникам и поэтому вынесена за пределы анализа). Всего было проанализировано 42 контекста, содержащих исследуемый нами прецедентный антропоним. В результате анализа мы выявили следующие особенности его употребления в современном газетном дискурсе (здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка [9; ruscorpora.ru]).

Нами было обнаружено, что в большинстве случаев имя Мальвина отсылает к конкретным прецедентным текстам: сказке А. Толстого «Золотой ключик или приключения Буратино» и художественному фильму «Приключения Буратино», снятому в 1975 году по мотивам произведения. Интересно, что даже в тех контекстах, где в качестве источника имени указывается «Пинокио», авторы используют сюжет и портреты героев из сказки А. Толстого.

Характерной особенностью данного имени, функционирующего в современных газетных текстах в качестве прецедентного, является амбивалентность ассоциаций, связанных с ним. Основная оппозиция, выявленная нами в текстах, строится на противопоставлении: женщина легкого поведения/скромная молодая девушка. Так, например, статья «Недорогие «Мальвины» для дорогих гостей столицы», повествует о частном случае, произошедшем с героем сюжета в Москве, где ему на Комсомольской площади сутенер предложил «молоденькую девочку». Слово «девочка» вызывает романтическое представление о Мальвине из сказки, которая «живет совсем неподалеку, в чистенькой и ухоженной комнатухе, у нее голубые, как у Мальвины волосы, она будет нежна с вами и исполнит все ваши желания». (С Мальвиной- символом юности мы сталкиваемся и в статье «Чемоданы закрываются», рассказывающей о фестивале клоунского искусства, где в одной из постановок появляется «вечно юная Мальвина-Джульетта»). В мечтах приехавшего Мальвина воплощает собой воспоминание об объекте желания из детства, о воздействии которого говорится и в статье «Наши первые сексуальные грезы», где Мальвина оказывается в ряду таких героинь, как Красная Шапочка, Алиса Селезнева и Маша Старцева, ставших для автора статьи «эротическим идеалом»: «Подойти бы тогда к маме и сказать: "Мам, ты знаешь, у меня проснулось либидо и настоятельно требует удовлетворения. Отвези меня к Мальвине, девочке с голубыми волосами!"». Знакомство с «девочкой» заканчивается разочарованием, поскольку образ Мальвины оказывается несовместим с открывшей дверь особой, «лет тридцати, нещадно битой временем и кулаками», которая смотрит мимо невидящими глазами и силится не упасть. Из квартиры вырывается спертый воздух. Вот так Мальвина... Самое верное – уносить отсюда ноги. Следом несутся проклятия, угрозы "прирезать" при первой же возможности. Не ходите к Мальвинам».

Отметим, что непременным условием соответствия образу Мальвины оказывается возраст героини. Привлекательная, желанная Мальвина должна быть молода, поэтому знакомство с героиней, которой тридцать лет, приводит к разрушению мечты об идеальной послушной юной девушке с кукольной внешностью, вызывающей желание. По всей видимости, сюжете данной статьи апеллирует не только к представлениям об образе Мальвины из сказки, но и к хранящейся в культурной памяти ассоциации с данным именем, которая сформировалась в начале XX века, когда оно стало употребляться в отношении девушек с низкой социальной ответственностью. В одной из газетных хроник находим информацию о том, что в 1993 году существовал публичный дом с аналогичным именем, данным ему жителями города: «Для желающих воспользоваться услугами "Мальвины", как называли это заведение жители Петрозаводска, существовал диспетчерский телефон, установленный в одной из квартир на окраине города (его номер неоднократно рекламировался в местных mass media вместе с приглашением приятно отдохнуть и расслабиться).

С образом Мальвины – порочной, но желанной, мы сталкиваемся и в статье, осуждающей один из альбомов Владимира Кузьмина, где главной героиней оказывается «его"жена" (она же "Мальвина", она же "крошка", она же "детка"), которая "слаще анаши". Если мы обратимся к тексту песен Кузьмина, то увидим, что его «Мальвина» – это желанная, недостижимая женщина, без которой лирический герой не может жить. Его чувства созвучны восприятию Пьеро из фильма «Приключения Буратино»: «Не нужна мне малина, // Не страшна мне ангина, // Не боюсь я вообще ничего!», «Лишь бы только Мальвина // Обожала меня одного». Отметим, что девочка-Мальвина появляется и в музыкальной культуре 21 века, например, в песне группы «Фактор-2», где находим утрированно-неуважительное обращение к лирической героине: «Здравствуй, девочка-Мальвина, // Да что б сгорела ты скотина». Здесь создаётся образ падшей женщины, испортившей жизнь главного героя и заслуживающей наказания.

В ряде исследованных текстов, большая часть из которых посвящена представителям шоу-бизнеса, имя Мальвина становится символом чистоты, юности, хрупкости, нежно-

сти и беззащитности: «У меня о вас – из всяких интервью, ну и по песням, конечно, – сложился образ такой красивой, слабой и беззащитной женщины. Эдакая Мальвина в руках разных Карабасов. Значит, вы о – другая?». В данной статье, рассказывающей о певице Валерии, основанием для сравнения с Мальвиной становится не только кукольная внешность певицы, но и ставшие публичными эпизоды ее семейной жизни, которые отчасти накладываются на сюжет сказки: певица дважды выходила замуж за продюсеров и стала жертвой домашнего насилия со стороны первого мужа, что и явилось основанием для сопоставления его с Карабасом-Барабасом.

В статье «Мальвина из страны фиалок... и футбола», с Мальвиной сравнивается «юная принцесса эстрады», «хрупкая» Диана Гурцкая, чей мир «полон нежности, девической чистоты, ожидания чуда и какого-то не по возрасту мудрого добросердечия». Здесь сравнение с Мальвиной связано не столько с внешностью, сколько с возрастом и характером Гурцкой, а также с образом жизни-сказки, символами которой довольно часто оказываются именно герои произведения А. Толстого. Мир незрячий Дианы, по мнению автора статьи, похож на «мир мечты и сказки» из песни «Маленькая страна», которую исполняла Наташа Королева. Здесь стоит отметить, что упоминание Королевой в данном контексте является неслучайным, поскольку ее песня «Хрустальное сердце Мальвины», прозвучавшая в 1993 году, во многом способствовала всплеску интереса к любовному сюжету сказки и моде на кукольную внешность. Интересно, что сравнение самой Королевой с Мальвиной появляется в газетном дискурсе двадцать лет спустя, когда певица сменила имидж, использовав в макияже синесиреневые тона и вплетя в волосы ярко-синие пряди. В газетных статьях трансформация ее образа стала символом «ностальгии по 90-м».

Стоит обратить внимание, что авторы статей, посвященных Гурцкой и Валерии, указывают на двойственность образов, несовпадение внешности певиц-«Мальвин» и особенностей их увлечений и характеров. За хрупкостью и кукольностью скрывается властность и сильная воля, так, например, Валерия оказывается довольно жесткой женой и матерью, воспитывающей членов своей семьи, а Диана не только «играет в куклы», но и является заядлым футбольным болельщиком и хорошо приспособлена к несказочной жизни.

В указанных статьях несовпадение представлений и реальности вызывают приятное удивление у их авторов, однако существует ряд газетных текстов, где расхождение образа героини среднего возраста с закрепившимся в массовом сознании представлением о девочке-Мальвине вызывает негативные эмоции и является причиной иронической оценки. В качестве примера приведем уже упоминавшийся контекст, где вместо девочки с глубокими волосами, живущей в «чистенькой и ухоженной комнатухе», мужчина попадает в неухоженную квартиру, обительницей которой является «девочка» лет тридцати.

Молодящиеся женщины вызывают презрение своей нелепостью, упоминание об этом находим в статье, посвященной фильму Сергея Бодрова, где мать героини описывается как «пьющая баба с огромным бантом Мальвины в редеющей прическе и страстью демонстрировать балетную растяжку». Здесь сопоставление с героиней просходит благодаря атрибуту-банту. В статье «Что надеть на выпускной бал» приводится мнение В. Зайцева об идеальном образе выпускницы-Мальвины: «Какая же Мальвина без банта? В своей коллекции для выпускного бала мэтр сочетает классику и романтический стиль».

Еще одним атрибутом, позволяющим произвести сопоставление героини с Мальвиной, становится голубой цвет волос или платья. Присутствие в облике Мальвины голубого цвета связано с образом куклы в фильме по мотивам сказки Толстого, где она предстает перед зрителем в голубом платье с рюшами и огромным белым бантом на голове. Подобный тип сравнения обнаруживается в следующем контексте: «Июкаста (великолепная Анаик Морель), персонаж изначально совсем некомический, в синем костюме цветка напоминающая кого-то вроде Мальвины».

Интересно, что в ряде газетных текстов (особенно, когда речь идет об оценке результатов художественного творчества) голубой или розовый цвет одежды героини ассоциируется с пошлостью, отсутствием глубины, нарушением гармонии. Так, в статье Андрея Хрипина «Игра в куклы

или рождение тенора? Концертное исполнение «Лючии ди Ламмермур» Доницетти в Большом театре», автор описывает исполнительницу главной роли (Ольгу Шалаеву) как «Мальвину в белокурых кудряшках и ядовито-васильковом платье с воланчиками. Симпатичное, обаятельное создание — но не из той оперы». Здесь для сосоставления с Мальвиной используется ассоциация с куклой и цвет платья, получающий негативную оценку из-за маркировки его как «ядовито-голубого», слишком яркого, неуместного, вызывающего раздражение. Из-за появления в ней героини-«Мальвины» постановка Бориса Милгама «Мой драгоценный клад», где главные герои похожи на персонажей Буратино и смешны из-за возрастного несоответствия сказочным кукольным образам, характеризуется как пошлая и «банальная»: «Героиня Зинаиды Шарко появляется в розовом кукольном платьице и с цветком в напудренных волосах, герой (его играет Михаил Жигалов) — в смешной серой шапочке с отвислыми ушами. Старые герои похожи на постаревших Мальвину и Артемона».

Кукольность в качестве основания для прецедентности использует и автор статьи «Дарья Асламова, как я проигралась в Лас-Вегасе», где стильная самодостаточная европейская женщина противопоставляется «чешской стерве с кукольным именем Мальвина».

Еще одним атрибутом, позволяющим осуществлять сравнение с Мальвиной, является прическа. Всем известна причёска «Мальвинка», получившее название по имени сказочной куклы. Своей формой она напоминает бабочку или бантик, прическа довольно простая и миловидная, о ней рассказывается в статье «Когда поднять руку на детские кудри»: «"Мальвина" — зачесать наверх часть волос от ушей до макушки и на макушке перетянуть их резинкой или заколкой. Помимо типа прически и голубого цвета волос с Мальвиной ассоциируется их волнистость, неслучайно именем данного персонажа называют кучерявую зелень (петрушку, салат), и его часто дают лошадям и пони, имеющим волнистые хвосты. Вероятно, в том числе по этому принципу с Мальвиной сравнивается Алла Пугачева, большую часть жизни носившая прическу с волнистыми волосами: «Вот только сейчас поняла, какой же Алла нафталин... Богатенькая престарелая Мальвина с гнилым Буратино укатили в безызвестность... Туда им и дорога». В данном контексте сравнение с Мальвиной имеет негативный оттенок, при этом Мальвина берет на себя функции Буратино из фильма, ведь именно его называли «богатылким» кот Базилио и лиса Алиса.

Помимо внешних черт внешнего облика основанием для сравнения с Мальвиной в газетных текстах часто становится указание на желание героини сказки воспитывать окружающих. Так, например, в статье «Как мишку Квакина превратить в Тимура», воспитатель использует апелляцию к образу Мальвины, чтобы напомнить непослушному мальчику о наказании за неправильные поступки: «А помнишь, за что Мальвина Буратино в чулан посадила?». Здесь героиня выступает как учитель, пример для подражания, нравственный идеал, который показывал в сказке А. Толстой. Эта же характеристика образа, но с более выраженной негативной оценкой используется в статье «Детям подмигнули носом»: «Собравшись же вместе, четверо Буратино пели заунывными головами доходяг "Он окружен людской молвой, он не игрушка — он живой" (фант "Осторожно, двери закрываются") или кружились в смутном танце, пока не появлялась строгая Мальвина со своим "Буратино, сделал задание, нет? Завтра без родителей не являйся!"». Мальвина в данном тексте не только правильная, но и строгая, непреклонная.

Еще одной причиной обращения к образу девочки с голубыми волосами в современных газетных текстах является ее восприятие как символа детской литературы. Так, например, нами было обнаружено 4 контекста, в которых при описании детских праздников в библиотеках сделан акцент на присутствие на них героев Толстого: Буратино и Мальвины. При этом в одном из текстов присутствует вывод о том, что эти герои недостаточно интересны и авторитетны для детей, поэтому «запустить детям актеров в костюмах Буратино и Мальвины вовсе не достаточно для того, чтобы дети открыли книги».

Отметим, что чаще всего Мальвина упоминается в одном контексте с такими героями как Пьеро, Буратино и Карабас-Барабас. При этом обычно мы наблюдаем несамостоятельность функционирования данного образа. Например, «...поначалу Виолетта и сама — всего лишь буратинистая

Мальвина». В данном контексте Мальвина образует с Буратино нерасчленимое в восприятии целое. В ряде текстов она становится управляемой «вещью», принадлежащей другому герою. Подобный пример обнаруживаем в статье Михаила Золотоносова «И приходит Акакий Акакиевич...»: «В отличие от задорного и злого Арлекина, Пьеро всегда заплаканный. И если бы не кукла Мальвина, всегда утирающая ему слезы, было бы совсем плохо». Здесь Мальвина несамостоятельна, выступает как «приложение» к главному герою, только марионетка, игрушка и ничего более, ведь «на отсутствие Мальвин Пьеро пожаловаться не может». Как марионетку, управляемую женщиной представляет автор статьи и певицу Валерию, когда говорит, что она жертва «в руках разных Карабасов-Барабасов». Таким образом, управляемость, несамостоятельность также входят в набор характеристик, связанных с прецедентным именем Мальвина, функционирующем в газетном дискурсе.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. URL: <https://lingvotech.com/baxtin> (дата обращения: 05.04.2025)
2. Бобровская Г.В. Элокутивные средства газетного дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале русского языка): автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01. Волгоград, 2011. 56 с.
3. Будаева Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С.22-36
4. Мальвина (персонаж) [Электронный ресурс] // Википедия. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Мальвина_\(персонаж\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Мальвина_(персонаж)) (дата обращения: 05.04.2025).
5. Мальвина [Электронный ресурс] // Карта слов. URL: <https://kartaslov.ru/карта-слова/тезаурус/мальвина> (дата обращения: 05.04.2025).
6. Мальвина [Электронный ресурс] // Sinonim.org: словарь синонимов. URL: <https://sinonim.org/as/мальвина> (дата обращения: 05.04.2025).
7. Нахимова Е.А. Прецедентное имя «Буратино» в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2007. № 52, вып. 22. С. 105-112.
8. Пушкин, А. С. Евгений Онегин (глава 5, строфа XXIII) [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.6/index.html> (дата обращения: 05.04.2025 г.).
9. Савчук С.О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания, 2024, 2: С. 7–34.
10. Суперанская А.В. Мальвина // Лексикография.онлайн : [сайт]. URL: <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya/m/мальвина> (дата обращения: 05.04.2025).
11. Толстой А. Н. Приключения Буратино. М. : Школьная библиотека, 2003. 74 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кузьминых Елена Олеговна,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
Воронежский государственный технический
университет,
SPIN-код 77550-3566,
e-mail:eleshka-82@yandex.ru

Kuzminykh Elena Olegovna,

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-код 77550-3566,
e-mail:eleshka-82@yandex.ru

Михнова Лидия Анатольевна,

студент направления «Журналистика в про-
изводственно-технической сфере»
кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации,
Воронежский государственный технический
университет,
e-mail:mikhnova05@mail.ru

Mikhnova Lydia Anatolievna

student of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication
in the field of "Journalism in the industrial and
technical sphere",
Voronezh State Technical
University,
e-mail:mikhnova05@mail.ru

УДК 81

Е.А. Попова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru*

М.Л.Ю. Лабан

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
e-mail: minalorise@yahoo.com*

АФРИКАНСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье на материале лингвистических словарей русского языка, произведений русской литературы XIX–XXI вв. рассмотрены африканские антропонимы *Клеопатра* и *Нефертити*, ставшие частью национальной персониферы и прецедентными именами русской лингвокультуры. Обе персоналии в сознании носителей русского языка связаны с такой ценностью, как красота. Но если образ Нефертити связан только с красотой, то в образе Клеопатры она сочетается также с качествами, которые оцениваются в русской культуре отрицательно.

Ключевые слова: африканские антропонимы, лингвокультура, русский язык, прецедентные имена, национальная персонифера, Клеопатра, Нефертити, ценности, антиценности.

Е.А. Popova

*Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan
(Lipetsk, Russian Federation)
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru*

M.L.Jr. Laban

*Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan
(Lipetsk, Russian Federation)
e-mail: minalorise@yahoo.com*

AFRICAN ANTHROPNOMS IN RUSSIAN LINGUOCULTURE

Russian Russian linguistic dictionaries and works of Russian literature from the 19th to the 21st centuries are used in the article to examine the African anthroponyms Cleopatra and Nefertiti, which have become part of the national personosphere and precedent names of Russian linguistic culture. Both personalities in the minds of Russian speakers are associated with such a value as beauty. But if the image of Nefertiti is associated only with beauty, then in the image of Cleopatra it is also combined with qualities that are negatively evaluated in Russian culture.

Keywords: African anthroponyms, linguoculture, Russian language, precedent names, national personosphere, Cleopatra, Nefertiti, values, anti-values.

Африканские антропонимы, особенно ставшие прецедентными именами русской лингвокультуры, наряду с африканскими топонимами (*Нил, Египет, Эфиопия, Лимпопо, Сахара* и др.), этнонимами (*африканец, арап, негр, египтянин* и др.), африканизмами, представляющими собой нарицательные существительные и называющими африканские растения и животных (*банан, баобаб, зебра, шимпанзе, цеце* и др.), являются репрезентантами образа Африки в сознании носителей русского языка. К числу таких африканских антропонимов относятся имена двух древнеегипетских цариц – *Клеопатра* и *Нефертити*, которые и являются предметом рассмотрения в нашем исследовании.

Прецедентные имена, будучи одним из способов культурно-символического использования личных имен во вторичных контекстах употребления, «имеют значительный культурный потенциал, они способны выступать в качестве носителей культурно значимой информации, т.е. приобретают символические свойства. Эти особенности собственных имен, главным образом – личных имен, давно востребованы в культурной традиции и задействуются в художественном творчестве, в религиозном и публицистическом дискурсе, в науке, в рекламе и т.д. Разумеется, при этом собственное имя утрачивает свою прямую апеллятивную функцию обозначения индивидуального объекта и выступает во вторично-номинативной функции, точнее – в символической функции выразителей каких-то идей, образов, понятий, концептов, значимых в том или ином культурном пространстве» [10; с. 49]. Сказанное в полной мере относится к прецедентным именам *Клеопатра* и *Нефертити*.

Наиболее известно представителям русской лингвокультуры имя *Клеопатра*. Это слово в качестве нарицательного существительного включено в словарь М.И. Михельсона, изданный более ста лет назад. Автор отмечает, что слово *Клеопатра* употребляется иносказательно в значении «прелестная красавица-кокетка (намек на Клеопатру египетскую – царицу-красавицу)» [5; с. 322]. Один из примеров употребления этого существительного, приведенных в словаре М.И. Михельсона, – цитата из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

«Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей *Клеопатрою Невы*» [5; с. 322].

Клеопатрою Невы А.С. Пушкин называет Нину Воронскую, прототипом которой была «известная своими скандальными связями красавица А.Ф. Закревская, жена генерал-губернатора А.А. Закревского» [15; с. 298]. Н.М. Шанский в лингвистическом комментарии к роману в стихах указывает, что в этом фрагменте *Клеопатра* означает «соблазнительница» [15; с. 298]. Ю.М. Лотман в литературоведческом комментарии к роману, объясняя смысл выражения *Сей Клеопатрою Невы*, писал: «*Клеопатра* (69–30 г. до н. э.) – царица древнего Египта, прославленная своей красотой и развращенностью. Образ Клеопатры заинтересовал Пушкина в 1824 г. Источником интереса явились строки латинского историка Аврелия Виктора, писавшего (вольный перевод Пушкина), что “Клеопатра торговала своею красотой, многие купили ее ночи ценою своей жизни” (VIII, 1, 421). Работа над замыслом произведения о Клеопатре продолжалась до 1828 г. В дальнейшем, в 1835 г., в повестях “Мы проводили вечер на даче” (неоконч.) и “Египетские ночи” Пушкин вновь вернулся к этому образу. Клеопатра в художественном сознании Пушкина олицетворяла романтический идеал женщины – “беззаконной кометы”, поставившей себя и вне условностей поведения, и вне морали» [4; с. 353-354].

В пушкинском романе «Клеопатра Невы» Нина Воронская противопоставлена Татьяне как внешне, так и внутренне:

*И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмит соседку не могла,
Хоть ослепительна была* [9; с. 146].

Это внешнее противопоставление. Внутреннее же противопоставление двух героинь мы видим далее, когда Татьяна, выбирая между незаконной любовью к Евгению Онегину и долгом, верностью мужу, делает выбор в пользу последнего: «*Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; Я буду век ему верна*» [9; с. 160]. На это противопоставление двух героинь обратила внимание А.А. Ахматова в статье «Пушкин в 1828 году»: «Закревскую он (А.С. Пушкин. – Е.П.) просто называет Ниной Воронскою – «Сей *Клеопатрою Невы*» <...> Итак, и Клеопатра Невы, и графиня И. – это кто-то из этих дам, а еще вернее, жела-

ные Пушкина изобразить в противовес светлой и чистой Татьяне страшную, темную, грешную женскую душу» [1; с. 228].

«Словарь языка Пушкина» отмечает, что имя *Клеопатра* в «Евгении Онегине» А.С. Пушкин использовал в нарицательном употреблении. По мнению авторов словаря, в этом случае на первый план выдвигается красота женщины, о чем свидетельствует комментарий, данный в этой словарной статье: «**КЛЕОПАТРА** (1). Имя царицы древнего Египта (68–30 гг. до н. э.), славившейся своей красотой <...>» [12; с. 343]. Но *Клеопатра*, как следует из ранее сказанного, означает не только красавицу, но и кокетку, а также соблазнительницу и развратницу.

Выражение из «Евгения Онегина» *сей Клеопатрою Невы* стало крылатым, оно относится к числу прецедентных высказываний-пушкинизмов и в качестве такового включено в «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко [7; с. 577] и опыт словаря «“Мой дядя самых честных правил”»: Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А.С. Пушкина “Евгений Онегин”» этих же авторов [6; с. 363–364]. Значение этого выражения формулируется как «Об иносказании Пушкина» [7; с. 577]. Это высказывание может быть отнесено к фразеологизмам с сильной культурной составляющей, к группе, содержащей фразеологизмы, «нетривиальное приращение смысла в которых так или иначе связано с литературой, – как правило, с конкретными авторами, произведениями или литературными героями» [3; с. 160].

То, что Клеопатра воспринимается и современными носителями языка как один из символов женской красоты подтверждает «Русский ассоциативный словарь», в котором антропоним *Клеопатра*, стоящий в форме родительного падежа, является единичной реакцией на стимул *красивее* [11; с. 274]. В результате соединения стимула и реакции получается словосочетание *красивее Клеопатры*. Отметим, что из всех реакций на стимул *красивее* рассматриваемый антропоним является единственным именем собственным.

Таким образом, имя древнеегипетской царицы Клеопатры на протяжении двух веков воспринимается носителями русского языка как прецедентное имя, на первый план в значении которого вынесены компоненты «красавица», «кокетка», «соблазнительница», «развратница».

Еще одним прецедентным именем, связанным с древним Египтом, является *Нефертити*. Реальная Нефертити (1370–1330 до н. э.) – «главная супруга» древнеегипетского фараона XVIII династии Нового царства Эхнатона. Она, как и Клеопатра, прославилась своей красотой. В составленном на основе свободного и направленного ассоциативных экспериментов «Психолингвистическом толковом словаре русского языка» А.В. Рудаковой, С.В. Коваленко, И.А. Стернина неединичными реакциями на стимул *Нефертити* были «Египет 29, царица 12, красота 10, египетская царица 3, красавица, красивая, пирамида, царица Египта 2» [8; с. 37]. На вопрос **Нефертити – какая?** неединичными ответами были реакции «красивая 51, прекрасная 5, царственная 3, египетская, красивейшая 2» [8; с. 37]. Показательной также является реакция «эталон красоты» [8; с. 37].

Психолингвистическое значение этого антропонима сформулировано как «Красивая египетская правительница» [8; с. 38]. Авторы словаря выделяют в этом значении следующие архисемы: «Египетская правительница 0,24, жена фараона 0,02, красивая 0,28, египтянка 0,12 <...>» [8; с. 38]. Показательно, что самой частотной является архисема *красивая* 0,28; за ней по частоте следуют *египетская правительница* 0,24 и *египтянка* 0,12. Индекс освоенности семантики антропонима *Нефертити* очень высокий – 0,93 [8; с. 38], это означает, что данное имя знакомо почти всем современным носителям русского языка и вызывает в их сознании какие-либо ассоциации.

В произведениях русских поэтов имя *Нефертити* тоже употребляется как олицетворение женской красоты. У Е.А. Евтушенко есть стихотворение «Нефертити» (1963), которое начинается следующими словами:

Как ни крутите,

*ни вертите,
существовала
Нефертити.*

*Она когда-то в мире оном
жила с каким-то фараоном,
но даже если с ним лежала,
она векам принадлежала [2; с. 360].*

Поэт противопоставляет Нефертити ее мужу-фараону, не случайно в стихотворении он не имеет имени, а назван «каким-то фараоном»: «<...> как заметил Авиценна, / в природе рядом с красотой / любая власть неполноценна. <...> Имел он войско, / колесницы, / ну, а она – / глаза, / ресницы, / и лоб, / звездами озаренный, / и шею выгиб изумленный. / Когда они в носилках плыли, / то взгляды всех глазевших были / обращены, / как по наитью, / не к фараону – / к Нефертити» [2; с. 360]. Поэт пишет о том, что красота Нефертити, воплотившаяся в «изумленном выгибе шеи», не подвластна времени, она как вечная ценность дошла, «дотянулась» до нас: «Она / в мальчишеском наброске / и у монтажницы на брошке. / Она кого-то очищает, / не приедаясь, / не тускнея <...>» [2; с. 361]. Заканчивается стихотворение почти такими же словами, что и начиналось, только глагол прошедшего времени в предложении «Существовала Нефертити» заменен на глагол в форме настоящего времени – «Существует Нефертити» и добавлен противительный союз «но»:

*Как ни крутите,
ни вертите,
но существует
Нефертити [2; с. 361].*

В стихотворении современной липецкой поэтессы А.И. Тамбовской, которое называется «Школьница», прецедентное имя *Нефертити* используется по отношению к современной школьнице. Стихотворение начинается с риторического вопроса: «Вольготно ль тебе, **Нефертити**, у нас / Или сердце в неволе?» [13; с. 105]. В стихотворении много и других подобных вопросов, ими и заканчивается произведение, но при этом хорошо видна связь между русской девочкой, нашей современницей, и древнеегипетской царицей, гармония и свет которой передались школьнице:

*Мечтаешь о чем?
О каких берегах и причалах?
Твоя пирамида пуста,
В ней витает лишь слово...
Ты с чистого пишешь листа
Свою молодость снова.
И это ль не чудо,
Что выжили в сонмище лет
В глазах твоих чутких
Гармония эта и свет? [13; с. 106].*

Итак, прецедентные имена *Клеопатра* и *Нефертити* входят в языковое сознание представителей русской лингвокультуры и национальную персонифицированную культуру, которая складывается из образов не только своей культуры, но и культуры других народов. Рассматриваемые персоналии относятся к «транснациональным, всемирным образам, пополняющим культурный фонд всего человечества» [14; с. 46]. Важнейшим свойством персонифицированной культуры является выражение через ее субъектов ценностей и антиценностей, что мы можем наблюдать и на примере образов *Клеопатры* и *Нефертити*. Обе персоналии связаны с такой ценностью, как красота. Но если образ Нефертити связан только с красотой, то в образе Клеопатры она сочетается с другими качествами, которые оцениваются в русской культуре отрицательно (соблазнительница, развратница).

Библиографический список

1. Ахматова А.А. Пушкин в 1828 году // Ахматова А.А. О Пушкине: Статьи и заметки. М.: Книга, 1989. С. 218-233.
2. Евтушенко Е. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. 559 с.
3. Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Тургеневская девушка, лишний человек и другие: культурные аллюзии как компонент значения фразеологизма // Слово. Словарь. Словесность. Проблемы функциональной лексикологии: сборник научных статей к 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Веры Васильевны Степановой / под ред. В.Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. С. 157-172.
4. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
5. Михельсон М.И. Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. 1119 с.
6. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. «Мой дядя самых честных правил»: Крылатые слова, цитаты, образы из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Опыт словаря. СПб.: ЛЕМА, 2022. 536 с.
7. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 800 с.
8. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 3: Антропонимы / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. 108 с.
9. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1975. 520 с.
10. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13-16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас – Саратов: Интерконтакт, 2016. С. 49-54.
11. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
12. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. Акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. 1080 с.
13. Тамбовская А.И. Тревожные святыни: Стихи. Липецк: ООО «Редакция газеты «Де-Факто», 2006. 131 с.
14. Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Основы теории литературы: учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 316 с.
15. Шанский Н.М. По следам «Евгения Онегина»: Краткий лингвистический комментарий; А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»: Роман в стихах. М.: ООО «Торгово-издательский дом «Русское слово – РС», 1999. 320 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попова Елена Александровна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и литературы, заведующий кафедрой русского
языка и литературы
Липецкого государственного педагогического
университета
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru
SPIN-код 8450-3052

Лабан Мина Лорис,
аспирант кафедры русского языка и литературы
Липецкого государственного педагогического
университета имени П.П. Семенова-Тян-
Шанского,
SPIN-код: 8904-8581
e-mail: minalorise@yahoo.com

Popova Elena Alexandrovna,
Doctor of Philology,
Professor of the Department of Russian
Language and Literature, Head of the
Department of Russian
language and literature
Lipetsk State Pedagogical University named
after P.P. Semenov-Tyan-Shan,
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru
SPIN code 8450-3052

Laban Mina Loris,
Postgraduate student of the Department of
Russian Language and Literature
Lipetsk State Pedagogical University named
after P.P. Semenov-Tyan-Shan,
SPIN code 8904-8581
e-mail: minalorise@yahoo.com

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Файл со статьей в формате .doc, .docx, .rtf должен быть назван Статья_ФИО

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный курсив, выравнивание по центру);
- 3) место работы автора, город, страну (шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив, выравнивание по центру);
- 4) название статьи (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (150–200 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) перевод пунктов 2-6 на английский язык;
- 8) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 9) библиографический список на русском языке (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);
- 10) сведения об авторе на русском и английском языках в виде таблицы: ФИО полностью - жирным шрифтом, степень, звание, должность, место работы, SPIN-код elibrary, e-mail (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в квадратные скобки, указывается фамилия автора работы или название издания (в случае коллектива авторов), год издания, после двоеточия приводятся номера страниц, например: [Иванов 1996 : 54–67], [Фольклор Русского Устья 1986 : 115], если издание многотомное, то ссылка оформляется следующим образом: [Достоевский 1975 : 3 : 4–6], где 3 – том издания.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- 1) предмет, тему, цель работы;
- 2) метод или методологию проведения работы;
- 3) результаты работы;
- 4) область применения результатов;
- 5) выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 81

С.А. Скуридина

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

**МИКРОТОПОНИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора Ф.М. Достоевским микропонимов в романе «Братья Карамазовы». Автором статьи отмечается, что писатель использовал семантически маркированные онимы для обозначения топов анализируемого произведения, что способствовало созданию особой атмосферы и глубины повествования. Включенные в апеллативно-онимное единство, имеющее автобиографический подтекст, микропонимы играют важную роль в формировании хронотопа произведения, способствуя, с одной стороны, возникновению у читателя ощущения достоверности происходящего, с другой – выводя повествование на символический уровень. (150-200 слов).

Ключевые слова: Достоевский, микропонимы, оним, хронотоп, «Братья Карамазовы» (5-10 слов).

S.A. Skuridina

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

**MICROTOPYNOMS IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
«THE KARMAZOV BROTHERS »**

Microtoponyms in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" This paper examines the features of F.M. Dostoevsky's choice of microtoponyms in the novel "The Brothers Karamazov". The author of the article notes that the writer used semantically labeled onyms to denote the toposes of the analyzed work, which contributed to the creation of a special atmosphere and depth of narration. Included in an appellative-onym unity with autobiographical overtones, microtoponyms play an important role in shaping the chronotope of a work, contributing, on the one hand, to the reader's feeling of authenticity of what is happening, on the other – bringing the narrative to a symbolic level. ...

Key words: Dostoevsky, microtoponyms, onym, chronotope, «The Brothers Karamazov».

По мнению основоположника Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [Ковалев 2014 : 5]. Под хронотопом вслед за М.М. Бахтиным понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975 : 234].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: «Наука», 1983. 191с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.,1975. 504 с.
3. Бессонова А.С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ре-

супс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (дата обращения - 18.12.2024).

4. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.

5. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3 (26). С. 10-22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного техническо-
го университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Научное издание

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 3 (3) 2025

Издается с 2025 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 30.06.2025. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 12,5. Усл. печ. л. 13,6. Тираж 25 экз. Заказ № 137.
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84